

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ ГАЗЕТЪ

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЗА АПРѢЛЬ 1915 ГОДА

Мусба

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14031

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 4-го (17-го) АПРѢЛЯ 1915 ГОДА.

№ 14031

НАВНАЗСКИЙ ФРОНТЪ.—Проводы офицерами Навназской Драгунской дивизіи Е. И. В. Великаго Никла ГЕОРГІЯ МИХАИЛОВИЧА послѣ раздачи Георгіевскихъ крестовъ.

Рисун. А. Пржевальскаго (участника войны).

Альконоость — вѣщая птица.

Рассказъ.

I.

Ивановъ не спалъ. Онъ одинъ только, казалось ему, не могъ спать изъ всѣхъ тѣсно набитыхъ въ деревянный ящикъ-вагонъ арестантовъ.

Въ мутной и душной, смрадной отъ многихъ грязныхъ, усталыхъ тѣлъ мглѣ, скупо, чуть мерцая, маячила блѣдно-желтый огонекъ салнаго огарка. Громко храпѣли, тихо стонали въ тревожномъ снѣ измученные люди, громыхала уныло и тяжело поязь, и тяжело и тоскливо издыхали, точно живой великанъ, подъ непосильнымъ бременемъ, паровозъ.

Какіе-то звуки, шорохи, шопоты, придуренныя робкія рыданія чудились кругомъ, то стихали, то нарастали, пугая и муча, и Ивановъ вглядывался въ мутную мглу, вслушивался въ звуки и напряженно, упрямо думалъ. Тамъ думать онъ раньше, до тюрьмы, не умѣлъ.

Но и въ тюрьмѣ привязывалась одна какая-нибудь мысль, иногда совсѣмъ вздорная, до раздраженія пустая, и умъ все возвращался къ ней, и она становилась привычной, и хотѣлось и въ ней открыть что-то важное, какой-то глубокой спрятанной, искусно замаскированной незначительностью смыслъ. Но когда дошли въ тюрьму слухи о войнѣ, пустая, неважная мыслишка спряталась, и Иванова покорила одна большая, наполнявшая его темную душу восторгомъ и счастьемъ мысль. Вдругъ въ окружающемъ его мракѣ точно раскрылась дверь въ свѣтлое, безгранично широкое пространство, и онъ нашелъ исходъ всѣмъ мукамъ, всѣмъ тревогамъ, всѣмъ сомнѣніямъ и страхамъ. Война!

Гдѣ-то подъ грохотъ пушекъ, подъ храбрые, беззащитно смѣлые, которымъ ни громъ и трескъ лопающихся гранатъ, подъ чего и никого не жаль. И чѣмъ дальше, градомъ свинцовыхъ пуль бьются, пада-тъмъ больше привыкалъ къ этой мысли ютъ и побѣждаютъ люди. Тамъ хорошо! Ивановъ, делѣлъ ее, ушвался ею, безко- Тамъ нужны такіе, какъ онъ, отчаянно нечно-разнообразно придумывалъ способы

СНАРЯДЪ НѢМЕЦКАГО 42-САНТИМ. ОРУДИЯ.

Рисунъ наглядно представляетъ размѣръ снаряда германскаго 42-сантим. орудія. По бокамъ—снаряды французскаго орудія въ 75 м.м. и германскаго—въ 77 миллим. (направо).—Огромный снарядъ былъ выпущенъ при бомбардировкѣ Бердена, но не разорвался.

Командиръ батареи подполк. В. И. СОСНОВСІЙ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. Дважды нонтужень.

Подпоруч. А. И. МИХЕЛЬ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. Нонтужень и раненъ.

попасть на войну и строить и перестраивать планы, как он бьется, как доберется до позиций и сразу влезет в самое пекло, окунется с головой в бурную огненную стихию. Из тюрьмы бжгать невозможно, но в пути... И мучительно он ждал, когда его отправят. Стал смрапеть, послушенъ и молчаливъ. И ждал, ждал...

Какъ это будетъ, онъ не зналъ. Но мечта всецѣло владѣла имъ, и онъ ужъ пересталъ думать о главномъ, какъ онъ убьется и доберется до позиций, онъ уже рисовалъ себѣ картины боя и то видѣлъ себя героемъ, спасающимъ знамя, выносящимъ изъ-подъ огня раненаго начальника, то воображалъ себя тяжело раненымъ на больничной койкѣ: сестра, кроткая и молодая, склоняется надъ нимъ, генералъ прикалываетъ ему на грудь крестикъ. Всѣ знаютъ, что онъ бжглый, но все ему уже прощено, все забыто, и онъ умираетъ счастливый и примиренный.

И именно такой конецъ больше всего привлекаетъ Иванова. О жизни какъ-то не думается, и когда пробуетъ думать, ничего не выходитъ. А смерть всегда является желанной, торжественной гостьей, и больше всего Иванову хочется хорошей, красивой смерти. И сила въ вагонѣ, онъ мечтаетъ о побѣдѣ, о битвахъ, о нечеловѣческихъ усилкахъ, богатырскихъ подвигахъ и послѣ нихъ объ отдыхѣ вѣчномъ, ненарушимо-безмолвномъ, предъ которымъ безсилно все.

Тихо колыхнется вагонъ, въ тактъ ему качается изъ стороны въ сторону Ивановъ, погруженный въ свои мечты. Онъ знаетъ, что съ каждымъ толчкомъ онъ ближе къ цѣли, онъ такъ привыкъ къ своей мечтѣ, что уже не сомнѣвается ни въ чемъ, даже не хочетъ думать о подробностяхъ: все должно совершиться само собой.

Ночью подкатили къ полустанку, въ полтора верстахъ отъ уѣзднаго города.

Вагоны съ арестантами отцѣпили и, когда шумъ ушелъ, подали другой паровозъ и перевели на запасный путь. Завязжали замки, загремѣли засовы, послышались одергивающіе крики конвойныхъ, и изъ вагоновъ стали выходить, прыгая съ высокихъ сходней прямо въ жидкую грязь, уставшіе, осовѣвшіе люди.

Въ сырой и черной мглѣ, въ которой едва рдѣли огни станціи по ту сторону, и далеко позади блестялъ зеленый огонь семафора, а впереди тремя бѣлыми полосками ложился на рельсы свѣтъ фонарей паровоза, арестанты строились въ колонну. Тихо позвякивали тамъ и самъ цѣпи, точно боясь нарушить тишину; замолчали и конвойные. Наконецъ, колонна двинулась. Сначала полемъ, утопая въ болотѣ, напрямикъ къ городскому шоссе. Когда выбрались на него, станція со своими огнями пропала изъ виду, и черная сырая мгла стала еще гуще, еще таинственнѣе.

Разбрызгивая лужи и оступаясь въ колдобинахъ и выбоинахъ, плечомъ къ плечу, тѣня другъ друга, шли разные, не похожіе, случайно собранные въ кучу люди. Медленно, вало, неохотно и послушно брело повурое, утрюмое, безнадежное человѣческое стадо, и каждая грудь несла большую усталую душу, точно полную чашу страданій и поречи. Время отъ времени слышался тяжелый вздохъ, но никто не говорилъ. Все было переговорено уже въ вагонѣ, всѣ знали другъ друга, кого за что и какъ судили, и каждый таилъ про себя свое горе, свое недовольство и свое брезгливое отношеніе къ другимъ.

Это особенно поразило Иванова. Не было никого, кто бы считалъ себя справедливо наказаннымъ, и каждому казалось, что наказали его слишкомъ строго, а другихъ наказали мало или не такъ, какъ слѣдовало, и каждый оправдывалъ себя тѣмъ, что условия его жизни сложились такъ, что преступленіе являлось единственнымъ неизбежнымъ выходомъ, но для другихъ не находилъ этого оправданія, и ихъ

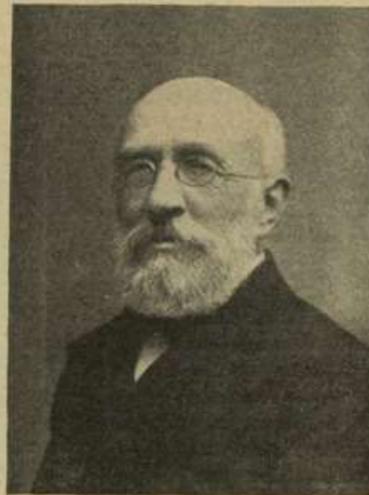
Михаилъ Васильевичъ ЛОМОНОСОВЪ.
Къ 150-лѣтію со дня смерти русскаго поэта и ученаго.

Рис. С. Плошинскій.

преступки казались безмысленными, не съ неподвижнымъ, упрямымъ взглядомъ они казались ему безразличными, нежными, цѣлесообразными и плохо обдуманнми. глаза, и съ окладистой черной бородой мѣ-похожими на дѣтскую сказку. Но онъ чув-

ствалъ это наблюдение, Ивановъ не щадилъ. Онъ называлъ себя пророкомъ и стовалъ по напряженному молчанію могъ не убѣдиться, что таково и его от-учителемъ и основалъ новую секту. Въ и по глазамъ, не отрывавшимся отъ ношеніе. Большинство преступленій ему него утѣрали жена, свекровь, дочь съ проповѣдника, что многие внимаютъ ему было совѣтъ непонятно, но особенно не-понятно, совѣтъ безмысленно казалось имъ онъ убѣдилъ въ томъ, что смерти глубокой, сокровенный смыслъ.

ему то, которое совершилъ шедшій съ цѣтъ, что со смерти начинается на-нимъ въ парѣ высокой, сутуловатый, съ стоящая жизнь. Чтобы ускорить переходъ черными нависшими бровями, изъ-подъ ко- въ лучшую жизнь, они всѣ сошли въ по-терыхъ зловѣщимъ огнемъ горѣли темные. пребъ, гдѣ онъ ихъ заперъ и засыпалъ зем-

Ординарный академикъ, историкъ
Влад. Степ. ИКОННИКОВЪ.

Къ 50-лѣтію его литературной и служеб-ной дѣятельности. Уроженецъ Киевской губ., В. С. воспитывался въ Киевскомъ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ кончилъ курсъ въ Киевскомъ Университетѣ, гдѣ онъ занялъ по-томъ кафедру русскаго исторіи. В. С. Иконникову принадлежит множе-ство цѣнныхъ научныхъ трудовъ, и среди нихъ огромный и важнѣйшій «Опытъ русскаго историографіи».

лей, и гдѣ всѣ она задохлась. Сектантъ рѣшительно и твердо шагаль рядомъ съ нимъ, и онъ чувствовалъ на себѣ его горячій, настойчивый взглядъ. Обыкновенно этотъ человекъ молчалъ, но внезапно, совершенно неожиданно для окружающихъ, не считался ни съ ихъ настроеніями, ни съ мѣстомъ, ни съ временемъ, онъ начиналъ поучать, и тогда лицо его становилось дико вдохновенно. И простые люди жадно внимали ему.

И сейчасъ онъ вдругъ закинулъ голову, поднялъ руку и тихо и проникновенно сказалъ:

— Се лежитъ путь на погубель и востаніе многимъ. Покайтесе! Жизнь есть смерть. Но смерть есть жизнь. Сейчасъ этому не вѣрите, а потомъ узнаете. И всѣ увидятъ и узнаютъ, когда пройдутъ времена и сроки. И вотъ вамъ знаменіе. Смотрите вверхъ. Видите черныя крылья? Вы думаете, это туча, а нѣтъ. Это крылья! Огромныя они и могли бы покрыть весь мѣръ... Крылья—Альконость-птицы. Высоко она живетъ и къ землѣ близко спускается только по ночамъ. Сама она бѣлая, какъ облако, и простымъ глазомъ ее видѣть невозможно. А крылья ея огромныя ночью видѣть можно, и тѣмъ чернѣе ночь, тѣмъ они къ землѣ ближе. Только все это—кому дано, а кому не дано, тотъ и видѣть, да не понимаетъ. А пророчество такое: слетитъ Альконость-Вѣщная птица на землю православную, и будетъ видно ее среди бѣлаго дня, и крылья у нея будутъ не черныя, и будутъ они не алыя, какъ заря, будутъ они, какъ серебряный свѣтъ, и свѣтъ на землѣ такой станетъ, что ночи совсѣмъ не будетъ. Въ ту пору всѣ люди прозрѣютъ и настанетъ жизнь вѣчная. И земля, и солнце, и луна, и звѣзды,—будетъ одинъ мѣръ. И будемъ переходить съ планеты на планету, какъ изъ горницы въ горницу. И будутъ люди, какъ ангелы. А сейчасъ есть только одни ворота—смертннй часъ. Глупые люди боятся его, а умные ищутъ его.

Ивановъ вслушивался въ эти слова, и слышалъ въ нихъ что-то такое, что казалось ему безразличными, нежными, не похожими на дѣтскую сказку. Но онъ чувствовалъ по напряженному молчанію могъ не убѣдиться, что таково и его от-учителемъ и основалъ новую секту. Въ и по глазамъ, не отрывавшимся отъ ношеніе. Большинство преступленій ему него утѣрали жена, свекровь, дочь съ проповѣдника, что многие внимаютъ ему было совѣтъ непонятно, но особенно не-понятно, совѣтъ безмысленно казалось имъ онъ убѣдилъ въ томъ, что смерти глубокой, сокровенный смыслъ.

— Про вѣщную птицу вѣрно,—громко сказалъ молодой голосъ.

Ивановъ узналъ его. Это былъ «политическій».

— И что крылья у нея черныя, потомъ будутъ алыя,—тоже вѣрно. Ну, а про смертннй ворота—это ужъ ты, дядя, вренъ. И насчетъ прогулки съ планеты на планету—тоже заливаешь.

— А ты почему знаешь?—возразилъ мѣщанинъ.—Ты на планетахъ не бывалъ, и молчи. А я бываю,—серьезно прибавилъ мѣщанинъ.—Во свѣтъ часто, въ духовномъ тѣлѣ, посѣщаю мѣры.

— Ну, вы, подбери языки!—грозио крикнулъ одинъ изъ конвойныхъ.

— Ровнѣй стройсь!—крикнулъ другой.—Городъ видать.

II.

Широко раскинувшійся городъ не ясно рисовался впереди низенькими, разбросанными строениями, скупо освѣщенными рѣдкими красноватыми огнями. Точно вырѣзанныя изъ краснаго золота звѣзды, готовые упасть на землю и невѣдомой силой задержавшія въ паденіи, мерцали вечерніе городскіе огни въ черной и влажной мглѣ—остро-свѣжей, но уже дѣшавшей весной. Постепенно городъ выныла-лся все больше и больше по мѣрѣ того, какъ партія приближалась къ нему. И все ярче становились огни. И выше всѣхъ надъ городишкомъ огнистыми переизвивающимися поясами вспыхнули какіе-то новые, неожиданные свѣточки и забѣгали, замерцали, и въ свѣтѣ ихъ палевыхъ и розоватыхъ отблесковъ вырисовались бѣлыя

ГЕРМАНСКІЕ ВОЕННОПЛѢННЫЕ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

28 марта въ Петроградъ была доставлена большая партія,—свыше 500 человекъ,—военнопленныхъ Германцевъ. Подъ конвоемъ нашихъ солдатъ, Германцы были проведены по улицамъ столицы на Николаевскій вокзалъ, откуда ихъ отравили въ северныя губерны.

церковныя стѣны и чернымъ потокомъ,— и не хотѣлось нарушать этого безмолвія, въ которомъ мигали, падали и поднимались, не хотѣлось слугивать эту необыкновенно-потухающую и вновь вспыхивающую, огоньки пасмурную тишину, сулившую отдыхъ и успокоительныя свѣчи,— обтекавшая ихъ военіе.

Почему-то неудержимо и мучительно приковывались къ огнямъ взоры и вали и его товарищи. Было зябко, ныли усталыя ноги и спина, бо больше ихъ и мучительнѣе ныла душа, и онъ боялся чѣмъ-нибудь потревожить ее, какъ-нибудь еще увеличить ея муку, гвалть отъ себя все, всякую мысль, всякое воспоминаніе, всякое разсужденіе.

И было что-то въ черномъ и суровомъ безмолвіи ночи, озаренной кроткими огнями, величественное и торжественное,

Ну, да, онъ убійца. Это онъ знаетъ. И не только это. Знаетъ онъ еще что-то, чему не найдетъ словъ, но чѣмъ жива душа его, и о чемъ громко и настойчиво твердить ему разумъ, что не такъ его судили, какъ онъ виноватъ, и что несообразна съ виной тяжесть его наказания. Это онъ знаетъ и чувствовалъ всегда. Съ того момента, какъ, убивъ, не вѣрилъ тому, что убилъ. И потомъ, когда говорилъ съ защитникомъ, назначеннымъ отъ суда и толковавшимъ ему разныя статьи, въ которыхъ онъ ничего не понималъ и не хотѣлъ понимать. И позже, когда присяжные читали вопросы и отвѣчали на нихъ только однимъ словомъ, но такимъ значительнымъ, такимъ вѣскимъ, такимъ огромнымъ, которое вырастало въ его глазахъ въ соразвинутую съ вышины каменную глыбу, неудержимо падавшую на него и, наконецъ, придавившую его къ землѣ.

— Виновенъ. Одно только это слово. Ему хотѣлось тогда крикнуть:—нѣтъ! Но языкъ отказывался повиноваться ему, голосъ пропалъ, и къ тому же онъ понималъ, что борьба не по силамъ и напрасна.

Тогда открылись двери во что то новое, совсѣмъ необычайный міръ, чуждый, фантастически безобразный, порожденіе какого-то невѣдомаго, злобнаго мстителя, надвѣвательски пытающаго человечество, въ которомъ сама жизнь походила была на скупое освѣщеніе рѣдкими, тѣрающимися

Большоопредѣляющійся П. А. БОРОНИХИНЪ. Убитъ въ бою.

во мракѣ фонарями, наполнивъ ее топотомъ ногъ и лязгомъ цѣпей.

— Хотѣ бы добраться до острога поскорѣй,—сказалъ съдобродѣйный дурнишій мужикъ.—Шутка, черезъ весь городъ пропереть нужно. Не могли, шутя, острогъ у станціи выстроить!

Партія выбралась на площадь. Деревъ теперь была вся на виду. Въ рѣдѣющемъ сумракѣ убѣгающей передъ разсвѣтомъ ночи видны были ея ступени и настежь раскрытыя двери, изъ которыхъ выходила люди. Кое-кто бережно несъ въ рукѣ желтоватую свѣчку, защищая ладонью ея пламя. И ладонь эта, просвѣчивая насквозь, казалась нѣжной, молочно-розовой, точкой фарфоровой. Христосовались, снимая шапки, и трекратно лобызались мужики и мѣщане, галдѣли, мѣнялись лицами, ребятишки, весело, вразсыпную звенѣли колокола. И неожиданной, не нужной, обидной и лишней нотой вводился въ праздничный громъ и шумъ кандалный звонъ.

Зара розовое пушистое крыло свое развѣртывала пасть городомъ, и весь онъ,

медленное умирание, въ которомъ все грубо и реально, болѣзненно ощутимо и вмѣстѣ бессмысленно, невѣроятно, неправдоподобно, какъ мучительный кошмаръ.

Звякнули ружья. Сердце вырвалось коновойный. И Ивановъ почувствовалъ толчокъ прикладомъ въ бокъ.

Но не этотъ толчокъ вывелъ его изъ оцѣпенія.

Вдругъ точно упалъ съ неба и разбился на тысячу кусковъ гудящій, длительный ударъ колокола. Тамъ и самъ поднялся и перекрестился рука.

— Крестный ходъ кончился,—сказалъ кто-то.

— Теперь на паперги пѣть начали!—откликнулся другой.

«— Ахъ, такъ вотъ какая эта ночь!» Ивановъ прижался плечомъ къ сѣкунту, какъ бы лица у него тепла, защиты, успокоенія.

— Вотъ эта ночь—святая ночь.

Партія вступила въ городъ и медленно ползла по узкой, немощенной улицѣ, съ деревянными мостками по обочинамъ, въ которомъ сама жизнь походила была на скупое освѣщеніе рѣдкими, тѣрающимися

Поруч. ЛЬВОВСКІЙ. Убитъ

Ротм. Г. В. СЕМКОВЪ. Убитъ въ бою.

«Браво, ханум!» — кричали Турки из своих окопов сестры С., смело выбывавшей из наших окопов и перевязывавшей раненых в 100 шагах от турецкой цели.

Ген.-майор ин. Н. П. ВАДЕБОЛЬСКИЙ. Был ранен и снова вернулся в строй. За отличие в делах против неприятеля награжден георгиевским оружием.

ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ПЕТРОГРАДЪ.

Группа пленных Германцев. — Как офицеры, так и нижние чины одеты плохо, вид у них изнеможенный.

отражая тѣни ночи, точно поднимался къ небу и становился ярче, чище, наряднѣе и выше.

— Заря! — вздохнулъ Ивановъ.

И въ этомъ вздохѣ, воплѣ души его, вырвалось то чувство контраста и муки отъ этого контраста, которое переполняло ее.

Почему такъ ярко и церковно, и эти огни, и пестрая пелена женщинъ? И почему такъ темно въ немъ, и вокругъ него, и въ тѣхъ, которые съ нимъ? Почему праздникъ для всѣхъ, а для него будни, безпросвѣтные, тяжелые, уже надобавивше, уже постылые и которымъ не предвидится конца.

— Заря, — повторилъ онъ и взглянулъ на товарища.

У того лица все также было сосредото- чено и упрямо значительно. Подъ чер- пыми нависшими бровями метала молнии

Полк. А. М. ЕОНЧЪ-ЕОГДАНОВСКИЙ. Награжденъ золотымъ оружиемъ и представленъ къ ордену св. Георгия 4 степ.

презрительные, непокорные глаза и, какъ голосъ пророка, поучающей безапелляцион- но и рѣшительно, прозвучалъ въ отвѣтъ его голосъ:

— Не заря это, друже! Глянь на небо.

Гляди, не бойся, пристально гляди, не тѣлесными только, но и мысленными очами. Видишь крылья? Видишь? Черныя были они, а теперь алыя, точю ихъ въ крови омыли. Придетъ срокъ, будутъ крылья бѣлыя, бѣлыя, какъ серебряный свѣтъ. Исполнятся времена и сроки, и близко мы уже при дверяхъ. Съ алыми крыльями слетаетъ къ землѣ и будетъ близко-близко Алыконость-птица. А эка- меніе такое для простого и всякаго грѣш- наго человѣка: Свѣтленіе праздникъ съ чистымъ поведѣньемъ встрѣтятся. Такъ оно было и въ первый разъ, такъ оно есть и сейчасъ и также будетъ въ третій и послѣдній разъ переть при- шествіемъ. Сознаются сроки и испол- няются пророчества. Вонъ онъ алыя-то, какъ кровь, крылья. Видишь? Это Алыконость-птица, друже! Нынѣ въ святую ночь, на межѣ ночи съ утрѣмъ, послѣ свѣтлой заутрени, яв- ляется она. Не всѣ могутъ видѣть. Кому дано. Эти всѣ, — онъ съ презрѣніемъ по- велъ глазами по окружающимъ, — не зряче, слѣбые отъ рожденія, кроты они, роются въ землѣ и къ небесамъ не умѣютъ поднять головъ своихъ. Но ты

смотри, смотри, друже. И еще открою тебѣ тайну: въ сію ночь правое крыло вѣ- щей-птицы все алое опускается до земли, и которой страны коснется, быть тамъ войнѣ и междоусобной брани и пролятію крови великому. И еще скажу тебѣ: если задѣнетъ она крыломъ своимъ одного какого человѣка, унесетъ его съ собою къ вѣло вольную. И такого человѣка анжу въ тебѣ, друже.

Ивановъ жадно слушалъ. Онъ все-таки когда-то учился, много читалъ, но въ ду- шѣ его было смутно, и никогда не раз- сѣвался въ ней мглестый, тяжелый туманъ суевѣрія и невѣжества. И еще зналъ онъ твердо, безноворотно, что существуютъ въ мірѣ какія-то истины, прекрасныя, величественныя, неподкуп- ныя, строгія и цѣломудренныя парницы, предъ очи которыхъ никогда не суждено прехтатъ ему, но которыхъ онъ жаждалъ и искалъ всю жизнь, и вѣніе которыхъ, какъ дуновение внезапно, невѣдомо откуда влетѣвшаго вихря, албытельно и власт- но потрясли его.

И теперь онъ внималъ мѣщанину и хотѣлъ, всѣмъ своимъ истерзаннымъ серд- цемъ хотѣлъ вѣрять въ сказку, въ туманъ

Полк. гр. Н. Н. ЛИТКЕ. Награжденъ золотымъ оружиемъ.

Поруч. Мих. Никол. МАНДРАНИ, умерший от ран, полученных в бою при охране полкового штандарта. По окончании Пажеского Его Величества Корпуса поступил в один из гвардейских кавалерийских полков, где и проходил дальнейшую службу, пользуясь обиркою любовью однополчан. На войне неоднократно исполнял чрезвычайно ответственные поручения, за что и представлен к награждению орденом св. Георгия 4 ст. До последних минут своей жизни, уже в бреду, грезил атаками и наступлениями на Ньмрець. Покойник был женат на дочери бывшего управляющего Госуд. Банкомъ Н. А. Кошкиной, свадьба его состоялась накануне наступления полка в поход.

и страшной сказкой казалась действительность, и душа изнывала в трепетных исканиях какой-то иной, подлинной, настоящей, непризрачной и не кошмарной жизни, далекой, чистой, радостной и светлой.

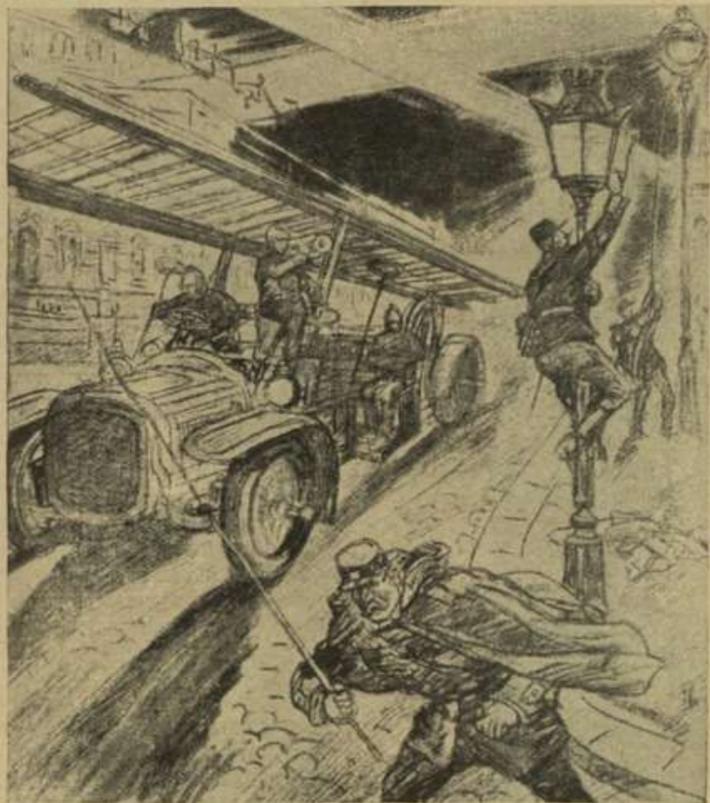
Не умолкая, звенели колокола, и звуки их то разрастались в гудящую мощную гамму, бурным победным вихрем колебавшую воздух, то рассыпались вблизи, светлыми и легкими звонами, и тогда казалось, что под колокольной собралась стая невдомых злоголосох, веселых птешек, которые непрерывно, упрямо и неустанно щебечут и лепечут о радости жизни.

Жить, жить хотелось в эту волшебную, прекрасную ночь! И то, что раньше называлось жизнью, теперь казалось обманом, незлым наводнением, обидной и глупой шуткой. Неуловимыми и нбжными, мбняющимися и ускользающими золотыми контурами намбчалась какая-то другая, прекрасная, высокая, достойная человека жизнь, и вся душа устремлялась за ней. И вдруг пало сердце, сжатое желтзной тоскою, и замирало во власти безмолвного отчаяния.

Нбть возврата! Это тяжелое, ужасное, безобразное тбю влзчить онъ по землб, и вь немъ, какъ вь темной каменной башнб, жалкой и блбдной плбщинкой томится его душа. Сектантъ правъ. Жизнь — смерть, та жизнь, которую создали себб люди. Но и этой жизни нбтъ у него. Нбть для него никакой жизни. Напали какъ-то обрывки: то мелькнетъ свбтлая и яркая картина изъ далекаго, казалось, давно позабытаго дбтства, то съ безпощадной вышуклостью встанутъ вь воображеніи все подробности того ужаса, то затопляться, тбсниться, сталкиваясь и перебивая одна другую, назойливыя, гесуразныя, какъ будто прежде никогда не рождавшія мысли. Среди всего этого хаоса безумія и отчаянія, точно юрвая и пестрая ядовитая змбйка, скользнуть по холоднымъ и мертвымъ камнямъ развалинъ его прошлаго одна страшная, колючая, назойливая и противная мысль и жалить, жалить.

ую красивую сказку обь исполинской плещей аглицъ, сбъ ея черныхъ, какъ ночь, альхъ, какъ кровь, и блблыхъ, какъ серебряный свбтъ, крыльяхъ и жаждаль томительно, не вбря, и тбм горяче желая, ощутить прикосновение ея алаго крыла и съ нимъ свбта, свободы, вольной воли. Вь эту волшебную святую ночь, полную огней и звоновъ, неразгаданныхъ колючая, назойливая и противная мысль символовъ и свбтлыхъ упований, мрачной и жалить, жалить.

ПЕРЕДЪ НАЛЕТОМЪ «ЦЕПЕЛИНОВЪ» НА ПАРИЖЪ.

Пожарные автомобили, быстро проносясь по улицамъ города «Свбточа», предупреждаютъ население Парижа о появленіи «цепелиновъ». Съ быстротою молніи тушатся фонари на улицахъ, и столица Франціи погружается вь мракъ. Наббтъ нбмецкихъ лбтчиновъ не произвелъ никакого впечатлбнія. Набросокъ парижскаго корреспондента журнала „The Graphic“.

БЕСЕННЯЯ РАСПУТИЦА НА ВОЙНБ.

Еслбдствие разлива рбкъ и обильныхъ дождей, заливаются поля и перастающія ихъ шоссе. Посланный съ срочнымъ порученіемъ мотоциклистъ застрблъ вь пути, пробирась съ проселка на шоссе. Встрбчные товарищи сббшать къ нему на помощь.

Полк. Е. А. САЛЬКОВЪ, награжденный Георгиевскимъ оружіемъ за то, что 13 окт 1914 г. подь сильнымъ ружейнымъ огнемъ переправился черезъ р. Каменную у г. Терлова и, проявивъ личное мужество и храбрость, выбилъ Австріяцевъ изъ олоповъ. Этимъ онъ далъ возможность переправитья всей дивизіи.

внутреннего волнения, прошепталъ Ивановъ.

— Молчи. Не знаю о себб еще ничего, а о тебб уже провижу. Чувствь крыло ея? Вижу, что сейчасъ коснется тебя.

Заря заливала уже полнеба, на востокъ все оно было пронизано золотыми искрами, и все предметы становились съ каждой минутой все выпуклбе, все ярче.

— Ббжи, друже! — шепталъ сектантъ. — Какъ толкну тебя, такъ и ббжи. Пока на площади мы, народу много, схорониться легче. Цбпъ-то лбвой рукой прихвати, чтобъ не волклась.

Ивановъ рванулся... Слетбла съ головы шапка, вихремъ загудбля въ головб кака-то обрывистая, то пугающія, то утбшающія мысли. А можетъ быть то гудбля колокола...

Партія дрогнула и остановилась, какъ одинъ человекъ. Послышалась ругань конвойныхъ. Кричали кругомъ на площади:

— Арестанты ббгутъ, лови ихъ! И съ дикимъ визгомъ веселись во вь одномъ направленіи — ребятишки, взрослые и подростки, выкрикивая на ббгу: — Держи его!

Ивановъ ббжалъ буквально куда глаза глядятъ вь этомъ незнакомомъ ему и, — онъ вдругъ до боли живо ощутилъ это, — враждебномъ и жестокомъ городб.

Мысль, что еще какіе-нибудь пять-десять шаговъ, и они подойдутъ къ острогу. И все будетъ кончено. Раскроется пасть какаго-то страшнаго, не имбющаго на человеческомъ языкб имени, легендарнаго чудовища и поглотитъ его, и цбпля двбнадцать лбтъ долгой, безконечной, знательныхъ рыданій, задыхаясь, мбняя неизбримой вбчности онъ уже будетъ ного, спотыкаясь и припадая на лбвое кобничто. Томительно, мучительно медленно лбню, которое у него распухло отъ ревматизма еще вь тюрьмб, и обострившимся, пока не выброситъ, наконецъ, его трупъ, уже не человеческимъ, а какимъ-то зббриннымъ олухомъ лова топотъ ногъ, возлбзть самому вь эту коварную, вастель раскрытую пасть?

Ббжать, ббжать! Повернуть спину этому черному, прямоугольному, поставленному на пустырь ящику, вь которомъ даже вь эту огненную ночь не видно огней, и броситься навстрбчу тому гевбдомому, зовущему, — огненной, прекрасной мечтб своей.

Сердце учащенно застучало, забились виски, похолодбля лббъ, и все тихо поплыло передъ глазами.

И вдругъ горячій и властный шопотъ оббжегъ его и поразилъ его воображеніе, отвбтивъ на его сокровенныя мысли.

— Цбпъ-то я переплзлъ, друже, не учуялъ? — шепталъ сектантъ. — Взыскалъ тебя Господь. Се лежитъ предъ тобою путь къ избавленію.

— И ты? — съ трепетомъ, весь сотрясаясь отъ внезапнаго, заполниваго его

Полк. Н. А. НИКОЛАЕВСКИЙ. Произведенъ вь этотъ чинъ за храбрость. Награжденъ золотымъ оружіемъ.

гласы и крики погои. Точно разбейла острым мечом его сознание долетавшая до него команда:

— Стреляй!

И животным, бессмысленным ужасом всколыхнуло и переполнило его душу.

Но уже отказывались нести его усталая, больная нога и путались, заплетаются в обрывки волоочившейся цепи. Казалось ему, что брести он уже давно и долго, тогда как на самом деле он не успел сбавить и двадцати шагов.

Вдруг что-то гулко и тяжело охнуло, молодецким пошептом ворвалось в уши, затрещало, зазвенело в мозгу. Кто-то огромный, грузный и холодный навалился на него сзади и огненным, пахнущим прожигавшим пощелком впился в затылок, простирая над ним широкую, холодную, черную, как ночь, область. Красная, горячая волна хлынула на мозг и отуманила его. Назойливо зазвенели неутомимые, зовущие, ликующие, сбиющиеся пасхальные колокола, какие-то далекие, какие-то нездешние. Все промозглостью свистом, заходили, заколебались, заколыхались розовые благоуханная ласковые волны и поглотила то огромное, тяжелое, черное, что пригибало его.

Где-то молитвенно, нежно и сладко зазвучали тонкие девичьи голоса, и в потухающем сознании ярко вспыхнуло лучезарный, пышный, не в здешних красках наряженный мир.

Как живая, поднялась и зашумела крыльями красавица—вещая птица. Она еще касалась земли—ед крылья, и были концы их густого алого, как кровь, цвета, но чем выше, тем нежнее были краски, и в вышних розовых он, нежная, как заря. А сама птица была вся белая, как серебряный свист, и вся искрилась и переливалась алмазами и, неудержимо мощная, сгибая и царственно прекрасная, уносила в высь.

Всем существом своим, всем телом, что было в нем вечного и неумиротворенного, и всеми останками его земной оболочки устремился он за ней в нечеловеческом порыве, в неизлечимом восторге.

Затрепетало сраженное пулей, упавшее ничком на землю тело, вытянулось и затихло.

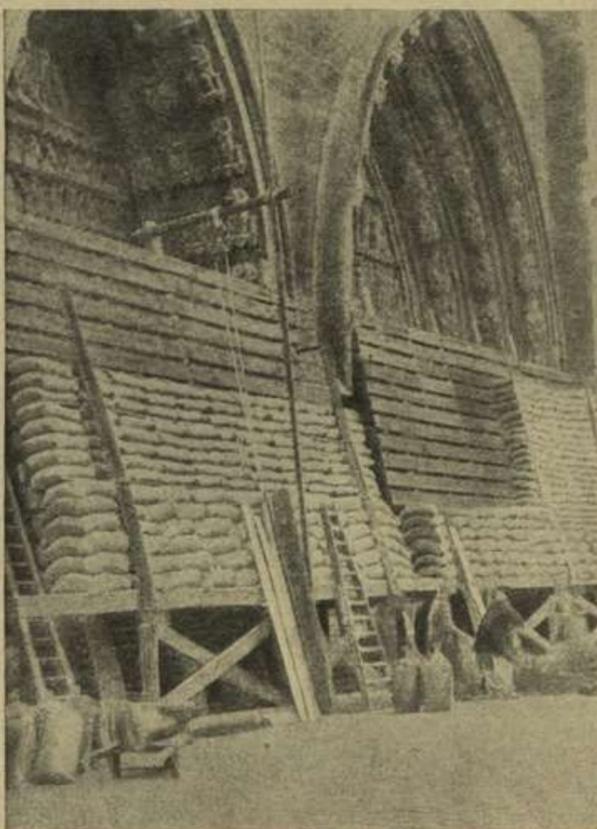
Марк Басанин.

Из семейной хроники Гогенцоллерновъ.

До начала великой войны никто не поднимал вопроса о семейной хронике Гогенцоллерновъ, хотя она давала не мало пищи злословию и сплетням. Любимой темой для всяких толковъ были Габсбурги. Теперь же это положение вещей круто изменилось, и все внимание устремлено за кулисы истории Гогенцоллерновъ. Впрочем, порывшись в этой истории, мы найдем, что Гогенцоллерны издавна заставляли много говорить о себѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ I, отецъ Фридриха Великаго, прославился своимъ несноснымъ характеромъ и резкими высказываниями. Хроникеры того вѣка приводятъ самыя грубыя сценки, разыгрывавшіяся между нимъ и его сыномъ, кронпринцемъ. Въ умѣнныя бравады ему могъ позавидовать любой лезовый Берлина.

Фридрихъ Великій, не взирая на весь ореолъ, которымъ его окружилъ Карлейль, тоже недалеко ушелъ въ этомъ отношеніи отъ своего отца. Его сестра, маркграфиня Байрейтская, издала свои мемуары, въ которыхъ распушенность доходила мѣстами до порнографіи. Фридрихъ-Вильгельмъ II всю свою жизнь коллекционировалъ двѣ вещи: любовницъ и долги! Фридрихъ-Вильгельмъ IV умеръ въ безуміи. Принцесса

ланъ во Франціи спасаютъ отъ новыхъ вандаловъ національные памятники.

Защита Реймскаго собора.—Взрывъ негодования во всѣхъ концахъ міра былъ отвѣтомъ на первую бомбардировку Нѣмцами этого великаго памятника французскаго искусства и истории. Это не помѣшало нѣмецкимъ полчищамъ повторить попытку разрушенія собора. Спасая его отъ этого вандализма, значительную часть сооруженія, начиная отъ основанія, покрыли особыми щитами, а по нимъ — своего рода броню, состоящую изъ набитыхъ пескомъ мешковъ. Она защищаетъ отъ нѣмецкихъ снарядовъ статуи святыхъ и королей Франціи, расположенныя по фасаду собора.

Марія Гогенцоллернъ внесла безуміе въ что она имѣла много причинъ опасаться наследственности.

Кажется, достаточно этого краткаго и сухого перечня предковъ Вильгельма II, — «императора-хамелеона», какъ его называютъ Американцы, — чтобы выяснитъ, одно явленіе, неизмѣнно переходящее, на

Солстка Его Величества, Марія Ивановна ДОЛИНА, устроительница и главная участница патриотическихъ концертовъ, организованныхъ ею на нужды войны. Всего ею дано 52 концерта и собрано въ пользу разныхъ учреждений и организацій, работающихъ въ помощь нашимъ воинамъ, болѣе 180 тысячъ рублей.

подобіе традиціи, изъ рода въ родъ: это враждебныя отношенія царствующихъ государей къ кронпринцамъ.

Каждое царствованіе даетъ намъ отголоски этой тайной борьбы «отцовъ и дѣтей», а Вильгельмъ II болѣе, чѣмъ кто-либо иной изъ его предшественниковъ, внесъ въ эту вражду ненависти и озлобленія.

Когда въ ноябрѣ 1887 года онъ навѣстилъ больного отца въ Санъ-Ремо, то глубоко возмутилъ своимъ униженнымъ владѣльцемъ виллы Циріо. Убѣждая, онъ заявилъ хладнокровнымъ тономъ: «Дни моего отца сочтены, надежды нѣтъ. Теперь я возвращаюсь въ Берлинъ, гдѣ мое присутствіе необходимо».

Когда 9 марта 1888 года скончался старый Вильгельмъ, кронпринцъ вступилъ на престолъ, негодование Вильгельма II не было предѣломъ. Вместе съ Бисмаркомъ онъ старался, какъ могъ, уронить престижъ большаго императора, выставляя его англійскія симпатіи. Съ легкой руки кронпринца императора начали называть въ Берлинѣ Фридрихъ «der Britte», т. е. «Британецъ», вмѣсто «der dritte» — «третій».

Бракъ Вильгельма II состоялся по политическимъ соображеніямъ, съ цѣлью дать компенсацию семьѣ невесты. Необходимо напомнитъ, что въ 1864 году Германія объявила войну Даніи, выставивъ предлогомъ защиту правъ герцога Аугустенбургскаго, отца императрицы Августы, въ качествѣ наследника Шлезвига и Гольштейна. По окончаніи войны, по пражскому договору, Пруссія захватила оба спорныхъ княжества въ свою пользу, оставивъ не причѣмъ законнаго претендента.

Этотъ поступокъ вызвалъ ропотъ среди германскихъ государей, и тонкій дипломатъ Бисмаркъ не замедлил ликвидировать нарастающую вражду бракомъ прусскаго кронпринца съ дочерью обидѣннаго претендента на Шлезвигъ-Гольштейну.

Императрица Августа не пользуется особой популярностью у берлинцевъ. Узкая пуританка, она вмѣшивается въ общественную жизнь въ качествѣ строгаго цензора нравовъ, и при дворѣ ея царитъ гнетущая скука. Въ религіозныхъ воззрѣніяхъ она чрезвычайно фанатична и не допускаетъ пребыванія при дворѣ ни одной католички-фрейлины или статсъ-дамы. Это гоненіе католиковъ распространяется даже на дворцовую прислугу.

До сихъ поръ императрицу Августу представляли, какъ образецъ семейныхъ добродѣтелей, какъ хорошую хозяйку, всѣ интересы которой сосредоточены были лишь на веденіи хозяйства, воспитаніи дѣтей и улаживаніи частыхъ столкновеній между императоромъ и его сыновьями. Но теперь выяснились новыя стороны ея характера. Политическіе идеалы пангерманизма владѣютъ ею не менѣе, чѣмъ Вильгельмомъ II.

Катерлейнъ-Вехтеръ вспоминаетъ, что въ дни агадирскаго конфликта императрица Августа резко заявила ему тономъ упрека и недовольства: «Что же, мы всегда будемъ отступать предъ Французами и переносить ихъ дерзости?» И въ объявленіи настоящей войны императрица сыграла не послѣднюю роль, поддерживая своего супруга въ его дерзкой метѣ подчинитъ себѣ всю Европу.

Кронпринцъ не нарушалъ семейныхъ традицій вражды съ отцомъ. Объ его выходкахъ говорилось такъ много, что бесполезно возвращаться къ нимъ. До своего брака съ принцессой Цециліей онъ не разпугалъ отца помолвками то съ австрияками, то съ простыми горожанками Берлина.

Наружность и характеръ кронпринца стали публичны всѣмъ съ начала этой войны. Ужасный, съ тупыми при-

авками выражены на лицѣ, онъ больше всего увлекался спортомъ, стараясь побить въ этомъ отношеніи рекордъ своего кузена,—короля Альфонса XIII, государя-спортсмена по преимуществу.

По наружности кронпринцъ не представляетъ ничего общаго съ Вильгельмомъ II, зато по натурѣ онъ истый сынъ своего отца! То же упрямство, тотъ же вспыльчивый нравъ и несдержанность, та же страсть къ безконечнымъ рѣчамъ, та же импульсивность въ словахъ и поступкахъ. Но при этомъ онъ страдаетъ полнымъ отсутствіемъ такта и выдержки.

Такъ, на одномъ официальном обѣдѣ, сидя рядомъ съ супругой посла одного изъ государствъ тройственного соглашения, онъ не нашелъ болѣе подходящей темы для разговора, какъ изложение мечты всей своей жизни: войны съ Россіей, Англійей и Франціей! При этомъ, онъ со стѣсненіемъ восхвалялъ качества германской арміи и пренебрежительно отзывался о союзникахъ. Эти рѣчи вывели изъ себя его собесѣдницу, и она не замедлила высказать ему свое мнѣніе о выборѣ имъ темы для разговора за обѣдомъ въ довольно рѣзкой формѣ.

На подобіе Вильгельма I, создавшаго при своемъ дворѣ въ бытность кронпринцемъ цѣлый очагъ оппозиціи своему брату королю Фридриху-Вильгельму IV, кронпринцъ также группировалъ вокругъ себя всѣхъ тѣхъ, кто былъ недоволенъ взглядомъ и дѣйствіями Вильгельма II. Въ салонѣ кронпринца рѣзко осуждали тяготѣнныя императора къ капиталистамъ, всѣ его уступки капиталу, принтіе сыновей богатыхъ купцовъ въ гвардейскіе полки, торжественные приемы разныхъ американскихъ «королей» мѣди, золота или нефти и т. д.

Остальные пять сыновей императора даютъ сравнительно мало пищи обществу мнѣнію. Одинъ изъ нихъ мораль, остальные служатъ въ гвардейскихъ полкахъ и дѣлятъ свое время между Потсдамомъ и Берлиномъ, между службой, не очень обременительной для принцевъ крѣпости, и свѣтскими развлечениями. Но въ вопросѣ браковъ почти всѣ сыновья столкнулись съ отцомъ.

Принцъ Эйтель выдержалъ дома бурную сцену, когда сообщилъ о своемъ намѣреніи жениться на принцессѣ Софіи Ольденбургской. Вильгельмъ гнѣвно заявилъ, что ни за что не дастъ своего согласія на этотъ бракъ, ибо принцесса Софія, не смотря на свое огромное состояніе, значительно старше принца и дала свѣтскимъ ошелѣвающимъ много пиши своимъ многолѣтнимъ романомъ съ адъютантомъ своего отца, инцимъ гвардейцемъ! Принцъ Эйтель настоялъ на своемъ и добился согласія на бракъ, но вскорѣ разошелся со своею супругой.

Принцъ Августъ-Вильгельмъ также посядовалъ примѣру своихъ братьевъ. Будучи еще студентомъ въ Боннѣ, онъ влюбился въ принцессу Александру-Викторію Шлезвигъ-Голштинскую. Узнавъ о романѣ сына, Вильгельмъ запретилъ ему встрѣчаться съ принцессой. Но, не смотря на всѣ сцены и угрозы, принцъ упорствовалъ и женился на избранницѣ своего сердца.

Незадолго до войны была объявлена помолвка пятого сына Вильгельма, принца Оскара, съ графиней фонъ-Бассеницъ-Левенцовъ. Невѣста колоссально богата, отецъ ея владѣетъ огромными помѣстьями въ Мекленбургѣ. Этому браку особенно сильно покровительствовала императрица, ибо графиня Ида сумѣла заслужить ея любовь, будучи фрейлиной при дворѣ.

Принцъ Адальбертъ, морякъ, еще не женатъ, но говорятъ, что только объявленіе войны помѣшало ему поднести отцу весьма неприятный сюрпризъ съ прозьбой брака, представляющимъ кричащій «мезальянсъ».

ФОНЪ-ДЕРЪ-ГОЛЬЦЪ ПАША ВЕРНУЛСЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ

— Что-то привезъ?!

„Герой“ нашего времени.

Пресса всего міра склоняется имя «Вильгельмъ» на всѣ лады. Къ этому имени за девять мѣсяцевъ войны прилепилось столько неслыханныхъ эпитетовъ, что выборъ новыхъ дѣлается затруднительнѣе съ каждымъ днемъ.

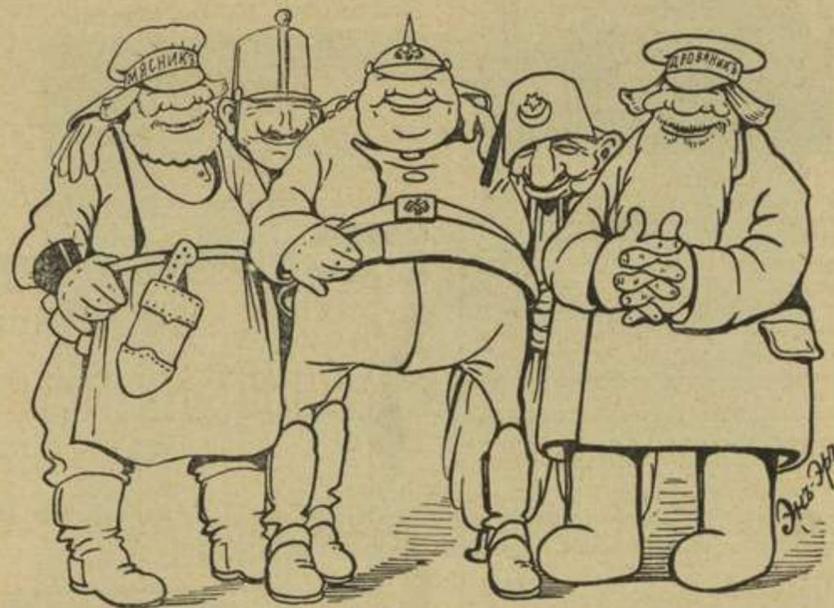
Всѣ эти эпитеты продолжали серію, начатую нѣсколькими лѣтъ удачнымъ названіемъ, даннымъ англійскимъ королемъ Эдуардомъ VII своему племяннику: «самонадѣянный трусъ!»

Всѣ, кто имѣлъ возможность такъ или иначе приблизиться къ Вильгельму II, несутъ теперь свои наблюденія прессѣ и изъ совокупности мелкихъ фактовъ и анекдотовъ все ярче рисуется портретъ того, кто заварилъ мировую войну и пролилъ потоки крови въ угоду своему болѣзненнымъ тщеславію.

Германская пресса постоянно говоритъ цѣлотовъ и раздастъ ихъ встрѣчающимся о переѣздахъ Вильгельма II съ восточнаго ривеннымъ съ высокопарными словами.

ВЪ СОЮЗѢ.

(Иллюстрація на тему: у денегъ своего запаха нѣтъ!).

Въ альбомѣ дровяникамъ, масникамъ и другимъ предпримчивымъ торговцамъ, также объявившимъ войну мирному населенію.

Рис. Энъ-Эръ.

Этимъ путемъ Вильгельмъ II пытается поднять свою популярность, падающую въ странѣ подъ вліяніемъ тяжелыхъ затрудненій, вызванныхъ войною.

Габсбурги не забыли еще пораженія 1866 года и до послѣднихъ дней повторяли презрительно, говоря о германскомъ дворѣ: «Гогенцоллерны—высочки!»

Дѣйствительно, разсматривая всѣ тѣ факты, которые въ такомъ изобиліи несутъ въ печать частная наблюдательность, пенки не согласится съ этимъ мнѣніемъ, тѣмъ болѣе цѣннымъ, что оно высказано не врагами, а друзьями и союзниками Германіи.

Чего стоитъ одна Аллея Побѣды съ двойнымъ рядомъ мраморныхъ Гогенцоллерновъ, мѣсто которымъ было бы скорѣе на кладбищѣ, а не въ центрѣ народнаго гулянья! Во дворцѣ тоже подавляющее мѣщанство. Наряду съ прекрасной старинной мебелью—дешевка изъ берлинскихъ магазиновъ. Рекордъ въ этомъ отношеніи побитъ спальней Вильгельма II. Здѣсь въ живописномъ беспорядкѣ стілей и безшумья собрана рѣдкая мебель, мѣсто которой могло бы быть въ любомъ музее, и рядомъ рыночная поддѣлка берлинскихъ фабрикантовъ.

Еще около 15 лѣтъ назадъ украшеніемъ этой комнаты была великолѣпная старинная деревянная кровать съ рѣдной рѣзбой. Но въ одинъ прекрасный день императрица Августа увидѣла въ спальнѣ одного изъ женатыхъ сыновей анкетированную англійскую кровать съ блестящими шарами и попросила супруга купить подобную же кровать.

Вильгельмъ II уступилъ просьбамъ императрицы, и вскорѣ новая кровать совершила торжественный въѣздъ въ императорскую спальню! Правда, Вильгельмъ приказалъ ставить ее только на ночь, а на день убрать въ гардеробную и возвращать старинное декоративное ложе. Но эта замѣна отнимала столько времени у прислуги, что мало-по-малу новая кровать восторжествовала надъ соперницей, и прочно основалась навсегда въ императорской спальнѣ!

Стѣны спальни обиты коврами, тяжелыя портьеры закрываютъ двери, ибо кайзеръ боится сквозняковъ и простуды.

У изголовья кровати находится ночной столикъ и на немъ заряженный револьверъ.

Недалекъ отъ кровати стоитъ старинный комодъ краснаго дерева, на которомъ въ методическомъ порядкѣ разставлены разные сувениры императора. Этотъ комодъ, по выраженію одной изъ непочтительныхъ фрейлинъ, напоминаетъ туалетъ только что выпущенной институтки. Ковры на стѣнахъ темно-сѣраго цвѣта съ желтыми тисненными розами, коверъ на паркетѣ сѣраго цвѣта, а мебель обита краснымъ плюшемъ.

Для пополненія этой каюфонии цвѣтовъ и стілей по комнатѣ разбросаны японскіе столики, бамбуковыя кресла, хрустальные подовѣчники, бронзовыя канделябры, вазы разныхъ стилей и странъ, и т. д.

Вообще относительно художественнаго вкуса Вильгельма II мнѣніе въ Европѣ давно уже установилось. По этому поводу съ Артуръ Эллисъ приводитъ слѣдующій анекдотъ. Въ годъ вступленія Эдуарда VII на престолъ изъ Берлина въ Виндзоръ былъ присланъ подарокъ—огромный ящикъ. Вся королевская семья съ любопытствомъ окружила ящикъ, и всѣ разохотались, когда содержимое его было извлечено на свѣтъ Божій! Это былъ огромный беззвучный бюстъ Вильгельма II. Эдуардъ VII, смѣясь, обратился къ сору Эллису: «Пришарьте-ка эту штуку пока въ чуланъ, но слѣдите внимательно, чтобы въ каждомъ прѣздѣ императора бюстъ былъ въ его комнатѣ».

И въ первый же свой прѣздѣ Виль-

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14038

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 11-го (24-го) АПРѢЛЯ 1915 ГОДА.

№ 14038

Пулеметы залегли.

Рисунок А. Пржевальского (участника войны).

Когда под ударами грома такъ многие
И на сердца радость, и счастье огнемъ
И страшно душъ предъ суровой пустыней

Запомни одно:

Осталось и солнце, и степи, и светлыя
Весенние ливни, шума, упадутъ на поля,
Коврами пушистыми лягутъ зеленые
Опять зацвѣтеть, запоеть, засмѣется

Вѣра Рудичъ.

Азіатскій паукъ.

I.

Въ загородномъ саду большого южнаго города собралось нѣсколько человѣкъ довольно хорошихъ знакомыхъ, чтобы вмѣстѣ поуваживать и развлекаться. Это былъ стоящій тѣнистый садъ, расположенный въ долинѣ по обѣимъ берегамъ горной рѣчки; сюда прѣзжали изъ театра, а чаще изъ сосѣдняго кафе-шантана и засиживались здѣсь обыкновенно до утра на широкихъ крытыхъ терасахъ, дыша ароматомъ цвѣтовъ и деревьевъ и невольно поддаваясь очарованію южной ночи. Поваръ-Имеретинъ артистически варилъ какую-то удивительно вязкую рыбу, тутъ же въ рѣчкѣ водившуюся, легкое мѣстное вино опьяняло очень медленно и незаметно,—

здѣсь часто бывало дѣйствительно весело; въ особенности обстановка нравилась женщинамъ: подъ узоромъ деревьевъ, освѣщенныхъ луною, горячѣ и искреннѣе звучали признанія, естественнѣе завывались романсы.

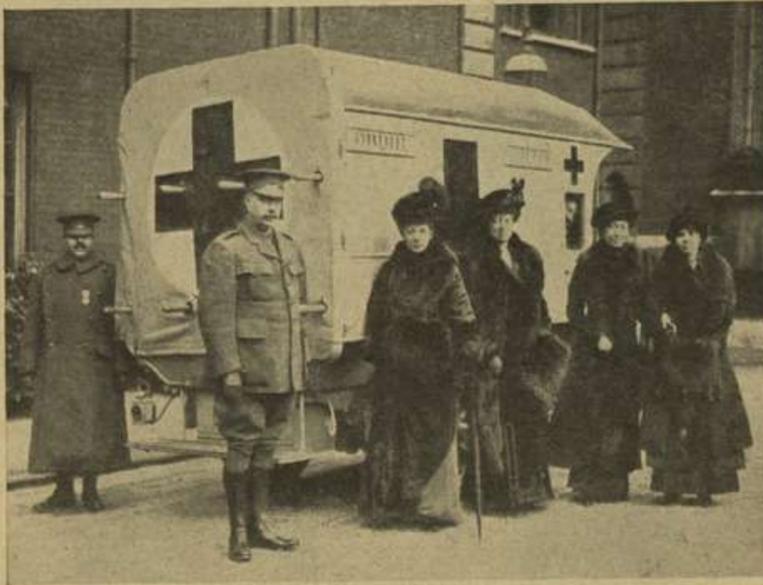
Инициаторами ужина были на этотъ разъ два инженера, только на дняхъ прѣбывавшіе съ какихъ-то далекихъ изысканій. Заработали они, повидимому, очень много

денегъ и ощущали прямо ненасытную жажду развлеченій и разгула. Разумѣется, съ ними бывалъ всюду и Карлъ Фореръ. Кто не зналъ въ городѣ Карла Форера? Онъ занималъ прекрасно обставленный небольшой особнякъ съ садомъ въ концѣ главной улицы, держалъ посуточно ляхача и, вообще, жилъ очень денежнымъ баринкомъ. По призванію и профессіи это былъ дѣлецъ, и дѣйствительно не возникало въ

краѣ ни одного серьезнаго предпріятія, къ которому такъ или иначе не считалъ себя прикосновеннымъ Карлъ Фореръ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ, какъ никто другой, осведомленъ во всѣхъ новостяхъ промышленной жизни и имѣлъ очень хорошия связи какъ среди нашей администраціи, такъ и въ кругу капиталистовъ, не только у насъ, но и за границей.

Всѣмъ хорошо знакома его сытая коренастая фигура съ гладко выстриженнымъ рыжимъ затылкомъ и крѣпкой красной шеей, которую онъ, очевидно, старательно растиралъ каждое утро мохнатымъ полотенцемъ. Говорилъ Карлъ Фореръ спокойно и увѣренно, съ незначительнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, отъѣзжалъ въ дорожное, образцово сшитое платье, курилъ дрянныя ароматныя сигары и вообще являлъ всей своей осанкой и выраженіемъ лица видъ человека очень солиднаго, уравновѣшеннаго, знающаго, что онъ дѣлаетъ.

Карлъ Фореръ былъ холостякъ и велъ соответствующій образъ жизни. По вечерамъ онъ непремѣнно забѣгалъ на полчаса въ оба известныя и посѣщаемыя въ городѣ клуба, гдѣ его всегда встрѣчали знакомые, какъ желаннаго гостя и собесѣдника. Позднѣе онъ появлялся въ теченіе одного какаго-нибудь дѣйствія въ городскомъ театрѣ, гдѣ его часто видѣли около фойе въ дружескомъ обществѣ мѣстныхъ известныхъ въ городѣ людей изъ администраціи или изъ числа мѣстныхъ воротилъ. На всѣхъ благотворительныхъ балахъ Карлъ Фореръ неизмѣнно подходилъ къ кіоску устроительницы, вышивалъ бокаль шампанскаго и оставлялъ отъ двадцати пяти до ста рублей, въ зависимости отъ того, кто была хозяйка. Каждый его вечеръ обязательно заканчивался посѣще-

Вдовствующая англійская королева АЛЕКСАНДРА, сестра Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, осматриваетъ одинъ изъ 10 слитарныхъ автомобилей, подносимыхъ въ даръ русской арміи Лондонскимъ Сити.

пием кафешантана, — но здесь он никогда не отличался особой щедростью и сам для себя ограничивался весьма умеренными тратами. Пить он, большей частью, одну только содовую воду с коньяком или с виски, хотя подсаживался к любому столу, потому что всюду были его приятели и люди, дорожившие его обществом. Впрочем, в скупости его нельзя было упрекнуть, — он очень охотно давал взаймы некоторым из своих приятелей, часто даже не ожидая возврата.

— Вы совсем не похожи на Немеца, у вас такая широкая натура, — говорили многие Карлу Фреру.

На эту фразу он всегда улыбался с особенно самодовольным видом, предвзвительно вынув из желтых зубов свою обычную сигару двумя толстыми пальцами, на одном из которых красовался дорогой перстень с большим рубином.

— У меня в происхождении есть славянская кровь, — обыкновенно отвечал он в таких случаях, — и, кроме того, я хотя германский подданный, но совсем особенный Немец: я всю жизнь работал на Востоке, и моя вторая родина — Малая Азия. С Россией я чувствую самую глубокую связь; у меня здесь теперь так много дѣл, и я так люблю русских, вашу широту, гостеприимство... Я так хорошо знаю ваш язык... О, во мне есть славянская кровь...

— Какой он Немец! — говорили про Карла Фрера, — он всеми своими симпатиями русский!

С инженером Самодуровым и Пильцевым — у Фрера были давно какие-то общия дѣла, и появление их в городе было естественно ознаменовано цѣлым рядом совместных холостых развлечений. На этот раз рыцари немного раньше поѣхали ужинать в сад, потому что весенняя ночь незлобно чаровала даже самых закоренелых прозанков, и главное потому, что Фрер обещал совершенно новое развлечение: должна была пріѣхать туда турецкая танцовщица, которую он видел осенью в Багдаде. Об этой замечательной женщине Фрер много рассказывал в течение всей зимы и хотѣл непременно с нею списаться и вызвать ее сюда «для обновления интересов города», — как он выражался.

— Успѣх будет невероятный, — говорили они, — всё из-за нея перессорятся, и станет очень весело. А если я ее попрошу и посоветую пріѣхать, так она непременно согласится.

Фреру не очень вѣрили в этой какой-то таинственной и фантастической истории, но тем не менее багдадская танцовщица действительно пріѣхала, и к вечеру он обещал доставить ее в сад на ужин своих приятелей. Здесь в тѣсном, интимном кругу она должна была появиться в первый раз со своими восточными пѣснями и танцами. Собрались только те, кто за последние дни составляли обычный вечерний кружок.

Мужчин было человек десять и три дамы. Законодательствовала «красавица» Басманова, только что закончившая свои гастроли в местном кафешантанѣ и замедлившая отъездом в Москву в виду появления на несколько дней очень уж выгодного поклонника — щедрого и денежного инженера Самодурова. Несомненно неглупая и смѣлая до наглости, она попутно бросала вызовы еще двум другим, интересовавшимся ее мужчинам: молодому адвокату, начинавшему приобретать серьезную известность, и рослому, красивому поручику Черноцову, сыну известного генерала, занимавшего в краѣ большое мѣсто.

Интересна была среди присутствовавших фигура полковника Брынина, почти совсем седого, в очках, но с тонкой, проницательной улыбкой на губах, еще неотцветших и румяных. Полковник был боевой офицер, образцовый служака и хороший семьянин, но вместе с

Генералиссимус французской армии
Жозеф-Жюль-Цезарь ЖОУФРЕ. См. ст. на 119 стр.

тѣм — завзятый картежник. Эта неодолимая потребность не наносила ему, впрочем, никакого ущерба, так как играл он с изумительной выдержкой, никогда не терял самообладания и умѣл сохранять выигранные. Полковник мог во время встать из-за стола и с удовольствием ужинать где-нибудь за городом в незамѣтно исчезая, но на другой день по компании молодежи — холостых мужчин и являлся снова — такой же всеобщим симпатичным, свободным, остроумным, остроумный шуток и серьезный психологический спор. Но женщинами он ни в коем случае не увлекался, а держал себя с своей эффектной наружностью и ростом

ВЪ ДОМѢ ИНВАЛИДОВЪ

Самый старый инвалидъ съ войны 1870 г. и самый молодой инвалидъ съ войны 1914 г.

грузинский князь Асатиани в красиво его драпированной темной черкескѣ, — остальные не представляли ничего замѣтнаго, по крайней мѣрѣ, на видѣ.

— Я очень люблю мужчин съ будущимъ, — говорила Басманова полковнику Брынину, подравляя холестыми руками в кольцах свою закинутую назад прическу.

Она указала свѣтлыми, подведенными глазами на молодого адвоката.

— Но насколько я могу замѣтить, — спокойно отвечал полковник, — ему не особенно нравятся женщины съ прошлымъ.

Басманова улынулась, как-то особенно передернувъ плечами: это былъ ей обычный жестъ, означившій въ переводѣ на слова: «ну и палевать! что-жъ такого?!»

— Но кто меня удивляетъ, — продолжал полковник, — такъ это нашъ общій иный другъ Алеша Черноцовъ, — онъ как-то ужасно равнодушенъ къ нашимъ женщинамъ.

— Ахъ, укъ этотъ вашъ Алеша! — живо откликнулась Басманова. — Онъ вѣчно шепчетъ чего-то совсемъ особеннаго... Это, знаете, изъ тѣхъ людей, которые про насъ, женщинъ, постоянно о себѣ заботятся, всегда чистыхъ, хорошо одѣтыхъ и надушенныхъ, говорятъ: грязная... Онъ мечтаетъ о дѣвухѣ, о какой-то особой непорочности. Даже барышни ему не нравятся, — недостаточно чисты... Ему пужна дѣвушка, — какъ это онъ говорить? выросшая въ природѣ, въ деревнѣ... Представляете себѣ, что такое деревенская чистота?..

Въ это время на терасу, гдѣ былъ накрытъ большой столъ, и гдѣ собралось все общество, вошелъ давно ожидаемый Карлъ Фреръ.

— Надкье-Мамади, — сказалъ онъ, — будетъ здѣсь приблизительно черезъ часъ. Она пріѣдетъ со своимъ аккомпанаторомъ Сулейманомъ и хочетъ сразу появиться передъ нами, какъ танцовщица. Давайте, пока начнемъ ужинать. Мы какъ разъ ее встрѣтимъ съ бокалами шампанскаго...

II.

Танецъ привлекъ общее вниманіе. Это были движенія очень обычныя для восточнаго танца, медленныя и истомыя, подъ металлическій гулъ густыхъ аккордовъ какой-то своеобразной гитары, но виртуозной оказалась сама танцовщица, плыли-тепелая во всемъ — въ изгибахъ смуглаго тѣла, въ строгомъ очеркѣ рѣдко правильнаго лица, одухотвореннаго игрою глазъ, въ самомъ подборѣ нестрыхъ побрякушекъ и яркихъ тканей, точно случайно на нее упавшихъ и неизвѣстно, какъ державшихся. Она танцевала на самомъ краю терасы въ пазевой полосѣ луннаго свѣта, и въ этомъ мечтательномъ освѣщеніи казалась сама олицетвореніемъ какой-то чарующей восточной сказки.

— Сказка, настоящая сказка, — незлобно вырвалось это сравненіе у кого-то изъ зрителей.

— Да, это танецъ сказки, онъ такъ и называется... это арабскій танецъ, — пояснилъ своимъ невозмутимо спокойнымъ голосомъ Карлъ Фреръ.

Но вдругъ какъ-то заунывно дрогнули струны подъ искусной рукой горбоносого Сулеймана, дрогнули и словно повалились на болѣе рѣзкомъ движеніи... Отзвукъ ихъ побѣжалъ и скрылся гдѣ-то въ глубинѣ сада.

Танцовщица остановилась, прислонившись къ колоннѣ и рукой ухватившись за перила. Она точно боялась упасть, стоя съ закинутой головой и поднятыми вверхъ глазами, мертвенно блѣдная въ лунномъ свѣтѣ.

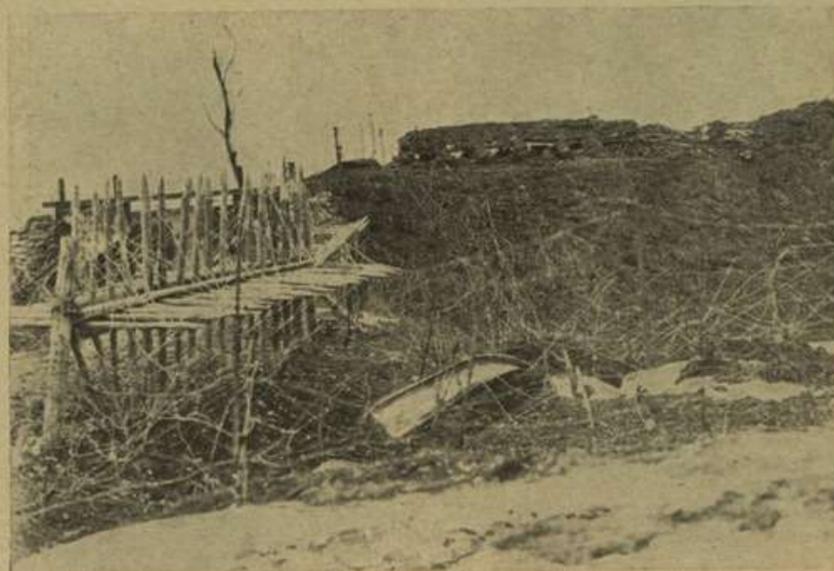
— Сказка умираетъ, — пояснилъ Карлъ Фреръ, — ее необходимо теперь оживить, — прибавилъ онъ съ усмѣшкой, и всталъ изъ-за стола, взявъ бокалъ шампанскаго, который предложилъ танцовщицѣ.

Она сдѣлала мгновенное движеніе головой, точно испугавшись какое-то волшебное наваженіе, и, приветливо улыбувшись, взяла протянутый бокалъ. Улыбка живен-

КЪ ПАДЕНЮ ПЕРЕМЫШЛЯ.

На улицъ города.

Бойницы и проволочныя загражденія, защищавшія крѣпость.

но осветило ея смуглое и строгое лицо, сразу вернувъ его землѣ и людямъ.

Танцовщицу обступили. Она, оказалось, немного говорила по-русски и хорошо понимала русскую рѣчь: выучилась еще маленькой дѣвочкой гдѣ-то у армянскихъ куццовъ въ Персїи.

— Теперь она намъ споетъ,—предложилъ Карлъ Фореръ,—неправда ли, моя милая Наджье? И вѣдь долженъ продемонстрировать всѣ ея таланты, и, наконецъ, это общее правило—два номера подрядъ.

Наджье-Машади повиновалась безъ всякихъ возраженій, словно Фореръ былъ дѣйствительно антрепренеромъ и имѣлъ надъ нею неоспоримую власть. Она лишь что-то сказала на непонятномъ гортанномъ нарѣчїи своему аккомпаниатору. Полковникъ Брынингъ, знавшій многіе восточныя языки, сообщилъ своему сосѣду-адвокату: «это не по-турецки».

— Они говорятъ на какомъ-то совѣтѣ особомъ діалектѣ,—вѣдался Карлъ Фореръ,—но названіе пѣсни мнѣ знакомо: она хочетъ спѣть «Томленіе дѣвушки», прекрасную вещь, которую я уже слышалъ.

Опять полились гулкіе металлическіе звуки странной гитары, но лицо аккомпаниатора Сулеймана не оставалось на этотъ разъ безучастнымъ. Онъ вѣсилъ плотоядными черными глазами въ стоящую у колонны женщину, а она безпомощно опустила руки, словно робѣя и вѣбѣтъ съ тѣмъ изнывая и волнуясь подъ этимъ напругеннымъ взглядомъ. Голосъ у нея былъ

четкій и рѣзкій, слова поражали необычайностью трудныхъ созвучій, темпъ, вначалѣ медленный, становился все страстнѣе, и пѣснь ея создавала все болѣе полное настроеніе какой-то глубокой мучительной жалобы, нараставшей тактъ за тактомъ и разразившейся, наконецъ, безумно-повелительнымъ призывомъ.

— Вы ничего не понимаете, что она поетъ?—спросила Басманова полковника.

— Рѣшительно ничего. А между тѣмъ, слова должны быть очень значительны,—серьезно отвѣтилъ Брынингъ, искренно взволнованный и заинтересованный пѣльемъ.

— Слова... слова... необходимо это перевести,—винуясь онъ къ Фореру, какъ только замерли послѣдніе звуки.—Милая Наджье, скажите это намъ по-русски, объясните какъ-нибудь, что вы пѣли...

— Я нехорошо говорю,—отчетливо произнесла она въ отвѣтъ,—вотъ Селимъ можетъ,—она указала на аккомпаниатора, котораго Фореръ называлъ Сулейманомъ,—онъ хорошо говоритъ.

Сулейманъ, дѣйствительно, говорившій, хотя и со страннымъ акцентомъ, но очень педурно, передалъ содержаніе пѣсни.

— Вотъ, что она пѣла,—сказалъ онъ:

«... Какъ тяжело въ одиночествѣ спать эту ночь... Она длинна, какъ хвостъ лѣсного фазана, она не имѣетъ ни конца, ни начала, какъ луна, отраженная въ озерѣ...»

«... Если бы ты зналъ мою любовь и мои муки, ты непременно бы постучалъ въ мою дверь. Мнѣ не надо твоихъ подарковъ:

ни шелку, ни камней. Ты одинъ мнѣ нуженъ, ты...»

«... Пойми, что только моя стыдливость не позволяетъ мнѣ самой сказать тебѣ первой слова любви. Я не смѣю прїѣхать въ твою домъ и остаться у тебя. Но если ты ко мнѣ постучишь, я открою...»

«... Приди, я тебя жду, я могу сгорѣть, если ты замедлишь... Приди!..»

— Великолѣпныя слова, вѣчныя, всегда прекрасныя,—съ задумчивой улыбкой произнесъ Брынингъ,—и счастливы, чортъ побери, тотъ юный избранникъ, къ которому обращается этакая черноглазая аравитянка...

— Она, кажется, Турчанка,—возразилъ Фореръ: вы поговорите-ка съ ней по-турецки...

Брынингъ подошелъ къ Наджье-Машади; и между ними завязался оживленный разговоръ. Она широко улыбалась нѣсколько разъ, открывая крупные бѣлые зубы, и вообще производила впечатлѣніе женщины очень прїятливой, какой-то изысканно любезной и по-своему свѣтской. Ея большіе черные глаза играли, не переставая: то ока ихъ совѣтъ зашуривала въ густыхъ рѣсницахъ, то раскрывала во всю величину, сверкая бѣлками и поднимая прихотливо-выпуклыя брови. Въ теченіе этого разговора она, ни на минуту не теряя своего вниманія къ собесѣднику, успѣла отдѣльными быстрыми взглядами внимательно окинуть всѣхъ присутствующихъ. Медленно и чаще ея глаза скользили по красивому лицу молодого

Кавалерійскій разъѣздъ у крѣпости.

Чернецова: она сразу почувствовала, что онъ всѣхъ полнѣе захваченъ ея чарами, силу которыхъ она такъ хорошо знала.

— Что? понравилась? бедурна?—обратился къ нему въ это время Фореръ, по-прїятельски ударивъ по плечу.

Чернецовъ очнулся отъ раздумья. — Обворожительна...

— Такъ пойдемъ... поговори съ нею, поухаживай,—это вѣдь любятъ всѣ женщины...

Фореръ взялъ Чернецова подъ-руку и подвелъ его къ Наджье-Машади.

— Это тотъ самый мой молодой другъ, про котораго я рассказывалъ.

Наджье-Машади протянула ему смуглую, голую до плеча руку въ золотыхъ браслетахъ. Глаза ея смѣялись.

— А вѣли ли еще какой-нибудь танецъ, поззотичнѣе, посмѣльбѣ?... Сперхъ програмы?...—надобѣдалъ Фореру сильно подвыпившій Самодуровъ, не обращая никакого вниманія на кесомѣнное неудовольствіе Басмановой.

— Вы тоже хотите моего танца?—спросила Наджье-Машади Чернецова, мягко охватывая его своимъ вычурнымъ магнетическимъ взглядомъ,—хотите? тогда я буду танцовать...

Но Фореръ, чтобы примирить всѣ настроенія, уже самъ торжественно провозгласилъ громкимъ голосомъ:

— Еще одинъ послѣдній танецъ, и на сегодня довольно. Мы будемъ тогда продолжать нашъ ужинъ: Наджье-Машади устала, и ей надо тоже поѣсть...

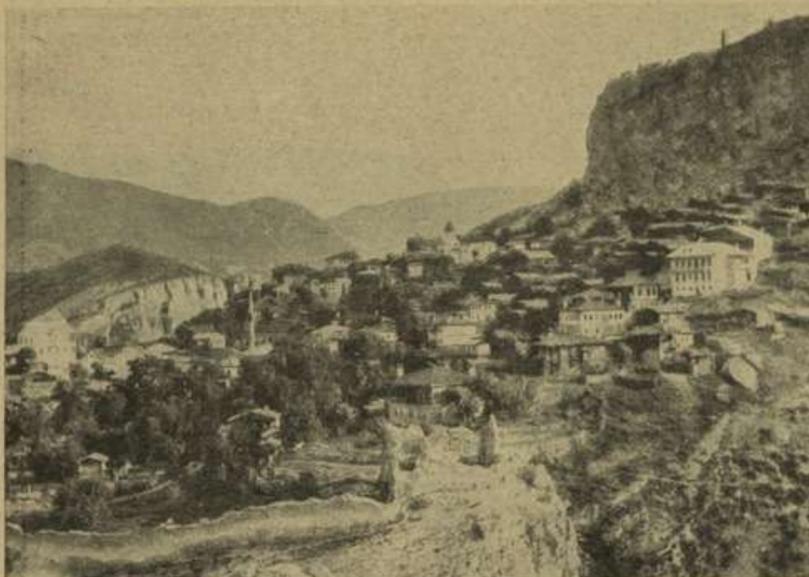

Первый день св. Пасхи подъ Перемышлемъ.

Замокъ ин. Салтъги въ дер. Красичинѣ подъ Перемышлемъ.

НА КАВКАЗСКОМЪ ФРОНТѢ.

Общій видъ мѣстечка АРДАНУЧЬ.

Ущелье рѣки ЧОРОХЪ съ башней царицы Тамары.

Чернецовъ сбѣлалъ нѣсколько шаговъ зрителии мелькала алая роза, трепетавшая, выйдя изъ полосы луннаго свѣта, шая отъ этихъ движеній... Надъе-Машади опять что-то сказала. Потомъ роза, будто сама, отдѣлилась отъ танцовщицы и отлетѣла куда-то вправо, кажется прямо на колѣни къ Чернецову. Въ то же мгновеніе Надъе-Машади закачалась, какъ терпящая сознаніе, и действительно можетъ быть упала бы на полъ, если бы ее не поддержалъ бросающийся къ ней Чернецовъ.

— Это танецъ розы,—спокойно объявилъ Фореръ,—только роза здѣсь имѣетъ, разумеется, символическое значеніе... Онъ коротко замялся.

— Вы, конечно, понимаете: дѣвушка даритъ розу своей невинности возлюбленному... А во время танца тотъ, кому танцовщица кидаетъ цвѣтокъ, непременно долженъ къ ней броситься и удержать ее въ своихъ объятіяхъ,—это уже дѣло естественнаго магнетизма глазъ... Вы сами видите результаты... О, Востокъ, Востокъ! Сколько невѣдомыхъ тайнъ!..

III.

Алексѣй Никитичъ Чернецовъ вернулся домой изъ полка часовъ около трехъ. У него было достаточно времени, чтобы похвастаться — то вихремъ. Надъе-Машади рошно отдохнула до обѣда, и онъ съ удовольствіемъ сбросила свою шаль, сбросила еще какія-то трюны и закружилась въ бѣшено-дикой пляскѣ, часто выдвигая впередъ нижнюю часть тѣла и присѣдая на колѣняхъ. Ея смуглая кожа отчетливо выступала сквозь прострочно-легкія ткани, она казалась словно совѣсть обнаженной и пональ, что спать ему не удастся. Первые лишь осуганной дымкой тумана: передъ были такъ измучены за весь послѣдній

годъ, что заснуть онъ могъ только тогда, когда находился въ состояніи нѣкотораго охмелѣнія. Тревоги и покаивныя мысли не давали ему покоя при трезвой работѣ со знаніями.

Чернецовъ выросъ въ патриархальной семьѣ, въ семьѣ хорошей, стародворянской, но, какъ многія такія семьи, часто неспособной дать человѣку необходимый ему для жизни закалъ. То, что онъ видѣлъ дома, было такъ непохоже на все, съ чѣмъ онъ сталкивался и въ столичномъ училищѣ, и здѣсь въ условіяхъ своей холостой жизни, что онъ понемногу сталъ терять всякое равновѣсіе, совершенно утратилъ всякую способность разбираться въ людяхъ. Выходило такъ, что если смотрѣть съ точки зрѣнія домашней, то подавляющее большинство людей оказывались подлецами, потому что они обманывали, гнали за жизнью, развратничали, а если смотрѣть съ этой общино-житейской точки зрѣнія, то подлецовъ и совсѣмъ на свѣтѣ не было: немного больше, немного меньше,—можно ли на этомъ строить принципиальную грань? Тѣмъ не менѣе самъ, въ отношеніи своихъ поступковъ, онъ на эту послѣднюю точку зрѣнія никакъ стать не могъ и, уступая жизни, ея обычаямъ и нравамъ, постоянно былъ собою недоволенъ, чувствовалъ угрызения совѣсти и каляя.

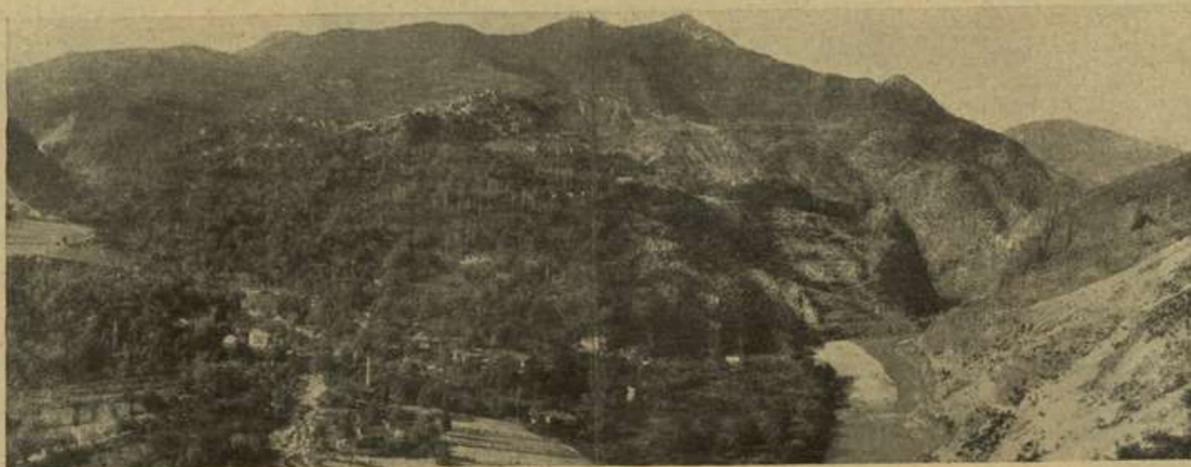
Очень избалованный съ дѣтства, Чернецовъ не умѣлъ себя ни въ чемъ отказывать. Къ бережливости его вообще никогда не приучали, потому что ея не было и въ домѣ. Даже совсѣмъ наоборотъ: шпрота и безалаберность несомнѣнно считались каче-

ствами, присущими барству. «Я не торгашъ какой-нибудь», говорилъ его отецъ, заключая очень невыгодное для себя условіе съ арендаторомъ.

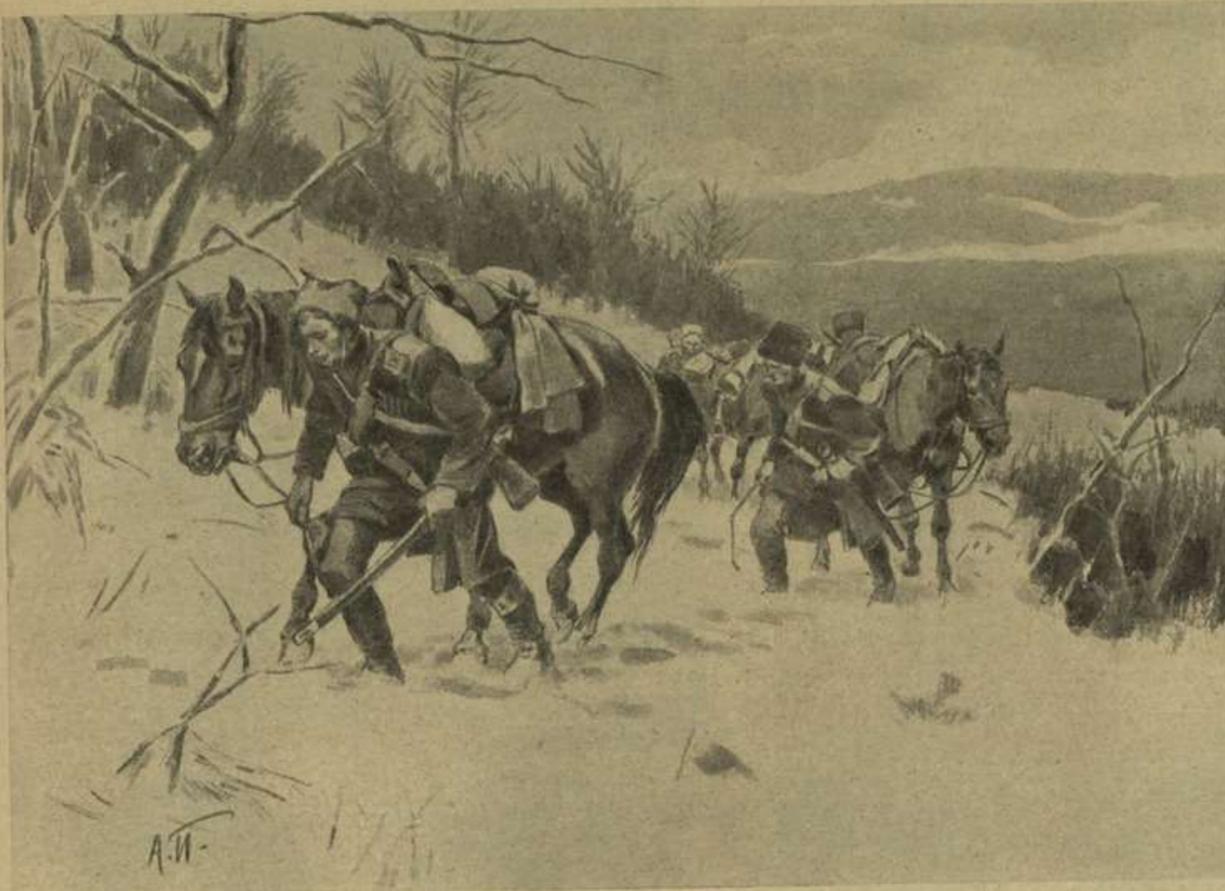
Жили всегда сверхъ средствъ, закладывали и продавали унаследованное и показанное имущество. Когда молодой Алексѣй кончилъ военное училище и, расслабившись со всѣми долгами, пріѣхалъ домой, поселился у родителей и поступилъ въ мѣстный кавалерійскій полкъ, онъ былъ твердо увѣренъ, что произойдетъ въ жизни его необходимый переломъ, что онъ сумеетъ стать теперь тѣмъ человѣкомъ, который нуженъ семьѣ, государству, который соответствуетъ собственнымъ его понятіямъ. Отецъ просилъ немного заняться ихъ имущественными дѣлами, служба рисовалась важной и интересной, пріятно было жить дома—среди нѣжно любящихъ, заботливыхъ и близкихъ людей.

Но дни шли за днями, а жизнь складывалась сама собой, совершенно независимо отъ добрыхъ намѣреній и рѣшеній. Имущественныя дѣла оказались такъ запутаны, что ихъ страшно было тронуть. И въ полку, и въ обществѣ его внесли сразу въ рубрику тѣхъ блестящихъ молодыхъ людей, на которыхъ ложится столько обязательствъ. Жизнь развертывалась, какъ сплошная цѣпь какихъ-то увеселительныхъ затѣй,—обѣдовъ, ужиновъ и попойекъ. Молодой и красивый, съ репутаціей богатаго, Чернецовъ имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ и несольно поддавался самъ очарованію этого успѣха.

Уже прошло болѣе трехъ лѣтъ съ его

Общій видъ горъ АРТВИНА на рѣкѣ Чорохъ, въ Батумской области.

На Лазистанских высотах.

Ориг. рис. А. Пржевальского.

Ген.-лейт. Александр Никол. ПОТЕЙКИН.
† 25 марта 1915 г.
Бывший командир Сводно-Гвардейского батальона и Л.-Гв. Измайловского полка. Принимал участие в настоящей войне.

доставления в полк, а все блага нам- рения так и остались неосуществлен- ными. Жизнь отходила от них все дальше и дальше. Были тяжкий разлад, были по- давленные настроения, но приятельский кру- жок, случайные женщины и благословен- ный хмель давали возможность забывате- лись. За самое последнее время прибавились еще новые тревоги: чрезвычайно обостри- лись его личные денежные неурядицы, — это, во-первых, а, во-вторых, как ка- кое-то тяжелое и непонятное ему колдов- ство, давило и волновало странное чувство в таинственной Турчанке, выписанной сюда его приятелем по холостой жизни — Карлом Форером.

Потому ли, что они встречались с нею, с этой обворожительной женщиной, в атмосфере пьяного угара, потому ли, что она действительно легко владела искус- ством внушения, но только он ясно чув- ствовал, что поддается влиянию какого- то властного очарования. Она ему несо- мненно очень нравилась, как женщина; по-видимому, увлекалась им и сама, по от- ношениям их были странны. Близости она не допускала, а точно хотела его завлечь для каких-то особых целей. Она часто расспрашивала его об отце, вообще очень любила, когда он рассказывал о себе, о своей полковой жизни и товарищах: за- крывалось подозрение, что она хочет им окончательно завладеть, чтобы заста- вить на себя жениться, и выведывает, насколько это возможно.

Вместе с тем представлялись очень загадочными и отношения ее к Карлу Фореру, — она его несомненно боялась, по- винивалась каждому его слову, и часто думалось Чернецову, что Карл Форер просто выписал свою любовницу и толь- ко для потехи танта и посмивается над приятелями. Это казалось ужасно обидным, и заставляло маскировать свой интерес к Турчанке и очень часто испытывать ревность.

С Карлом Форером Чернецов был связан очень крѣпко. Только его постоян- ная помощь давала возможность кое-как устранивать досаждавшие дела. Форер позво-

гал переучивать в банках векселя, и тяжелую поступь отца. Раздался ко- роткий стук в дверь. — Ты, вероятно, еще не успел за- спнуть, — сказала, входя, старик Черне- цов, морщинистый, широкоплечий гене- рал, чуть-чуть уже сутулый и тяжкий в походе, с большими седыми усами и добрым, ясным взглядом еще не угас- ших глаз. В петлице его тужурки бы- лел Георгиевский крест. — Я только на- вѣсомлю слово...

Алексей вскочил и подал отцу широ- кое, удобное кресло. — Видишь ли, мой друг, — начал, по- кашливая, генерал, — я хотел немного поговорить о наших имущественных де- лах, посоветоваться...

Он как-то занулся, нервно покру- тивая усы и смотря куда-то в сторону.

Раздался ко- роткий стук в дверь.

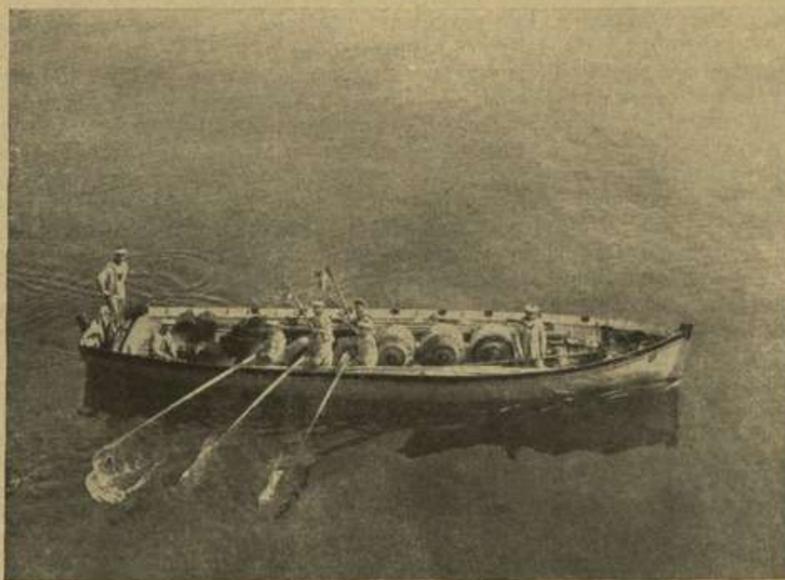
— Ты, вероятно, еще не успел за- спнуть, — сказала, входя, старик Черне- цов, морщинистый, широкоплечий гене- рал, чуть-чуть уже сутулый и тяжкий в походе, с большими седыми усами и добрым, ясным взглядом еще не угас- ших глаз. В петлице его тужурки бы- лел Георгиевский крест. — Я только на- вѣсомлю слово...

Алексей вскочил и подал отцу широ- кое, удобное кресло.

— Видишь ли, мой друг, — начал, по- кашливая, генерал, — я хотел немного поговорить о наших имущественных де- лах, посоветоваться...

Он как-то занулся, нервно покру- тивая усы и смотря куда-то в сторону.

ВЪ ДАРДАНЕЛАХЪ.

Французские моряки вылавливают мины.

Алексей знал, как стѣсняется отецъ во время такихъ разговоровъ, считая себя ответственнымъ за весь ихъ денежный беспорядокъ и виновнымъ, что почти про- жигъ все свое состояние.

— Дело въ томъ, — продолжалъ гене- ралъ послѣ малой паузы, — что намъ, по-видимому, придется продать наше имѣ- ние за Араксомъ, у турецкой границы... У меня есть долги, которые больше нельзя задерживать... какъ тебѣ известно, сестра твоя выходитъ замужъ, и необходимо устроиться съ приданымъ... Думаю, что и у тебя значится по книжкѣ кой-какой де- фицитъ...

Онъ улыбнулся очень добро и ласково, какъ бы нища въ этой послѣдней фразѣ смихновения къ собственнымъ своимъ про- винностямъ.

— Словомъ, мнѣ кажется, что единствен- ный разумный выходъ — разстаться съ этимъ имѣниемъ. Никто изъ насъ тамъ никогда не былъ и его не виделъ, такъ что разстаться съ нимъ не жалко... Го- ворятъ, что тамъ есть каменный уголь, и можно разводить хлопчат, но мы-то съ тобою едва ли сумеемъ его, какъ надо, использовать, а въ нынешнемъ видѣ оно почти бездоходно. Думаю, что самое умное его продать и освободиться отъ глѣбо- тныхъ неприятныхъ долговъ, отъ платяка процентовъ. Но, конечно, подходящаго по- купателя намъ найти не такъ легко, а продешевить мнѣ бы не хотѣлось: доволь- но ужъ было сдѣлаю такихъ ошибокъ.

Вотъ объ этомъ-то я и пришелъ поговорить и посоветоваться съ тобою и попросить твоей помощи. Я, видишь ли, очень рас- считываю на твоего добраго знакомаго — Карла Августовича Форера. Побесѣдуй-на ты съ нимъ хорошенько: онъ на такая де- ла мастеръ. Все говорятъ, что лучше не- го никто этого не обдѣлаетъ. Я и самъ даже хотѣлъ къ нему обратиться, да ду- маю, что тебѣ будетъ легче повести все нужная справки: ты его почти каждый день видишь. Имяны — они люди добросо- вѣстные: ты съ нимъ, мой другъ, такъ по-приятельски поговори, — нельзя ли до- статъ намъ выгоды по покупке... А имѣние действительно прекрасное, — это въ хорошихъ рукахъ золотое дно... Пусть онъ послѣ тебя забудетъ про мнѣ, — я ему все-таки лучше растолкую, что оно соб- ственно изъ себя представляетъ и гдѣ именно находится... Ну, разумеется, ему процентъ за маклерство, — это ужъ какъ полагается... Я думаю, что если ты въ принципе согласишься на продажу, то не откажешься взять на себя предваритель- ные переговоры...

В. Опочининъ.

Окончание слѣдуетъ.

Павшіе смертью храбрыхъ.

Ген.-м. Н. И. МАЧУГОВСКИЙ.

Полк. А. С. Святопольч-Мирскій.

Кап. П. Н. ЮГАНОВЪ.

Шт.-кап. А. И. ВИНГРАДОВЪ.

Шт.-кап. И. И. ШИШМАРЕВЪ.

Поруч. В. А. ШАНГИНЪ.

Подпор. Г. А. ВОРОНИНЪ.

Подпор. Л. П. МИХАЙЛОВЪ.

Подпор. А. З. ТЭНИКЪ.

Прапор. В. Б. КОРОВАЧИЙ.

Литературныя замѣтки.

Книга о бельгийскомъ королѣ.

«Онъ сдѣлался героемъ, не желая этого и не ища, величайшимъ и самымъ обаятельнымъ героемъ всего XX вѣка. Онъ—король-рыцарь». Это одинъ изъ безчисленныхъ отзывовъ, собранныхъ въ выпущенной однимъ англійскимъ издательствомъ «Книгѣ короля Альберта*», появившейся недавно и въ переводѣ на

* Книга короля Альберта. Посвящается бельгийскому королю и его народу представителями народовъ и государствъ всего мiра. Кни-ство «Идея». Москва. 1915 г. Стр. 289. Ц. 1 р. 50 к.

Вольноопредѣляющийся охотникъ
Ник. Влад. ГЕДРОВЪ.
Награжденъ орденомъ св. Георгия
4 степ., контуженъ.

русскій языкъ. Лица духовныя и свѣтскія, военные люди и мирные граждане, ученые и политическіе дѣятели, романисты и поэты, художники, музыканты и актеры, представители самыхъ разнообразныхъ національностей.—Русскіе, Французы, Англичане, Американцы, Итальянцы, Немецкіе, Португальцы, Японцы, Индусы,—все послѣднее откликнулось на зовъ, чтобы принести «дань восхищенія» королю Бельгій. «Благодарность всего мiра», «преклоненіе всего мiра»,—такія выраженія, когда мы ихъ встречаемъ, у людей столь разлага воспитанія и различныхъ культуръ, какъ, напримеръ, Поль Камбонъ и Катцуноске Инуйе,—наглядно показываютъ, насколько единодушнымъ является сужденіе цивилизованнаго мiра о королѣ Альбертѣ. Нерѣдко мы встречаемъ, поэтому, въ книгѣ даже повтореніе однихъ и тѣхъ же сравненій; многимъ приходило, напримеръ, въ голову аналогія между событіями, разыгравшимися въ наши дни въ Бельгій, и тѣми, которыя много вѣковъ назадъ происходили въ Фермопилахъ, причемъ большая часть сравнивавшихъ оба эти событія приходила къ заключенію, что подвигъ, совершенный въ XX вѣкѣ, несравненно выше и значительнѣе прославленнаго подвига древности. Интересно отзывъ о герояхъ, выказаннымъ Бельгійей и ея королемъ, знаменитаго философа Анри Бергсона.

Я раньше говорилъ и училъ другихъ, что исторія есть школа безнравственности. Послѣ примѣра, даннаго Бельгійей всему мiру, я этого больше не скажу никогда. Такой подвигъ, какой совершила эта страна, искупаетъ все самые низкіе поступки человечества. Начиная гордиться тѣмъ, что ты человѣкъ.

Англійскій ученый Джильбертъ Мэррей, въ свою очередь, подтверждаетъ, что Бельгійя «порвала нашу вѣру въ человѣческое достоинство и научила насъ ожидать отъ людей великихъ поступковъ: мы не знали, что наша комфортабельная либеральная западная цивилизація носила въ своемъ сердцѣ героизмъ».

Издатели русскаго перевода нашли нужнымъ, кромѣ помѣщенныхъ въ англійскомъ изданіи отзывовъ, включить въ книгу статью Леонида Андреева и стихи некоторыхъ русскихъ поэтовъ. Г. Андреевъ рисуетъ представляющую ему, очевидно, умилительной, картину того, какъ при предостереженіи вступленія союзныхъ арій въ Берлинъ послѣдуетъ возставленіе «честнаго имени» Нѣмцевъ. По его изображенію, сначала свѣтъ изъ раскаявшихся Нѣмцевъ вослѣдуетъ при видѣ короля Альберта: «гохъ!» Нѣмецъ «вскричалъ и плакать, и вскорѣ присоединились другіе голоса и также кричали: «гохъ!» Насколько правдоподобной является эта слащавая идиллія, можетъ легко судить каждый, хоть немного успѣвшій ознакомиться съ истиннымъ характеромъ тевтоновъ. Но верховъ неприличія является помѣщеніе въ сборникъ, посвященный королю-герою, наглыхъ и мѣстами совершенно безмысленныхъ стиховъ г. Игоря Свѣржина. Поэтъ, привыкшій почерпать свои вдохновенія изъ ресторанныхъ прейсъ-курантовъ, говоря о «блѣтвѣ гароза въ Остендѣ», разражается, напримеръ, такими строками:

О городъ прославленный устрицъ,
И пельельно палевыхъ дюнь,
И волнь, голубюющихъ шустрицъ (!),—
О городъ, трагичный кануть...

Въ переводѣ встрѣчаемъ немало стран-

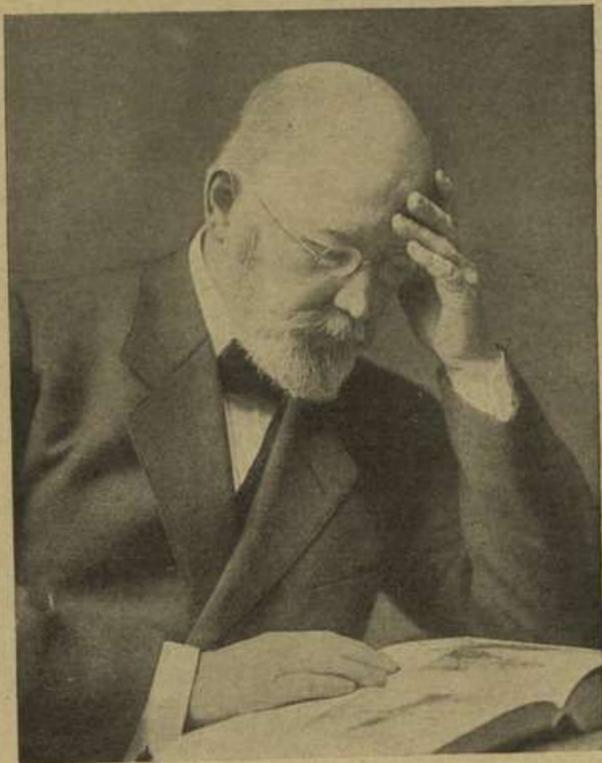
ностей. Читатели, вѣроятно, будутъ недоумѣвать, что это за порокъ людей—многочисленные «вайкаунты» (Гладстонъ, Эшеръ и др.), которые ведутъ рѣчь о королѣ Бельгійцевъ. Не менѣе загадочнымъ покажется, пожалуй, и «пребендери Уильсонъ Карлайль». А про Альму Бельмонтъ издатели презумптивно сообщаютъ, что она «американская филантропистка»!

Желая, вѣроятно, также стяжать славу «филантропистовъ», издатели указываютъ, что «часть выручки» идетъ въ пользу Бельгійцевъ. Но какая именно «часть»,—объ этомъ умалчивается.

В. Ю. Б.

Ген.-м. В. Г. ВАСМУНДТЪ.
За боевыя отличія произв. въ ген.-м.,
награжденъ Георгиевскимъ оружіемъ
и орденомъ св. Владиміра 3 степ. съ
мечами, контуженъ въ голову.

Заслужен. проф. Н. Н. КУЛЬЧИЦКИЙ, попечитель Петроградского учебного округа.—Нъ 35-лѣтню его научной деятельности.

«Документъ» о русскомъ солдатѣ.

Война до сихъ поръ является для насъ въ значительной степени представляемъ опаленнымъ. Многие относящиеся къ ней до ея окончанія остаются окутанными тайной, и намъ, находящимся далеко отъ полей сраженій, приходится дѣлать лишь слабыя попытки представлять себѣ подробности жизни нашей великой подвижницы—арміи, изъ совокупности которыхъ складается странное и грозное понятие: «война». Есть лишь одна доступная намъ область, войдя въ соприкосновеніе съ которой мы можемъ живо почувствовать и величіе, и ужасъ войны,—это все то, что имѣетъ отношеніе къ дѣлу помощи раненымъ воинамъ.

Написанный съ тою простотою и искренностью, которая придаетъ частую такую привлекательность интимной, не предназначенной для опубликованія въ печати, перепискѣ частнымъ лицъ, «Дневникъ сестры милосердія» Лидіи Захаровой * вводитъ насъ въ кругъ той самоотверженной работы, за которую взяли по доброй волѣ, побуждаемая желаніемъ облегчить являющіяся поземными спутниками войны страданія, многія тысячи русскихъ женщинъ. До перваго приступа къ работѣ у разставшейся со своимъ близкимъ «сестры» чувствуется еще связь съ тѣмъ міромъ, интересами котораго она привыкла жить. Но едва пришлось приняться за дѣло,—быстро и ослѣпительно вступило въ сознаніе, что съ этого момента и не та прежняя женщина, которая жила, страдала и радовалась до этой минуты, что начинается нѣчто другое, что у меня нѣтъ прежняго имени: я—«сестра», новый человекъ съ иными чѣмъ прежде интересами, печалами и радостями. О новыхъ обязанностяхъ напоминаютъ экзаменитивно и раздирающе со всѣхъ сторонъ «зовущіе, просишіе, настойчивые голоса». Рисуя картины лазаретной жизни, г-жа Захарова сумѣла подмѣтить много черточекъ, характерныхъ для нашихъ «сѣрыхъ героев», часто и не подозревавшихъ, что особеннаго,—такого, о чемъ стоило бы говорить,—заключается въ ихъ дѣйствіяхъ. По наблюденіямъ г-жи Захаро-

вой, солдаты, озабоченные, пока они находятся въ строю, только тѣмъ, какъ бы лучше исполнить свое дѣло, очутившись въ лазаретѣ, часто начинаютъ чувствовать тоску.

Солдату «скушно». И не городская это скука, не скука избалованныхъ людей, которымъ нечего дѣлать, а другая, стихійная, внутренняя скука об оставленныхъ, о далекихъ, о мирныхъ знакомыхъ занятіяхъ и трудахъ, о разломившейся на-двое жизни.—«Покаместъ въ дѣлѣ находишься, не такъ скушно, потому за-нять,—признался мнѣ вызванный на откровенность одинъ изъ подобныхъ типовъ.—А вотъ заболѣлъ, али тамъ раненому въ лазаретъ попасть—последнее дѣло: такая тоска возьметъ, такая тоска, что и сказать невозможно!»

Въ «Дневникѣ» мы встречаемся и съ солдатами другого типа, которые въ бою

словно шута совершаютъ чудеса храбрости, а, попавъ на лазаретную койку, только и бредятъ тѣмъ, какъ бы скорѣе снова оказаться въ строю: «Ужъ какъ-нибудь наскоро почините меня, ваше в-родіе, тамъ когда-нибудь надосугъ долечать»... То чувство, которое вынесла изъ своей прерванной болѣзнью дѣятельности въ качествѣ сестры милосердія г-жа Захарова по отношенію къ русскому солдату, какъ къ своему «учителю и воспитателю», несомнѣнно раздѣляетъ съ нею и читатели ея безыскусственныхъ, какъ подлинный человѣческой документъ, записокъ.

Извѣстная анимпаниаторша Н. П. ВЕЛЯШЕВА. Къ 15-лѣтню музыкальной дѣятельности.

Генералисимусъ Жоффръ.

Личность генералисимуса Жоффра, держащаго въ рукахъ судьбу Франціи, вѣрнѣе даже судьбу всей Западной Европы, вызываетъ большой интересъ и вниманіе всего европейскаго общества. Журналы посвящаютъ обширныя статьи, описывая жизнь любимаго генерала, на котораго съ надеждой устремлены взоры не только самихъ Французовъ, но и союзниковъ ихъ—Англичанъ и Бельгийцевъ. Английскій журналъ «The Strand Magazine» даетъ интересный очеркъ жизни и дѣятельности Жоффра, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящее время въ трудной и ответственной роли главнокомандующаго всѣми союзными войсками западнаго фронта.

Нѣтъ ли чего пророческаго,—спрашиваетъ авторъ очерка,—въ томъ, что г-жа Жоффръ, послѣ рожденія сына своего 12 января 1852 года, рѣшила къ двумъ именамъ Жозефъ и Жакъ прибавить еще третье—Цезарь. Не приравнивая нынѣшняго героя Франціи къ римскому полководцу, можно, однако, указать на нѣкоторыя схожія черты этихъ двухъ людей: Жоффръ такой же спокойный, выдержанный и строгій математикъ, природный стратегъ и великій знатокъ человѣческихъ сердецъ. «Задача невыполнима, Жоффру никогда не справится съ нею», говорили всѣ въ одинъ голосъ, когда три года назадъ онъ былъ поставленъ во главѣ французской арміи, и ему поручено было реорганизовать и привести ее въ должный порядокъ изъ того хаоса, въ которомъ она пребывала въ виду все растущей антимилитаристической пропаганды. Любимецъ Франціи, одиорукій генералъ По, прямо указалъ на Жоффра, когда поднялся вопросъ о томъ, кого поставить во главѣ генеральнаго штаба, сказавъ: «Это единственный желанный кандидатъ».

Жоффръ приступилъ къ работѣ. По-

добно другому знаменитому генералу—Англичанину Робертсу, онъ исполнилъ отдавать себѣ отчетъ въ положеніи дѣлъ и вѣрилъ въ грядущую опасность со стороны Германіи и въ необходимость всѣми силами готовиться къ великому лию испытанія. Больше того, онъ предугадывалъ даже самый характеръ этой войны, постоянно повторяя, что «будущія войны будутъ выигрываться не главнокомандующими; рѣшающую роль будутъ играть полковники, даже скромные капитаны. Бои будутъ идти на колоссальныхъ фронтахъ до 300 миль длиною, и воли одного человека управлять этимъ не въ силахъ».

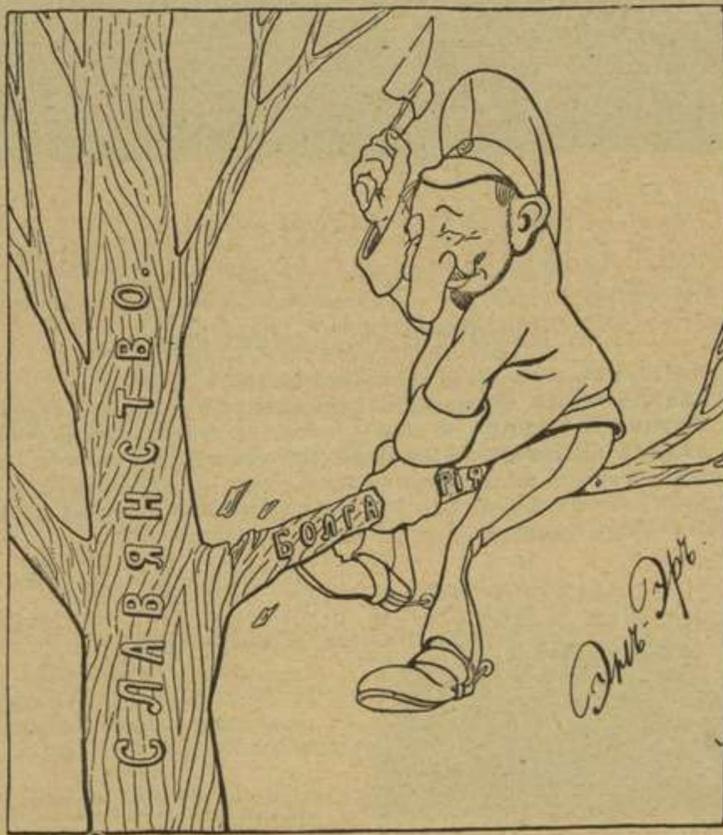
«Хитрость и комбинація врядъ ли возможны будутъ въ современной войнѣ. Побѣдителями будутъ тѣ, кто окажется самыми упорными, выносливыми, самыми энергичными и наиболе твердо удерживаемыми въ конечномъ успѣхѣ».

За короткій срокъ Жоффръ выполнилъ громадный трудъ реорганизации арміи по новѣйшему современному образцу, преобразилъ пѣхоту, артиллерию, всю систему фортификацій, и поразилъ Францію увольненіемъ пяти видныхъ генераловъ, оказавшихся некомпетентными и малоподготовленными на маневрахъ.

Въ частной жизни Жоффръ до-нельзя скромный. До войны онъ жилъ постоянно въ своемъ маленькомъ домѣ въ Отейлѣ, въ свѣтѣ бывалъ рѣдко, все свободное время проводя въ обществѣ жены и двухъ дочерей, Марсель и Аннеть. Любимымъ занятіемъ его всегда было садоводство, и много времени онъ проводилъ, копаясь въ садикѣ своего дома, сажая и поливая цвѣты. Престарѣлый генералъ обладаетъ замѣчательнымъ здоровьемъ, и на всѣ вопросы о секретѣ этого здоровья всегда отвѣчаетъ, что обязанъ всецѣло правильному, регулярному образу жизни. Жоффръ всю жизнь свою придерживался системы ранняго вставанія. Рядомъ съ его спальней устроенъ минималюрный гимнастическій залъ, гдѣ онъ нѣсколько минутъ послѣ сна занимается спортомъ и беретъ холодный душъ. Черезъ часъ онъ уже на конѣ, и обитатели Отейля видѣли его ежедневно направляющимся съ одной изъ дочерей въ Булонскій лѣсъ. Эти прогулки, чтеніе, тѣсный кружокъ друзей и знакомыхъ—вотъ въ какой обстановкѣ протекала жизнь генерала до войны.

Нельзя сказать, чтобы родные и окружающіе могли предугадать въ далекомъ прошломъ блестящую карьеру Жозефа Жоффра. Въ школьные годы онъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ среды сверстниковъ, а начальство однажды даже дало слѣдующую характеристику молодому ученику—Жоффру: «Слишкомъ методиченъ и медлителенъ для того, чтобы выступить на стезю борьбы за успѣхъ». А когда онъ отправился въ Парижъ въ возрастѣ пятнадцати лѣтъ и держалъ экзаменъ въ военное училище, то оказался четырнадцатымъ по счету по успѣхамъ. Очень любопытно отмѣтить причину этого скромнаго мѣста, занятаго нынѣшнимъ главнокомандующимъ союзныхъ войскъ: Жоффръ провалился на экзаменѣ нѣмецкаго языка, заявивъ о своей антипатіи къ этому языку, но такъ какъ успѣхи его по другимъ наукамъ, въ особенности по математикѣ, оказались солидными, онъ былъ тѣмъ не менѣе принятъ въ училище.

Во время франко-прусской войны молодой поручикъ былъ прикомандированъ къ инженерному корпусу въ осажденномъ Парижѣ. Послѣ заключенія мира онъ участвовалъ въ перестройкѣ фортификацій Парижа, и маршалъ Макъ-Магонъ при осмотрѣ этихъ работъ остался до того доволенъ молодымъ поручикомъ, что тутъ же во время объѣзда произвелъ его въ слѣдующій чинъ. Но молодому

Безумная политика.

Рис. Эль-Эр.

* Лидія Захарова. Дневникъ сестры милосердія. На передовыхъ позиціяхъ. 1914—1915 гг. Издат-ство «Библиотека великой войны». Петрогр. 1915 г. Стр. 173. Ц. 1 руб.

Жоффри не сиделось в Париж. Хотелось видеть войны, испытать настоящее боевое крещение. Он хлопотал и добился командировки в Тонкин, где и принял участие в военных действиях и где оставался до конца кампании.

Жоффри всю жизнь вложил в свою счастливую звезду, и счастье ему сопутствовало постоянно. В 1894 году он совершил экспедицию в Тимбукту, в страну страшных тогда Туарегов, кажутся, самого свиряного и жестокого племени, когда-либо существовавшего на африке. Жоффри был первым французским офицером, проникнувшим в Тимбукту, и во главе маленького отряда, состоявшего всего из тридцати европейцев и трехсот туземцев, разбил наголову полчища Туарегов, покорил все соседние племена, очистил от врага сотни верст кругом и жестоко отомстил за африканскую самозащиту туземцев, убиавших полковника Бонье. «Счастье было на моей стороне, я мог точно так же погибнуть, как и полковник» — с обычной улыбкой пояснял Жоффри. Но помимо счастья тут, разумеется, главную роль играли свойства характера вышестоящего командующего: его упорство, осторожность, военный талант и энергия. Во время этой суданской экспедиции Жоффри чуть было не лишился зрения от укуса ядовитого насекомого и до

сих пор один глаз его плохо видит, подернутый легкой туманной пленкой.

Как живет и работает в настоящее тяжелое время престарелый генералисимус Франци, на старья плечи которого возлагалась ответственная роль спасителя родины?

Штаб главнокомандующего расположен в тихом, спокойном городке, где обычная жизнь населения идет своим порядком. Жоффри живет в маленькой уютной вилле, по соседству с большим кирпичным зданием городской школы, в которой теперь и идет вся работа управления миллионными союзными армиями. В этом городке не слышно ни грохота пушек, не видно даже войска, а вместе с тем из здания школы посредством телефона, телеграфа, беспроволочного телеграфа и безчисленных курьеров, отправляемых на автомобилях, таинственно совершается руководство операциями великой европейской войны. Жоффри, сознавая свою ответственность перед родиной, а также всю тяжелую работу, которую надо довести до конца, мудро бережет, экономит свои силы, стараясь избывать переутомления и усталости нервов. Жизнь его распределена по минутам. Он встает в шесть часов утра. Быстро позавтракав, он отправляется в здание школы. В большой классной комна-

те с развешенными по стенам картами, на которых офицеры генерального штаба отмечают позиции и передвижения войск, стоит простой белый стол и такие же стулья. За этим столом и работает Жоффри в сотрудничестве с тремя выдающимися офицерами, посвященными во все планы главнокомандующего. Имена этих офицеров будут впоследствии обнародованы и к ним будет направлена благодарность современников, так как они вместе с Жоффри явятся спасителями родины от небывалой катастрофы. Штаб главнокомандующего состоит из двухсот офицеров и их секретарей, и тут идет упорная, тяжелая работа. Все до одного сознают серьезность момента и не шадят сил. Все утро главнокомандующий проводит в этой классной комнате, выслушивает донесения, телефографирует, принимает гонимые, ежеминутно подлетают автомобили, спускаются и поднимаются аэростаты, дополняя собою картину войны XX столетия. Часам к двум Жоффри выходит из штаба и, заложив руки за спину, идет прогуляться по городу. Жители города вклино сторонятся, никто не смеется помешать раздумью генерала. За это время Жоффри часто обдумывает новые планы, комбинирует их и после прогулки снова идет в штаб, где его ждут новые донесения

и донести. Работа идет целый день. В восемь часов Жоффри обедает, а в девять всегда в постели. Этот порядок изменяется только в те дни, когда главнокомандующий идет на смотр войск. Во дворе штаба всегда стоят наготове четыре автомобиля. У Жоффри своя собственная простая и дружелюбно-ласковая манера говорить с солдатами. Популярность генерала в войсках громадная. На следующий день после битвы на Марне Жоффри объезжал ряды войск. Среди них находилась первая марокканская дивизия, покрывшая себя славой на полях Марны. Жоффри поздравил генерала Гумбера, командовавшего этой дивизией, расцеловал его при солдатах и громко сказал: «Гумбер, это вы помешали немцам прийти в Париж. От имени Франции поздравляю и благодарю вас». Генералисимус Жоффри твердо вверит в конечный успех над врагом, и ввѣра эта передается всей армии.

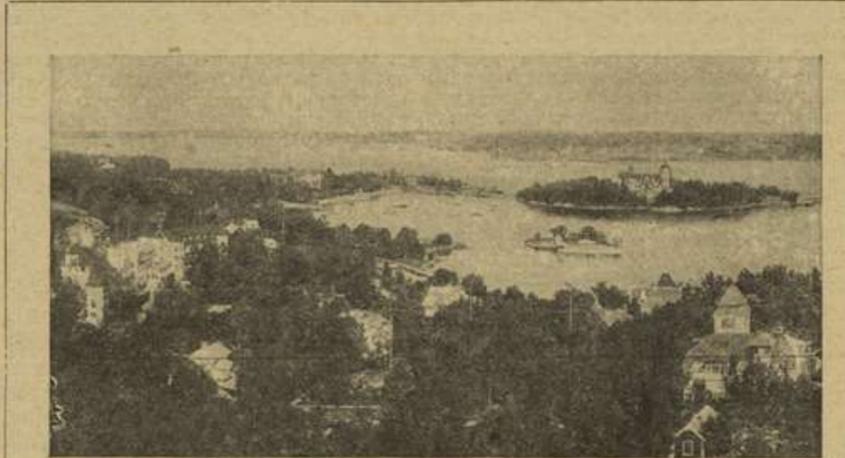
Редактор М. А. Суворинъ.
Печатне Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время»

КЪ СТРОИТЕЛЬНОМУ СЕЗОНУ новые архит. альбомы:
Стори, Вл. Мотивы отделки комнат: гостиная, столовая, кабинет, и т. д. 2 вып. Ц. по 1 р. 60 к. 110 мотивов окон, дверей, балконов, ограды, беседок и ризниц стилих. Ц. 2 р. 50 к.
Вл. **Дешевыя постройки** Проекты бревенчатых, каменных и бетон. дач, домов, и садовых построек со смѣтами. Вып. 1-й, изд. 2-е. Ц. 1 р. 60 к. Вып. 2-й и 3-й. Ц. 2 р. Вып. 4-й новейшие проекты. Ц. 2 р. Каталог бесплатно. Складъ изданій М. Г. Струкина, Петроградъ, Невскій, 32.

КУМЬИС
О лечебница «ЦАРСКИЙ ДАРЪ». Ст. Новосергѣевская Самаро-Оренб. ж. д. Полный пансионъ. Отд. помѣщенія. Постоянный врачъ. Кумьисъ въ неограниченномъ количествѣ. Ковыльная степь. Санитарное благоустройство. До 15 апр. подробности: Москва, Арбатъ, Б. Никола-Песковский пер. 5, кв. 7.

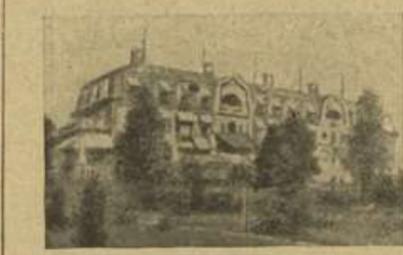
БИБЛІЯ
Полная на рус. яз. съ параллел. иврит. и указател., печат. Синодальной типографіи иллюстрирована 208 худож. картинами. раамѣр. кв. 6 X 4 верш., 2 толщ., вѣс. 9 ф. 1550 стр., въ проч. красн. тисн. золотомъ полукожан. перахъ съ кол. футл. р. 5 р., съ перес. Евр. Рос. 5 р. 65 к., ушак. 20 к. Первая и единствен. въ Россіи иллюстрир. Библия. Эту великую книгу книгъ долженъ имѣть каждый.
Адр: Петроградъ, Невскій, 153/1.
Е. П. Масленникову. Тел. 90-36.

СКАНДИНАВІЯ

SALTSJÖBADEN-Stockholm

(1/2 ч. по жел. дор. отъ гор., 1 1/2 ч. на пароходѣ). На живописн. берегу Балтійскаго моря.
КУРОРТЪ предлагаетъ свои:
САНАТОРІЯ, 120 комн. со всеми удобствами.
ГРАНДЪ ОТЕЛЬ, 100 комн. — съ полн. пансіон. отъ 10 кронъ въ сутки.
ЛѢТНЯЯ ГОСТИНИЦА, 40 комн. — съ полн. пансіон. отъ 8 кронъ въ сутки.
ГРАНДЪ РЕСТОРАНЪ. — Новѣйшіе способы лѣченія: какъ-то: Радій, Рентгенъ, Финсенъ, Сандерская гимнастика. Все спеціальныя водолѣченія. Климатъ роскошный. Спортъ всехъ видовъ. Ежедневно струнный оркестръ. Русскій языкъ и газеты.

RÄTTVIK.
SILJANSBORGS HOTELL.
Въ роскоши Dalarne дивн. виды на озеро «Сильянгъ». 45 комн. съ комфортомъ; полный пансионъ отъ 12 руб. въ сутки.
Реком. ресторана центральн. станд. жел. дор. Стокгольмъ. Очень подходящий туристамъ.

Въ книжн. магазинахъ Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время»
Петроградъ, Невскій, 40. Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (на Дону) и Саратовъ
продолжаются книги:
РУСЬ ВЪ ЕЯ СТОЛИЦАХЪ
Историческія очерки Е. НЕЛИДОВОЙ.
Выпускъ I:
СТАРАЯ ЛАДОГА
Съ 16 рис. 1912 г. Цѣна 30 к.
Выпускъ II:
НОВГОРОДЪ
Съ 16 рис. и картою. 1913 г. Ц. 35 к.
Выпускъ III:
КІЕВЪ
Съ 24 рис. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 55 к.
Для перваго выпуска Учен. Ком. М. Н. Пр. внесены въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при поощреніи бесплатныхъ народн. читаленъ и библиотекъ.

ГЕМОРРОЙ
При геморрой, запорахъ слѣдите, чтобы желудокъ не былъ переполненъ, принимайте Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ устраняетъ запоры, не раздражаетъ кишечника и производитъ послабленіе по своему дѣйствию близкое къ нормальному. Стомоксигенъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ аптекъ по рецептамъ врачей. Остерегайтесь поддѣлокъ. На оригинальной коробкѣ имя Д-ра Антона Мейеръ выписано полностью.
ЗАПОРЫ

ВСЕМИРНОИЗВѢСТНЫЙ КРЕМЪ КАЗИМИ МЕТАМОРФОЗА
ЕДИНСТВЕННО ПРИБЛИЖЕННЫЙ КЪ ИСТИННОМУ ВСЕГО МІРА БЕЗПОРНО ГАДИ КАРМОНУДАЛЕТЪ ВЕСЛУЖИ, УПРЪ ПІТКА, ЗАГРЪ МОЩНЫМЪ НАДЪВАНІЕМЪ

ТОПОГРАФИЧЕСКІЕ КАРТЫ
И. ВИНОКУРОВЪ и Н. СНИГИДИНЪ
Гостиница Дарья (у Лавна) ПЕРВОМЪ ПРИБЛИЖЕНІИ НИСЪ
ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ СЪ КАТЕГОРИЯМИ ВСѢХЪ МУЗЫКАЛЬ. ИНСТРУМЕНТ. И ГРАММОФОНОВЪ
УБЪДОПТОВЫЯВСЕМЪ

«Книгоизд. Т-во», Птрдг. Невскій, 158.
В. И. КРЫЖАНОВСКАЯ
СВѢТОЧИ ЧЕХІИ, лет. рм. 2 р.
(Почетн. отзывъ Академіи Наукъ).
ПАУТИНА, рм. 2 р. 50 к.
(Нѣмецкое изданіе).
БЛАЖЕН. НИЩЕ ДУХОМЪ, 1 р. 80 к.
и др. окултн., истор., бытов. ром. выемд. наложн. платеж., каталоги бесплатно.

Генри Делькроа
Морская 19. тел. 21-73.
4 Спеціальныхъ кабинета для окраски волосъ съ опытными спеціалистами.

ый день. Въ
дасть, а въ
Этотъ пори-
тъ дни, ко-
на смотри
гда стоятъ
и. У Жоффра
и дружки
солдатами.
ойскахъ гро-
послѣ бит-
зжалъ ряды
ласть перва
ившая себя
оффра подо-
мандовавши
аль его при
: «Гумбергъ,
прити въ
поздравляю
ралисиумуъ
къ конечный
раэта пере-

ринъ.
Суворина —

овосергив-
сионъ. Отд-
сь въ не-
нал степь.
р. подробн:
пер. 5, кв. 7.

ТННН
МИ
Сигарет
Cigarettes

Содержан 29.
проислелъ №157
ИТЬ-МУРАНТЫ
и ГРАЖДАНОСТЬ
ВСЕМ

вскій, 158.
ВСКАЯ
2 р.
Наука).

ь", 1 р. 80 к.
ром. высыл.
оплатно.

кроа
21-73.
ста для
СТАИ.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

15

№ 14045

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 18-го АПРѢЛЯ (1-го МАЯ) 1915 ГОДА.

№ 14045

БЪ ПЕНГЛОВСКОМЪ ЛѢСУ.—Погибли, но позици не сдали.

Рисун. А. Пржецлавскаго (участника войны).

Штыковой ударъ.

Сигналъ къ выступленію.

Огромная въ окопѣ къ намъ рухнула гра-
ната,
Завыла, лопнула, раскрыла страшный
звѣрь,
И дикіе кругомъ, изъ ада прилетѣвъ,
Запрыгали въ огнѣ со свистомъ бѣсенята.
Позергнуло лицо прекрасное солдата.
Онъ подался впередъ, плечомъ меня за-
дѣвъ,
Н о родномъ селѣ повѣдать не успѣвъ,
Упалъ и вдругъ захихъ, смутивъ бойца и
брата.
На мигъ застыли мы... Но битвы грозный
пылъ
Намъ душу общую въ ударъ могучій
слилъ.
Мы ринулись къ врагу свержающимъ по-
токомъ.
Не помню, гдѣ и какъ, но былъ съ налета
взятъ.
Расправою штыка и въ натискѣ жесто-
комъ,
Редутъ съ орудіемъ, прислаивимъ бѣсе-
нать.

В. Жуковскій.

Наша пѣхота.

Азіатскій наукъ.

Нѣмецъ Карлъ Фореръ, весьма хорошо извѣстный дѣлецъ въ одномъ изъ нашихъ южныхъ городовъ, выискиваетъ къ себѣ турецкую танцовщицу Наджье-Машади съ ея акомпаниаторомъ Сулейманомъ и за ужиномъ въ загородномъ саду представляетъ ее своимъ знакомымъ — полковнику Брынину, поручику Чернецову и другимъ. Она совершенно очаровываетъ молодого поручика Чернецова, сына извѣстнаго генерала, занимающаго въ краѣ большое мѣсто. Денежная дѣла Чернецовыхъ очень запутаны, и старикъ генералъ хочетъ продать свое имѣніе у турецкой границы, предложивъ сыну переговорить по этому поводу съ тѣмъ же Фореромъ, какъ съ человѣкомъ умѣющимъ устроить всякія дѣла.

— Окончаніе*.

IV.

Алексій Чернецовъ рѣшилъ, не мѣшкая, повидаться съ Фореромъ. Онъ знаетъ, что въ шесть часовъ его всегда можно застать за обѣдомъ и, даже не справившись по телефону, прямо побѣжалъ къ нему.

У подъѣзда фореровскаго дома стояли два автомобиля, а открывшій дверь лакей доложилъ, что у барина гости. Чернецовъ тѣмъ же мѣнѣ вошелъ въ переднюю и, пользуясь своей пріятельской близостью, вызвалъ туда Форера.

— Здравствуй, мой милый, — какъ всегда пріятливо, съ обычнымъ своимъ добродушіемъ, встрѣтилъ его Фореръ, — у меня здѣсь былъ ранній обѣдъ, ты не удивляйся, что и тебя не звалъ, — это все дѣловые люди, есть нефтяные промышленники изъ Баку, есть изъ Трапезонды... Сейчас они уйдутъ, — и я всецѣло къ твоимъ услугамъ.

— Мнѣ бы хотѣлось съ тобой поговорить тоже по одному дѣлу.

— Прекрасно, прекрасно... Кстати и у меня есть просьба, это, собственно, къ твоему отцу. Да вотъ что, — пойдѣмъ къ намъ. Если надобно, ты посиди въ персидской комнатѣ, — тебя будетъ занимать Наджье-Машади, — она здѣсь. А эти господа уйдутъ черезъ полчаса.

Фореръ повелъ Алексія въ столовую, гдѣ за столомъ сидѣли нѣсколько человѣкъ, смугло-бронзовыхъ, рѣзко-восточнаго типа. Нѣкоторые были въ красныхъ фескахъ.

— Это сынъ нашего генерала Чернецова, — съ какой-то особой торжественностью провозгласилъ Фореръ.

Всѣ поднялись изъ-за стола, почтительно подходя и пожимая руку вошедшему. Алексій зналъ изъ нихъ только одного, котораго уже встрѣчалъ раньше у Форера, какого-то Ахмета-Агу-Калагарскаго или Башлагарскаго. О немъ ходили слухи, будто онъ турецкій эмисаръ на Кавказѣ, но Фореръ это категорически отрицалъ. Впрочемъ, Алексій ихъ не особенно внимательно разглядывалъ: въ концѣ стола, въ ярко-желтой повязкѣ на черныхъ волосахъ, сидѣла Наджье-Машади, которая ему радостно улыбалась и кивала головой, привлекая его глазами.

— Милая моя Наджье, — обратился къ ней Фореръ, — ты довольно здѣсь скучала во время нашихъ дѣловыхъ разговоровъ. Возьми въ награду этого молодого человека. Ты можешь пойти съ нимъ въ персидскую комнату, я вамъ пришлю туда сладости и фрукты и кофе съ твоимъ любимымъ имбирнымъ сокомъ. Вамъ вдвоемъ будетъ тамъ куда веселѣе, чѣмъ слушать здѣсь наши скучные разговоры о торговлѣ, о добываніи нефти и каменнаго угля...

Фореръ говорилъ съ удивительной театральностью и вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ тономъ, точно все время немного надъ кѣмъ-то посмѣивался.

Наджье-Машади мгновенно соскочила съ мѣста и, схвативъ подъ руку Алексія, стала увлекать его черезъ залу и каби-

нетъ въ далекую персидскую гостиную на широкую, покрытую узорнымъ ковромъ тахту. Тамъ она его усадила между подушками и подошнула ему мозаичный столикъ, куда присланный лакей немедленно поставилъ большой подносъ съ фруктами и съ шампанскимъ.

На этотъ разъ она была въ голубыхъ шелковыхъ шароварахъ и въ чѣмъ-то голубомъ и желтомъ на груди. Сверху лежало на плечахъ длинное покрывало изъ газа. Она его все время развѣтывала и имъ играла, закрывая нижнюю часть лица, какъ прозрачной чадрой, что особенно отгвѣняло ея выразительные черные глаза. Съестъ она не хотѣла, а все время двигалась по комнатѣ, безшумная и вращивая.

Странно себя съ нею чувствовалъ Чернецовъ. Воля его была каждый разъ будто совсѣмъ парализована, въ головѣ стужался какой-то дурманъ, все тѣло ныло отъ странно-пріятной нѣгу истома и усталости. Да и то сказать: слишкомъ ужъ испугались у него за послѣднее время нервы, — слишкомъ много онъ пилъ, а спалъ часа четыре въ сутки.

Но сегодня онъ твердо рѣшилъ не поддаваться этому обычному наводненію. Разговоръ съ отцомъ вообще вызвалъ въ немъ жажду дѣятельности: и надо, и можно измѣнить эту нелѣпную жизнь и пробудить въ себѣ волю и энергію. Первое, съ чего онъ рѣшилъ начать, это окончательно выяснитъ, каковы его действительныя отношенія съ этой загадочной Турчанкой. Она его очень занимаетъ и волнуетъ воображеніе, по лучше совсѣмъ отъ нея отказаться, чѣмъ тонуть все глубже въ засасывающей тинѣ какой-то глупой ребяческой влюбленности, въ которой онъ живетъ со дня ея появленія въ городѣ. Вѣдь не жениться же на ней онъ на самомъ дѣлѣ собирается! Очень возможно, что Фореръ просто старается ему подсушить свою любовницу, которую хочетъ такимъ образомъ пристроить. Необходимо окончательно разобраться во всей этой внезапно пахлынувшей чертовщинѣ... Чернецовъ ясно понималъ, что его волю стараются всячески парализовать, сдѣлать его послушнымъ исполнителемъ какихъ-то неизвѣстныхъ ему предначертаній.

— Слушай, Иззкъ... — вдругъ заговорила Наджье-Машади, — она такъ передѣлала на восточный ладъ его имя, — правда, что твой отецъ очень большой и важный нашъ? — Почему это тебя такъ интересуетъ? — насторожившись, откликнулся Чернецовъ.

— Онъ можетъ тогда помочь бѣдной Наджье... — Въ чѣмъ помочь? — Турчанка подошла къ тахтѣ и легла на нее грудью внизъ. Ея голова, подпертая руками, приходилась почти у головы Чернецова.

— А ты сдѣлаешь для меня что-нибудь, милый Иззкъ? Сдѣлаешь? Она ему внимательно смотрѣла прямо въ глаза.

— У Наджье есть одинъ очень бѣдный братъ... Но онъ хорошо говоритъ по-русски, и на многіе другіе языки... Паша его, можетъ быть, возьметъ къ себѣ для перевода...

Чернецовъ совсѣмъ не ожидалъ такой странной просьбы, да и не вполне ее уяснилъ.

— Для какого перевода? — спросилъ онъ.

— Такъ сказалъ это Фореръ, что у паша надо переводчикъ. Онъ самъ тебѣ будетъ все говорить. Только я тоже пропущу для свой брата, милый Иззкъ... Ты сдѣлаешь?

— Хорошо, — отвѣтилъ Чернецовъ, — я узнаю. Если правда нужно, то отчего же? — Иззкъ всегда сдѣлаешь для Наджье, — я такъ сказала Фореру... А ты хочешь, — я буду тебѣ немного танцовать?

Ты вотъ пей этотъ имбирный сокъ... хочешь?

Опять туманъ какой-то неодолимой сонливости сталъ обволакивать сознаніе Чернецова. Черные глаза смотрѣли на него совсѣмъ близко и пристально; онъ испытывалъ такую потребность отдыха и безмыслія, что буквально было тяжело шевельнуть пальцемъ.

— Иззкъ усталъ, — сказала Наджье, — если здѣсь немного, я подожду. Голосъ ея прозвучалъ какъ-то совсѣмъ тихо, точно откуда-то издалека.

Но въ то же мгновеніе надъ самымъ ухомъ раздался другой голосъ, очень ясный и отчетливый, и хорошо знакомый, голосъ Форера:

— А ты себѣ всхрапнулъ, мой милый... Остался вдвоемъ съ красивой женщиной и улети спать.

Чернецовъ быстро поднялъ голову, ничего не понимая.

— Какъ? я спалъ? я совсѣмъ не спалъ!

— Спалъ, мой милый, ровно цѣлый часъ спалъ... Я нарочно не вѣлѣлъ тебя будить, видѣлъ, какой ты усталый... Ну, а теперь подымайся и давай говорить о дѣлѣ...

Наджье-Машади въ комнатѣ не было.

— Ты говорилъ, что у тебя есть какое-то дѣло, — продолжалъ Фореръ, видя, что Чернецовъ все еще не можетъ окончательно прійти въ себя, — вѣроятно, что-нибудь изъ области вексельнаго права?

Чернецовъ вдругъ сразу припомнилъ все съ полной ясностью: и разговоръ съ отцомъ, и пріѣздъ къ Фореру, его гостей. Словно какая-то пелена вдругъ поднялась и освободила ему память и сознаніе. «Однако я, действительно, крикну вздремнулъ», подумалъ онъ.

— Да, да... у меня есть дѣло... Я хотѣлъ съ тобой поговорить по порученію отца.

Выпуклые глаза Форера выразили сосредоточенное и почтительное вниманіе.

— Дѣло заключается въ томъ, что мы хотимъ продать наше имѣніе за Араксомъ... Помнишь, ты это уже совѣтовалъ, говорилъ, что можно найти хорошаго покупателя...

Фореръ зажмурился, поднося спичку къ своей потухавшей сигарѣ.

— Такъ вотъ, не согласишься ли ты намъ помочь?

— О, конечно, съ полнымъ удовольствіемъ.

Фореръ нагнулся къ столу за новой спичкой.

— Но только я надѣюсь, что ты сдѣлаешь все возможное, чтобы продать по выгодѣ. Вѣдь имѣніе очень хорошее. Говорятъ, тамъ есть каменный уголь... Ну, разумеется, отецъ тебѣ предлагаетъ извѣстный гонораръ...

— О, это пустое... — протянулъ Фореръ, закуривъ, наконецъ, свою сигару. Онъ смотрѣлъ прямо въ глаза Чернецову своимъ яснымъ стекляннмъ взглядомъ.

— Ты, конечно, понимаешь, что я всегда радъ сдѣлать одолженіе и тебѣ, и твоему батюшкѣ. Я знаю, что вамъ сейчасъ деньги очень нужны, — онъ улыбнулся, — всѣ говорятъ въ городѣ, что твоя сестра — невѣста, поздравляю. Я очень радъ придти на помощь, когда надо. И сдѣлаю все возможное для уважаемой Лидіи Никитичны... Жаль, что вы такъ задержали это имѣніе, потому что я недавно продалъ другое... Только я все-таки постараюсь что-нибудь сдѣлать. У меня есть въ виду одинъ богатый Нѣмецъ изъ Эрзерума, — онъ, я думаю, купитъ. Ваше имѣніе около турецкой границы?

— Обо всѣхъ подробностяхъ ты ужъ переговорилъ съ отцомъ, у него и планъ, и всѣ свѣдѣнія.

— Конечно, конечно... Я и самъ хотѣлъ это сказать. Я буду говорить съ генераломъ. Ты дѣлать не любишь, а тутъ разговоръ будетъ много, вѣдь такая безодня имѣнія продавать трудно... Но только я, конечно, все это устрою, и гонораръ я отъ васъ Брынинъ.

— Хорошо, — отвѣтилъ Чернецовъ, — я узнаю. Если правда нужно, то отчего же?

— Иззкъ всегда сдѣлаешь для Наджье, — я такъ сказала Фореру... А ты хочешь, — я буду тебѣ немного танцовать?

Ты вотъ пей этотъ имбирный сокъ... хочешь? Опять туманъ какой-то неодолимой сонливости сталъ обволакивать сознаніе Чернецова. Черные глаза смотрѣли на него совсѣмъ близко и пристально; онъ испытывалъ такую потребность отдыха и безмыслія, что буквально было тяжело шевельнуть пальцемъ.

не хочу брать... Пусть мнѣ лучше генералъ, если захочетъ, поможетъ въ другихъ дѣлахъ: есть у меня дѣла и въ индустриальности, и другія разныя дѣла...

А вотъ, на первый случай, совсѣмъ маленькая просьба: въ канцеляріи тамъ въ штабѣ нужны переводчики. Такъ вотъ у Наджье братъ, молодой человекъ, онъ всякіе восточные языки знаетъ. Если твой отецъ одно только слово напишетъ: пріинять, его сейчасъ же тамъ примутъ...

Такъ ты узнай, когда мнѣ къ генералу пріѣхать для разговора... Ну, а теперь, — Фореръ посмотрѣлъ на часы, — мнѣ уже пора въ клубъ, тамъ меня тоже ждутъ по дѣлу... А потомъ ужинаемъ вмѣстѣ? Наджье-Машади будетъ танцовать новый танецъ. Полковникъ Брынинъ общался, что непременно пріѣдетъ посмотреть...

V.

Колонна нашихъ кавказскихъ войскъ уже заняла старую турецкую крѣпость Базазетъ.

Небольшому отряду полковника Брынина было поручено задержаться у нашей границы за Араксомъ, восточнѣ главныхъ силъ, чтобы не допустить появленія курдской конницы въ Закавказьи.

— Ведѣмъ войну на югъ, а холодъ самый что ни на есть сѣверный, — говорилъ полковникъ, сидя у деревяннаго стола въ просторной и опрятной комнатѣ по городскому построеннаго каменнаго дома. — А ну-ка, Сливка, вали еще дровъ въ печку!

— За то домъ хороший, и спать намъ будетъ удобно, — отозвался поручикъ Чернецовъ, разглядывавшій вѣстникъ по стѣнамъ олеографіи.

Онъ казался очень похудошавшимъ и осунувшимся.

— Это потому, что мы на нѣмецкой территоріи, — улыбнулся полковникъ, выпячивая свои румяныя губы. — Воюемъ съ Турціей, а попали прежде всего къ Нѣмцамъ. Что тамъ у васъ, среди картинъ, нѣтъ ли портрета кайзера?

— Пока не нашеть.

— А непременно долженъ быть въ домѣ нѣмецкаго колониста, — это ужъ извѣрно. Нашъ шельма Мюллеръ, хоть и числится русско-подданымъ, но я его подлую душу насквозь вижу... Велю на ночь запретить всѣхъ нашихъ хозяевъ и поставлю караулъ. А хорошо, все-таки, жлуть эти проклятые Нѣмцы, — вѣдь, посмотрите, какой домъ!.. И обстановка кое-какая есть, и керосиновые лампы... Мюллеръ говоритъ, что онъ только управляющій, а имѣніе принадлежать какому-то Лихтенау, или что-то въ этомъ родѣ...

— Да, да, Лихтенау, — вдругъ съ живостью откликнулся Чернецовъ и даже весь покраснѣлъ отъ волненія, — вѣдь вы знаете, господа, что это имѣніе, — это бывшее наше имѣніе, пожалованное еще моему дѣду. И домъ этотъ построенъ по Нѣмцамъ, а нами, когда отецъ думалъ еще имъ заняться... А Лихтенау этотъ купилъ его только весной, всего полгода... Такъ вотъ при какихъ обстоятельствахъ пришло здѣсь побывать впервые... — прибавилъ онъ задумчиво, точно про себя.

— Весьма характерно для русскаго человека, вѣрнѣе для дворянина изъ стараго рода, — съ добродушной улыбкой и какъ-то повѣтвовательно, безъ укора, произнесъ Брынинъ, — и непременно всегда попадаетъ въ нѣмецкія руки!.. Ну, да съ этой войной, авось, какъ-нибудь послѣ и образумимся, возьмемъ за дѣло... Чтожъ это ты, Сливка, никакъ чаю намъ не соорудишь? Шевелись, братецъ!.. Да пришли ко мнѣ Мюллера этого самаго, — куда онъ прячется?... Впрочемъ, подожди: мы еще сначала другимъ займемся. Давайте теперь сюда нашего плѣннаго, мы его допросимъ, — обратился полковникъ къ краснощекому хорунжему, сидѣвшему у края стола.

Хорунжий крикнулъ въ дверь: — Гагаенко! Тащи сюда Турку нашего!

— Вы его какъ взяли? — спросилъ

* См. № 14038 «Нов. Вр.».

Ген.-м. Вас. Никол. БРАТАНОВЪ. За боевые отличия награжденъ орденомъ св. Георгия 4 степ.

ген.-м. Григ. Ив. ЧОГЛОНОВЪ, награжденный орденомъ св. Георгия 4 степ.

Военный летчикъ, поруч. Е. А. НЕСТЕРОВЪ. За воздушные разведки награжденъ Георгиевскимъ ор.

Полк. Л.-дръ Ал.-др. СВЕШНИКОВЪ. За боевые подвиги награжденъ орденомъ св. Георгия 4 степ. и Георгиевскимъ орденомъ; былъ дважды раненъ.

Ген.-штаба полк. КОРОЛЬКОВЪ, Награжденъ Георгиевскимъ орденомъ и представленъ къ орденомъ св. Георгия 4 ст. и къ чину ген.-м.

Поруч. М. М. ФОНТ-ЗИДЕНЪ. Награжденъ Георгиевскимъ ор.

— Да вотъ сигнализировать онъ что-то съ горы,—по крайней мѣрѣ мои казаки такъ рассказывали... Большой костеръ у него тамъ горѣлъ. А какъ увидѣлъ казаковъ, въ кусты бросился. Порусски не говорить или не хотеть, да мѣтъ сдается, что немного понимаетъ. Мы его обыскали, отобрали книжаль и два револьвера и какое-то письмо турецкое... Чортъ его знаетъ, что тамъ нацарапано.

— Давайте-ка письмецо...—Полковникъ вынулъ платокъ и сталъ протирать очки: —плохо я, впрочемъ, ихнюю грамоту разбираю...

Въ эту минуту два дюжихъ казака ввели очень смуглаго челоука, черноусаго, съ большимъ горбатымъ носомъ. Онъ былъ въ темной курткѣ и въ черной персидской шапочкѣ, входилъ весьма неохотно, морщился и щурился глаза.

— Ну, Гагаенко, рассказывай, какъ было дѣло...

— Якъ бувъ у горы, да вить злызы на гору, да самъ пишовъ...

— Постой-ка, постой...—полковникъ уже былъ въ отцахъ и внимательно разглядывалъ влѣтнаго.—Вотъ-то знакомая рожа... Алексѣй Никитичъ!—вдругъ крикнулъ онъ, съ необычной живостью поворачиваясь къ Чернецову, который былъ весь поглощенъ своими мыслями и задумчиво глядѣлъ изъ окна въ темноту ночи.—Да вѣдь это, знаете, кто?.. это тотъ самый господинъ, что тогда прѣзжалъ съ этой вашей турецкой танцовщицей, да на гитарѣ игралъ... помните?

Лицо Турка все передернулось; онъ широко открылъ глаза, выразившее величайшее удивленіе и испугъ.

— Ну что, братъ Сулейманъ,—уже совсѣмъ спокойно продолжалъ полковникъ,—можеть быть ты теперь съ нами и порусски поговорить?

Чернецовъ подошелъ къ Брынину.

— Да... это онъ...

Турокъ смуглился еще больше, но ка-по ли тебя простить, понялъ? Будешь чай усиленно качать головой и бормо- лгать,—сейчасъ разстрѣлю.

— Не понимаешь? Зато я тебя хорошо потрясенный, отошелъ къ окну. понимаю... Будешь ты, братъ, говорить, — Фореръ теперь въ Эрзерумѣ,—на- или вѣтъ?—прикрикнулъ на него полков- никъ.

Турокъ молчалъ. Брыннинъ слушалъ его съ невозмут- имымъ спокойствіемъ, точно действитель- но маю, что отъ меня этакъ отважешься и зналъ содержание письма.

— Видишь ли, Сулейманъ... Ты не ду- май, что отъ меня этакъ отважешься и зналъ содержание письма. — Фореръ нѣмецкій полковникъ въ ту- а вотъ въ этой бумажкѣ,—полковникъ рекомъ войскѣ. Онъ былъ всегда нѣмед- грозно постучалъ по письму,—каписаны кій шпионъ... а я не виноватъ, я бѣдный про тебѣ такія вещи, что ежели ты сей- человекъ, очень бѣдный. Я айсоръ изъ Су- часть не признаешься и не начнешь гово- вейди, и моя жена—она тоже изъ Сиріи. рить, то я велю тебѣ сію же минуту Фореръ общалъ намъ деньги за службу, разстрѣлять... Слышалъ? Понялъ? а заплатилъ очень мало. У Форера было много людей на службѣ, и онъ говорилъ, что когда будетъ война, то онъ все бу- зреть знать, потому что у него вездѣ люди.

Турокъ молчалъ, опустивъ глаза... Только онъ все обманывалъ, Фореръ,— Крути ему руки!—рванулъ пол- какъ тотъ вдругъ тяжело грохнулся на ковникъ... ковшанъ.

Но не успѣлъ Гагаенко схватить Турка, Ваше сіятельство,—завопилъ онъ да. А теперь онъ самъ спрятался въ Эрзе- къ великому удовольствію казаковъ пор- умъ. Эту Фореръ негодяй, самый боль- русски,—ваше сіятельство... и бѣдный, я шой негодяй...

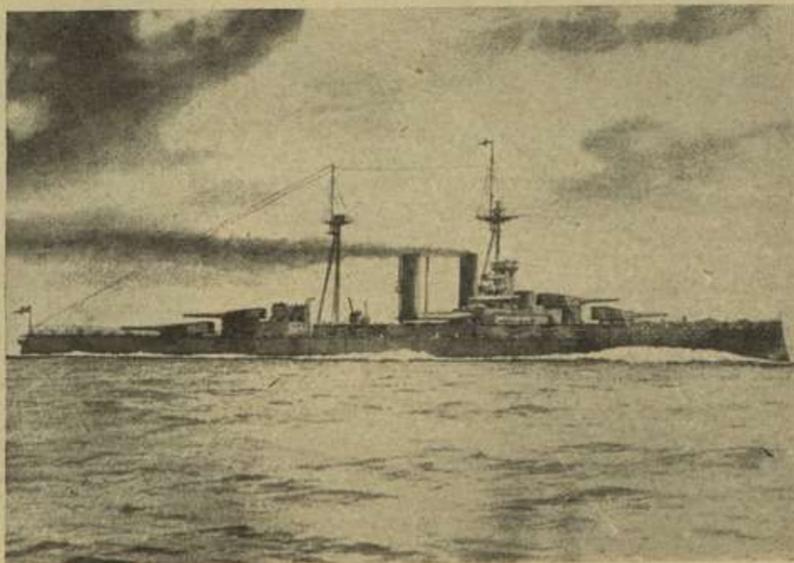
Сулейманъ замолкъ, съ трудомъ пере- вои дыханіе...

— Ну, ну...—успокоительно протянулъ — А ты чего костры на горахъ заки- Брыннинъ,—ты смотри, все рассказывай... гаешь?—строго спросилъ его Брыннинъ. Ты признаешь, что ты тотъ самый Су- Сулейманъ съ ужасомъ смотрѣлъ на полковника.

— Да, я, конечно, Сулейманъ. Только — Ваше сіятельство, ваше сіятель- я мало виноватъ, совсѣмъ мало... Это все ства,—повторялъ онъ,—я бѣдный чело- Фореръ, это онъ писалъ письмо... вѣкъ, совсѣмъ бѣдный человекъ... Мнѣ на- до получить мои деньги, которые общалъ

— Подождите, поручикъ,—строго оста- Фореръ... Онъ меня послалъ сюда къ этому самому Мюллеру, и я здѣсь служу курдско- му начальнику Абу-Рѣо. О! ты не знаешь, Абу-Рѣо.—это самый жестокой Курдъ, и онъ мнѣ отрѣжетъ носъ и уши, если я не знаю, что ты самъ-то за человекъ и мож- дамъ ему знать, гдѣ идутъ Русскіе. Абу-

ВОЙНА СЪ ТУРЦІЕЙ.

Большаишій въ мѣрѣ англійскій сверхдредноутъ «Королева ЕЛИЗАВЕТА», участвующій въ бомбардировкѣ Дарданалъ. Вооруженъ 15-дюйм. орудіями.

Рѣо взялъ у меня мою жену, а я долженъ ему служить... Ваше сіятельство,—если ты меня простишь, я тебѣ покажу, гдѣ теперь Абу-Рѣо... На него можно напасть: онъ взялъ мою жену—Наджье-Машади... При этомъ имени даже полковникъ Брыннинъ не могъ скрыть своего впечатлѣнія: — Такъ эта танцовщица была твоя жена?

— Ну да, жена... а ты не знаешь, ваше сіятельство?

— Ну, и исторія,—протянулъ Бры- нинъ.—Алексѣй Никитичъ, а? Вѣдь ка- кую сложную паутину шпионства плелъ вокругъ изъ этого нѣмецкій паукъ Фе- реръ. Да и сейчасъ—въ этомъ домѣ у Мюл- лера—мы вѣдь окружены шпионами... и покупка вашего имѣнія у границы, оче- видно, тоже входила въ планъ... Да вѣтъ,—это какіе-то маниаки!—съ жаромъ воскликнулъ онъ, пожимая плечами.—это уже болѣзнь, потому что это, въ концѣ концовъ, бессмысленно. Вѣдь такими путя- ми міра не завоеешь, при всей энергіи, при какомъ угодно швыряніи денегъ... А надо будетъ, господа, всю семью этихъ Мюллеровъ сейчасъ на ключъ, и всѣхъ ихъ работниковъ тоже... Пока уведите этого... Сливка! вали еще дровъ въ почку...

VI.

Легли очень поздно, потому что Бры- нинъ еще дѣлалъ много распоряженій и лично самъ удостоверялся во всемъ, раз- биралъ турецкое письмо, долго говорилъ о Форерѣ, разводилъ руками и возмущался. Онъ еще потомъ цѣлый часъ показывалъ рядомъ въ комнатѣ, гдѣ ему устроили постель, и возился съ подробной картой при тускломъ свѣтѣ огарка.

Чернецовъ не раздѣвался, завернулся въ бурку и ничкомъ легъ на жесткую тахту. Сумбуръ мыслей и воспоминаній не давалъ ему покоя. Онъ только недавно окончательно оправился отъ тяжелой нерв- ной болѣзни, которой завершилось его краткое знакомство и общеніе съ Наджье- Машади. Весьма вѣроятно, что она была

Нѣмцы—воины.

Командиръ полка полковн. Никол. Степ. ЛАРИОНОВЪ, былъ раненъ, но вновь вернулся въ строй. За отличія въ дѣлахъ противъ непріятеля награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степ. и Георгіевскимъ оружіемъ.

Поруч. В. ШИРЯЕВЪ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степ.

даже тутъ не причесть, а просто его обычная жизнь и постоянное переутомленіе дали эту нервную реакцію. Такъ объяснили болѣзнь и доктора.

По выздоровленіи ему совѣтовали поѣхать въ одинъ изъ заграничныхъ курортовъ и отдохнуть подольше. Форера въ то время въ городъ уже не было: онъ, по видимому, куда-то уѣхалъ на лѣто. Исчезла и Наджѣ-Машади.

Но неожиданно грянувшая война совершенно измѣнила планы Чернецова. Впрочемъ, полкъ его не былъ двинутъ на западную границу, и только послѣ выступления Турціи ему предстояло участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Сильная физическая усталость послѣднихъ дней, проведенныхъ въ постоянныхъ передвиженіяхъ, стала сразу навѣвать дремоту, какъ только Чернецовъ выткнулся на тахтъ. Но было ли въ комнатѣ слишкомъ душно отъ усиленной топки, или подъ влияніемъ всѣхъ впечатлѣній вечера стали опять разыгрываться нервы,— только это былъ не сонъ, а постоянная сѣбѣ тяжелыхъ кошмаровъ. Серьезно думать онъ не могъ ни о чемъ,—и всѣ потрясающія разоблаченія Сулеймана по поводу Форера, съ которыми у него были такія близкія отношенія,—такъ и остались непродуманными, еще не коснувшись яснаго сознанія. Но за то бессознательно они поглощали все его существо. Онъ все время чувствовалъ тяжкій гнетъ какихъ-то страшныхъ видѣній, которыя онъ ежеминутно забывалъ, но которыя заставляли въ угасѣхъ вздрагивать и дрожать. Его пугалъ равномерный хрипъ спавшаго съ нимъ въ комнатѣ хорунжаго; этотъ хрипъ онъ продолжалъ слышать и въ минуты своего сна, мучась невозможностью отъ него избавиться. Казалось, что уже прошло нѣсколько ночей, а онъ все не можетъ никакъ проснуться и умираетъ здѣсь, тяжело раненый въ голову, одинокій, всѣми брошенный.

Нѣсколько разъ ему казалось, что онъ

видитъ Форера, который о чемъ-то бесѣдуетъ съ его отцомъ и предлагаетъ деньги... Но видѣніе расплывалось мгновенно, было избавиться...

и только изъ угла слышалось рычаніе чужака. Все настойчивѣй и опредѣленнѣй стала потомъ появляться Наджѣ-Машади...

Онъ видѣлъ ея глаза, такія близкія и знакомые, чарующіе и страшные... Эти глаза маняли то ощущеніе полной безпомощности, ту тяжелую сонную скованность, тахтъ, которую онъ такъ часто съ нею посылалъ...

Образъ Наджѣ-Машади сталъ, наконецъ, постояннымъ, отъ него нельзя было избавиться...

Послѣднимъ усиліемъ воли Чернецовъ заставлялъ себя проснуться...

— Она здѣсь, она гдѣ-то очень близко, она вѣроятно въ этой комнатѣ,—думалъ онъ, вслѣдствіе этой мысли, и шарилъ въ карманѣ коробку спичекъ и приподымаясь на локоткахъ, ту тяжелую сонную скованность, тахтъ.

Вспыхнулъ свѣтъ... Но въ комнатѣ ни-

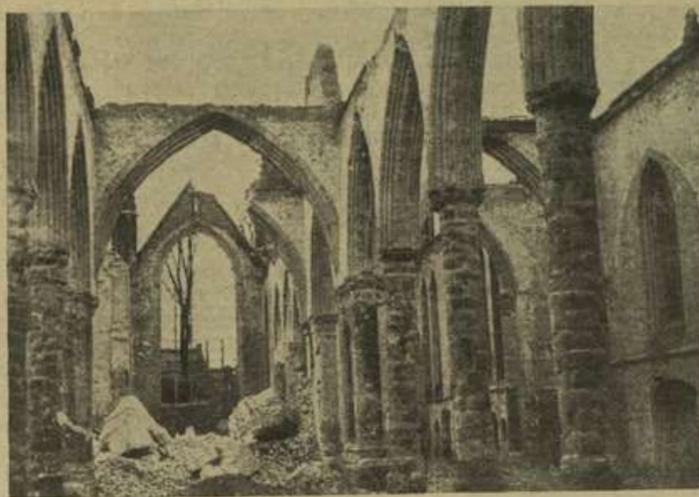
въ деревнѣ во время войны.

Дѣдъ благословляетъ внука, призваннаго въ ряды арміи. Съ фот. Нат. Семилетичевъ.

Шт.-кап. Вл. Ел. СЕИДИНСКИЙ, убитый 16 февр. подъ Ст-вилью во время ночного штурма, и награжденный золотым оружием и представленъ къ ордену св. Георгія 4 степ. Рядомъ—его жена Аля Александровна, сестра милосердія, энергично работавшая на передовыхъ позиціяхъ и трагически погибшая у гроба мужа-героя, на пути следованія тѣла изъ Галиціи на родину, въ Псковъ.

ВЪ БЕЛЬГИИ.—Внутренній видъ церкви въ Ньюпорѣ послѣ последней бомбардировки.

кая ему въ лицо холодной водою,—у меня ужъ на что башка здоровенная, да и то вся трещить, точно развалится...

Вильгельмъ II и искусство.

Вильгельмъ II убежденъ, что обладаетъ всеми врожденными талантами. Онъ неоднократно выступалъ то музыкантомъ, то скульпторомъ, то писателемъ или ораторомъ, то художникомъ, давая богатую пищу карикатуристамъ.

Неудача нѣсколько охладила пылъ кайзера, и въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ пробовать свои силы лишь въ качествѣ режисера. Онъ реорганизовалъ совершенно все внутреннее устройство императорскихъ театровъ въ Берлинѣ. Была заведена огромная библиотека, заключающая свыше 30,000 томовъ; около тысячи специалистовъ,—ремесленниковъ и артистовъ,—необходимыхъ для успешныхъ постановокъ, были приглашены въ качествѣ постоянного персонала. И всей этой арміей костюмеровъ, художниковъ, парикмахеровъ, цветочницъ и т. д. лично управлялъ самъ Вильгельмъ II, входя во все мельчайшія подробности постановокъ.

Въ ту самую ночь, верстахъ въ двадцати отсюда, эскадронъ ротмистра князя Асатіани окружилъ стоянку вооруженныхъ кочевниковъ-Курдовъ, выступившихъ противъ насъ подъ предводительствомъ извѣстнаго наездника и вождя одноглазого Абу-Рзо. На предложеніе сдаться Курды отвѣтили выстрѣлами, послѣ чего были сметы и разбѣяны нашей конницей. Самъ Абу-Рзо погибъ въ этой схваткѣ.

Около его шатра нашли трупъ очень красивой женщины, весьма вѣроятно убитой имъ самимъ, чтобы она не досталась неприятелю. Прибывшій къ полудню начальникъ отряда полковникъ Брынинъ призналъ въ ней извѣстную ему восточную танцовщицу—Наджье-Машади.

В. Опочининъ.

кого не было, кромѣ мирно спавшаго хорунаго...

— Я, кажется, опять совсѣмъ боленъ, — мелькнуло въ головѣ Чернецова.

Онъ легъ, снимая голову руками.

Но присутствіе Наджье-Машади опять стало казаться несомнѣннымъ, какъ только потухла спичка.

Чернецовъ продолжалъ мучаться въ постоянно возникавшихъ новыхъ кошмарахъ. Наджье-Машади все время сидѣла у него

на тахтѣ, онъ съ нею разговаривалъ, она просила ей помочь, взять ее къ себѣ, спасти отъ преслѣдующихъ ее людей, отъ какого-то ужаснаго одноглазого Курда... Она цѣловала ему руки.

Утромъ хорунажій Бодадо едва привелъ въ чувство потерявшаго сознание Чернецова. Тутъ же стоялъ и очень обезпокоенный полковникъ Брынинъ.

— Просто угорѣлъ отъ этой проклятой почки,—говорилъ хорунажій, прсы-

аль, на-
пельза
рнецовъ
ль близ-
гѣ,—ду-
въ кар-
маясь на
натъ на-

«ПРОВОЖАЮТЪ».—Эпизодъ изъ отступленія Германцевъ отъ Гродно.

Ориг. рис. А. Прожецлавскаго

Въ 1910 г. императоръ руководилъ всей ба... Этотъ моментъ фотографъ и поторо- постановкой «Пророка». Увѣряютъ, что она не имѣетъ себѣ равныхъ, зюда дѣло касается постановки шра или обѣда на сценѣ. На репетиціяхъ онъ издерживаетъ первый всѣхъ, начиная отъ режисера и кончая послѣднимъ статистомъ. Онъ врывается на сцену въ патетическіе моменты, потрясая руками и громыхая саблей, жестикулируетъ, расточаетъ указанія направо и нѣлѣво, дѣлаетъ замѣчанія относительно костюмовъ, организуетъ постановку народныхъ сценъ и заставляетъ артистовъ начинать по десять разъ сряду одну и ту же сцену. Къ концу репетиціи всѣ участники оя утомлены, раздражены и разбиты—однѣ императоръ веселъ и, гордый сознаниемъ свято исполненнаго долга, удаляется со сцены, какъ съ площади послѣ полковаго смотра!

На спектаклѣ Вильгельмъ II чрезвычайно первичаетъ, перегибается черезъ барьеръ ложи, хмурится, если артисты не слѣдуютъ его указаніямъ, и аплодируетъ съ восторгомъ въ удачныхъ мѣстахъ, ища въ то же время взглядовъ одобренія императрицы.

Помимо театра, императоръ и вся его семья очень увлекаются кинематографомъ. Одна изъ залъ дворца отведена подъ эти представления, и почти ежедневно въ сырую и холодную погоду вся императорская семья и дворъ съ интересомъ смотрятъ новинки въ области кинематографа.

Дочь кайзера — принцесса Виктория-Луиза—получила въ подарокъ отъ отца аппаратъ для кинематографическаго сниманія и лично составила цѣлую серію снимковъ, центральной фигурой которыхъ является Вильгельмъ II. Эти снимки, на которыхъ кайзеръ изображенъ за обѣдомъ, на прогулкѣ, во время аудіенціи, въ кругу своей семьи и т. д., хранятся въ потемномъ дворцѣ.

Забывая о своей популярности не только при жизни, но и послѣ смерти, Вильгельмъ II рѣшилъ оставить потомству цѣлый «архивъ жеста», на подобіе «архива слова», который можно сохранить въ рукописяхъ.

Одинъ изъ французскихъ дипломатовъ, зная слабую струнку императора, сказалъ ему какъ-то на аудіенціи:

— Какъ жаль, что кинематографъ не былъ изобрѣтенъ 100 лѣтъ назадъ, и мы не имѣемъ возможности составить исторической архивъ жеста!.. Какое впечатлѣніе произвела бы на насъ и теперь сцена прощанія Наполеона съ гвардіей въ Фонтенбло!..

Кайзеръ прервалъ его:

— Зато непростительно поступаютъ тѣ, кто и теперь пренебрегаетъ этой возможностью передать историческіе моменты потомству.

Руководствуясь этимъ, Вильгельмъ II всегда беретъ съ собою по всѣмъ путешествіямъ кинематографическій аппаратъ. Почти всѣ маневры германской арміи были запечатлѣны на фильмахъ за послѣднее пятилѣтіе. А въ текущую войну императоръ не брезгаетъ кинематографомъ для того, чтобы настроить благожелательно къ себѣ общественное мнѣніе нейтральныхъ державъ.

Такъ, напримеръ, въ декабрѣ вѣтешаго года въ одномъ изъ кинематографовъ Амстердама демонстрировалась картина: «Германцы въ Сувалкахъ». Улыбающіеся вѣмецкіе солдаты раздавали на этой картинѣ хлѣбы голодному населенію одного изъ пригородовъ.

Но одинъ изъ зрителей, полякъ-студентъ, бѣжавшій изъ Антверпена, замѣтилъ своимъ сосѣдямъ: «Я получилъ письмо отъ брата изъ Сувалокъ. Онъ пишетъ, что Германцы конфисковали у жителей всѣ хлѣбы, всѣ съѣстные припасы, и только послѣ горькихъ слезъ и мольбы населенія ксменстать соглазлся выдать нѣкоторую часть похищеннаго у жителей хлѣ- зелью, чѣмъ художникомъ. Мы уже упо- минали въ одномъ изъ предшествующихъ очерковъ, что статуи Вильгельма разбросаны въ огромномъ количествѣ по всей Германіи, но любопытно отмѣтить еще, что на наружномъ фасадѣ собора въ Мюнхенѣ императоръ взятъ былъ моделью для изображенія пророка Даниила.

Желая побудить Турокъ выйти скорѣе изъ инертнаго состоянія, Вильгельмъ распорядился отправить въ Константинополь цѣлую серію подложныхъ фильмовъ, изображавшихъ мнѣстскія удачи Германцевъ.

Въ былые времена Вильгельмъ увлекался живописью и рисованіемъ, но нѣсколько неудачныхъ попытокъ на этомъ поприщѣ заставили его склониться въ сторону фотографіи. Впрочемъ, въ области фотографіи онъ предпочитаетъ быть моделью, нежели фотографомъ.

Онъ позировалъ много тысячъ разъ предъ объективомъ и побилъ въ этомъ отношеніи всѣ рекорды, установленные самыми красивыми и популярными артистками всего міра.

Онъ изучалъ долго и терпѣливо поэмы, пока не вышелъ такіа, при которыхъ его большая съ дѣтства рука совершенно не вижна. Но артистъ-фотографъ принужденъ тщательно слѣдить за исправленіемъ всѣхъ дефектовъ наружности, созданныхъ немудрыми временемъ, иначе онъ рискуетъ потерять навсегда этого выдающаго клиента.

Отсюда понятна вражда Вильгельма II ко всѣмъ фотографамъ-любителямъ. Въ 1910 году произошелъ слѣдующій случай. Императоръ гулялъ по пляжу Свинемюнде въ сопровожденіи имперскаго канцлера и двухъ своихъ секретарей. Всѣ четверо были въ костюмахъ лхтменовъ и дружески болтали, шагая взадъ и впередъ по песчаному берегу. Вдругъ на пляжъ появился молодой фотографъ-любитель, приблизился къ императору и неспринужденно направилъ всю группу своей камеръ. Вильгельмъ нахмурился и повернулъ обратно, но предпримчивый любитель не смутился этимъ, ясно выраженнымъ нежеланіемъ императора позировать ему и забжалъ съ другой стороны.

Тутъ ужъ Вильгельмъ вышелъ изъ себя и, обращаясь къ сыщикамъ, слѣдовавшимъ за нимъ на почтительномъ разстояніи, крикнуть гнѣвнымъ голосомъ:

— Общитесь-ка этого господина и отнимите у него пластинки!

Одинъ изъ придворныхъ фотографовъ рассказываетъ:

— Я снимаю императора въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ то узаномъ, то гуаромъ, то англійскимъ атларомъ... Онъ передѣвается съ быстротою трансформатора!

Лѣтъ 7 назадъ одна фантазія кайзера внесла цѣлый разгромъ въ міръ фотографовъ. Вильгельмъ отпустилъ бороду, и всѣ карточки съ традиционными усамъ кверху утратили возможность сбыта. Къ счастью, эта фантазія продолжалась недолго и старые запасы карточекъ вновь стали распродаваться съ прежней легкостью.

Вильгельмъ отчасти скульпторъ и архитекторъ. Незадолго до войны муниципалитетъ Гомбурга близъ Фрагфурта собирался открыть конкурсъ для плана фонтана-памятника у источника Елизаветы. Вильгельмъ услышалъ объ этомъ и поторопился выработать свой проектъ, изображающій греческій алтарь съ нимфой, изъ рукъ которой струятся воды источника. Впрочемъ уже до того по проекту Вильгельма былъ сооруженъ въ томъ же Гомбургѣ павильонъ у источника Виктории. Скульпторы и архитекторы выражали по этому поводу свое недовольство неожиданнымъ и вліятельнымъ конкурентамъ. Это недовольство станетъ вполнѣ понятнымъ, если мы припомнимъ, что Вильгельмъ часто требуетъ къ себѣ на утвержденіе планы и проекты общественныхъ зданій и измѣляетъ ихъ, какъ ему заблагоразсудится, ничуть не считаясь съ мнѣніемъ специалистовъ.

Но, какъ и въ фотографіи, Вильгельмъ въ скульптурѣ предпочитаетъ быть мо-

делию, чѣмъ художникомъ. Мы уже упоминали въ одномъ изъ предшествующихъ исследованийъ образъ Благословеннаго мочарха». Въ действительности, «материалы», данные августѣйшимъ авторомъ, Германіи, но любопытно отмѣтить еще, что на наружномъ фасадѣ собора въ Мюнхенѣ императоръ взятъ былъ моделью для изображенія пророка Даниила.

По этому поводу одинъ англійскій журналъ говоритъ: «Неудачный выборъ! Возможно, что Вильгельмъ избѣжитъ рва со львами, но не оправдается ли на немъ предсказаніе пророка Даниила изъ 11-й главы его книги, гласящее: «Царство его разрушится и раздѣлится по четыремъ вѣтрамъ небеснымъ и не къ его логоткамъ перейдетъ»...

Императоръ Александръ I.

Всего три года назадъ появился замѣтательный двухтомный трудъ великаго князя Николая Михайловича, посвященный изученію личности императора Александра Павловича, а онъ уже сдѣлался библиографическою рѣдкостью—судьба немногихъ серьезныхъ научныхъ сочиненій по русской исторіи. Научныя достоинства книги, съжестъ материала, талантливое, увлекательное изложеніе, въ связи съ объективной взглядомъ и искренностью тона августѣйшаго автора,—всѣ эти качества книги обезпечили ей выдающійся успѣхъ въ Россіи и за границей, гдѣ она вышла на французскомъ языкѣ. Императорскій Московскій университетъ поднесъ великому князю дипломъ доктора русской исторіи honoris causa, а французскій институтъ избралъ его въ число «бессмертныхъ» своихъ членовъ.

Въ свое время мы дали въ «Новомъ Времени» подробную характеристику этого труда великаго князя Николая Михайловича. Укажемъ здѣсь только, что во второмъ изданіи его августѣйшій авторъ, путемъ сокращенія приложенныхъ къ нему материаловъ, успѣлъ выпустить его въ одномъ видѣ, видимо, желая сдѣлать трудъ свой болѣе доступнымъ публикѣ, въ объемѣ и долгой жизни его въ Сибири въ образѣ 772 стр. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ книгѣ по старца Федора Козьмича. Материалы эти, мѣшаны и новые, любопытные материалы: письма свидѣтелей кончины Александра: письмо къ Александру I Н. Н. Новосильца отъ 5 марта 1807 г., написанное въ самый разгаръ борьбы Россіи съ Наполеономъ, а также нѣкоторыя письма императрицы Елизаветы Алексѣевны, князя Петра Михайловича Волковскаго и камеръ-фурьера Бабкина—о кончинѣ императора Александра въ Таганрогѣ въ 1825 г., уясняющіе съ полной достовѣрностью фактъ его смерти въ это время.

Александръ I, этотъ «сфинксъ, неразгаданный до гроба», уже давно сдѣлался излюбленнымъ предметомъ изученія великаго князя въ цѣломъ рядѣ его трудовъ и изданій, такъ что разбираемая нами книга его является какъ бы сводкой многолѣтнихъ его изысканій. Но, съ осторожностью истиннаго исторіографа, великій князь Николай Александръ I приобщался святыхъ тайнъ Михайловичъ не желаетъ давать имъ рѣшительнаго значенія для опредѣленія личности знаменитаго государя, скромно полагая, что найдется къ столѣтію его кончины (1825 г.) «молодая сила, которая посвятитъ себя этой работѣ». «Мы,—говоритъ Александръ Павловичъ, не только какъ государя и повелителя земли русской, но и какъ человѣка. Задача наша не изъ легкихъ, мы это сознаемъ... Мы давали и даемъ материалы, которыми будущіе русскіе историки могутъ воспользоваться. Намъ также рѣшатъ вопросъ, возвеличить ли его личность и въ типографскомъ отношеніи.

* Великій князь Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. Второе изданіе съ 12 таблицами портретовъ и рисунковъ. Петроградъ. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. 1914. Цѣна 10 рублей.

или повизгитъ предлагаемое историческое исследование образъ Благословеннаго мочарха». Въ действительности, «материалы», данные августѣйшимъ авторомъ, Германіи, но любопытно отмѣтить еще, что на наружномъ фасадѣ собора въ Мюнхенѣ императоръ взятъ былъ моделью для изображенія пророка Даниила.

«Думаемъ,—пишетъ великій князь,— что, какъ правитель великой страны, Александръ I займетъ первенствующее мѣсто въ дѣтонислахъ общей исторіи; какъ русский государь, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ блестящихъ дарованій лишь въ годину Отечественной войны, въ другіе же періоды 24-лѣтняго царствования интересы Россіи, къ сожалѣнію, отходили на второй планъ. Что же касается личности Александра Павловича, какъ человѣка и простого смертнаго, то врядъ ли обликъ его, такъ сильно очаровавшій современниковъ, черезъ сто лѣтъ безпристрастный изслѣдователь признаетъ столь же обаятельными».

Эти мысли свои великій князь въ своемъ трудѣ иллюстрируетъ документальными и другими матеріалами—дѣтственной свѣжести, проливающимися новыми и новые электрическіе лучи на личность «неразгаданнаго сфинкса» и истинный характеръ многихъ его дѣяній. Многочисленныя книги рисуютъ предъ нами сателитный творческій процессъ мысли автора, стремящагося найти истинный путь въ лабиринтѣ фактовъ и документовъ, часто совершенно противорѣчащихъ другъ другу, въ жизни такого лица, каковымъ былъ Александръ Павловичъ. И эти усилія—дойти до истины, до сокровеннаго смысла дѣла и событій, невольно захватываютъ читателя, заставляютъ его проникнуться и мыслью автора, и его чувствомъ... Въ особенности полны историческаго драматизма страницы, посвященные заговору 1801 г. и степени участи въ немъ Александра.

Приложенные къ книгѣ новые материалы о кончинѣ императора Александра Павловича имѣютъ цѣлью подорвать въ корнѣ всякую вѣру въ обоснованность легенды объ удаленіи императора отъ мира въ Сибирь въ образѣ старца Федора Козьмича. Материалы эти, писанные свидетелемъ кончины Александра: императрицы Елизаветы Алексѣевны, князя П. М. Волковскаго и камеръ-фурьера Бабкина, написанныя почти тотчасъ послѣ печальнаго событія, живо переносятъ читателя въ мѣсто драмы, совершавшейся въ Таганрогѣ. Особенно интересно письмо императрицы Елизаветы ея свекрови, надра въ Таганрогѣ въ 1825 г., уясняющіе съ полной достовѣрностью фактъ его смерти въ это время.

Александръ I, этотъ «сфинксъ, неразгаданный до гроба», уже давно сдѣлался излюбленнымъ предметомъ изученія великаго князя въ цѣломъ рядѣ его трудовъ и изданій, такъ что разбираемая нами книга его является какъ бы сводкой многолѣтнихъ его изысканій. Но, съ осторожностью истиннаго исторіографа, великій князь Николай Александръ I приобщался святыхъ тайнъ Михайловичъ не желаетъ давать имъ рѣшительнаго значенія для опредѣленія личности знаменитаго государя, скромно полагая, что найдется къ столѣтію его кончины (1825 г.) «молодая сила, которая посвятитъ себя этой работѣ». «Мы,—говоритъ Александръ Павловичъ, не только какъ государя и повелителя земли русской, но и какъ человѣка. Задача наша не изъ легкихъ, мы это сознаемъ... Мы давали и даемъ материалы, которыми будущіе русскіе историки могутъ воспользоваться. Намъ также рѣшатъ вопросъ, возвеличить ли его личность и въ типографскомъ отношеніи.

Какъ всѣ изданія великаго князя Николая Михайловича, и книга: «Александръ I» напечатана въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ съ обычной роскошью и въ типографскомъ отношеніи.

Е. Шумигорскій.

Павшіе смертю храбрыхъ.

Подполк. Д. А. Петровъ.
Скончался отъ ранъ.

Шт.-ротм. С. П. Красовскій.
Скончался отъ ранъ.

Прапорщ. И. Г. Клименовъ.
Скончался отъ ранъ.

Шт.-ротм. В. А. Лабинскій.

Подпоруч. А. П. Алмазовъ.
Скончался отъ ранъ.

Подпоруч. В. В. Махоевъ.

Подпоруч. К. Н. Дометти.

Подпоруч. Б. А. Паквалень.

Кап. Н. Н. Сергѣевъ.

Шт.-кап. В. Н. Сипайло.

Подпоруч. Н. В. Малаховъ.

Прапорщ. В. П. Эммануэль.

Кап. В. В. Колтуницкій.

Кап. Влад. Вас. Львовъ.

Подпоруч. В. Н. Коричловъ.

Подпоруч. С. Н. Лебедевъ.
Скончался отъ ранъ.

Подпоруч. Л. И. Пухирь
(родомъ галичанинъ).

Подпоруч. В. А. Скопинскій
фонъ-Штрикъ.

Прапорщ. А. И. Золотиловъ.
Скончался отъ ранъ.

Подпоруч. Н. И. Лоцинскій.
Скончался отъ ранъ.

Литературные заметки.

Отклики войны.

Съ тѣхъ поръ, какъ война почти всецѣло заслонила собой все прочіе интересы, которыми мы жили, многие изъ поэтовъ перестроили свои лиры съ мирнаго тона на воинственный. У иныхъ это вышло совсѣмъ естественно: казалось, что въ стѣбитъ на раскаты грома «военной непогоды» въ ихъ души вазвучали струны, и раньше въ ней существовавшія, теперь же только радостно почувствовавшія возможность не оставаться больше безмолвными. Нельзя не удивляться, что, напр., муза С. Городецкого, всегда чувствовала себя привольно въ области народныхъ напѣвовъ и былинныхъ сказаній, почувствовала себя какъ въ родной стихіи среди героическихъ дѣяній современныхъ богатырей. Больше изнѣженная, живущая интересами современности и ищущая «городское» обличье, муза г. Д. Цезора должна была сдѣлать надъ собой некоторое насиліе, чтобы найти мужественныя ноты для воспѣванія событій современности. Въ одномъ изъ стихотвореній, изъ числа вошедшихъ въ сборникъ г. Цезора «Священный стягъ»*, говорится о молодой дѣвушкѣ, которая всегда любила «тонкій ядъ духовъ, томный ропотъ пѣлины, мѣрный ладъ стиховъ», но совершенно пере-

Письмо отцу-воину въ дѣйствующую армию.
Съ фот. Нат. Семпликевич.

родилась съ тѣхъ поръ, какъ «на ея одеж-брани, поддерживается у него лишь издѣ блѣлой рдѣть красныи крестъ». Такое вѣстнымъ умственнымъ напряженіемъ. У перерожденіе несомнѣнно гораздо легче, г. Цезора мы встрѣчаемъ время отъ времени когда человекъ цѣлкомъ окунается въ мени строфы, при чтеніи которыхъ непрактическую дѣятельность, связанную вольно возникаетъ предположеніе, что съ войной, чѣмъ когда онъ остается въ онѣ навѣяны не столько живыми впе-кругу прежнихъ житейскихъ отношеній, и чуткими, сколько газетными отраже-связь съ тѣмъ, что творится на поляхъ нями современности—

* Дмитрий Цезоръ. Священный стягъ. Стихи о войнѣ. Изд. состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ Скобелевскаго комитета. Петрогр. 1915 г. Стр. 52. Ц. 50 к.

Да, нуженъ былъ глаголь изъ стали,
Быль нуженъ всенародный сдвигъ,
Чтобъ свято слышана звучали
«Россія», «Родина»... И вмигъ
Мы героическими стали,
И каждая высшее постигъ...

Все здѣсь совершенно вѣрно, и фактическая сторона, и настроеніе,—нѣтъ только поэтического преображенія дѣйствительности въ такія формы, въ которыхъ произведение является несомнѣнно поэтическимъ. Иногда поэтъ позволяетъ себѣ нѣсколько мелодраматическіе эффекты, какъ, напр., въ поэмѣ «Разоренная усадьба», гдѣ мстителницей за смерть жениха и за свое поруганіе является сошедшая съ ума молодая дѣвушка. Но наряду съ этимъ въ сборникѣ можно найти цѣлый рядъ стихотвореній, исполненныхъ истиннаго подъема и прекрасныхъ по формѣ. Не подѣльными кажутся и негодованіе поэта на насильниковъ, поправшихъ дерзко чужія права и вѣсуду несущихъ за собой смерть и разореніе, и его вѣра въ конечное торжество справедливости.

Кто побѣдитъ въ борьбѣ кровавой
И выидетъ въ свѣтлыя врата,—
Безчеловѣчный и лукавый
Изъ тотъ, кто въ сердцѣ несть Христа?

Такъ вопрошаетъ поэтъ, и не нужно большой проникательности, чтобы отгадать, какой отвѣтъ дается на это его книгой.
Н. Н. В.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

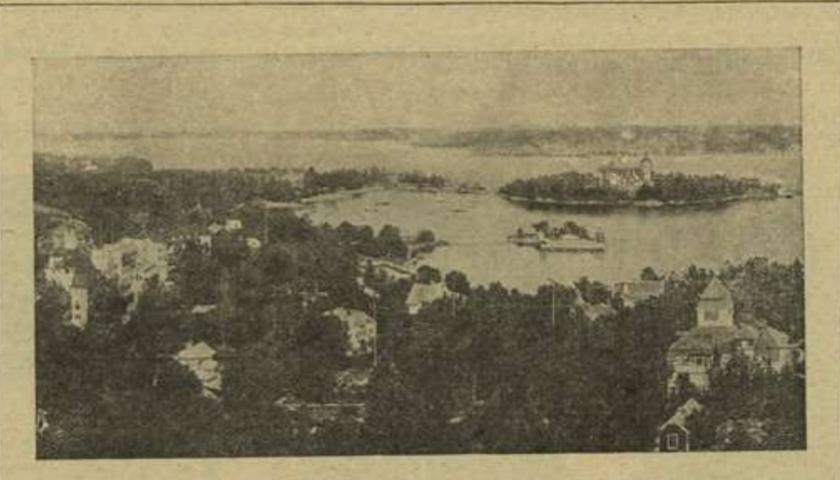
КАРТИНЫ ДЛЯ ШКОЛЪ
Изд. Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завета 12-е изд. выпустило «Т-во СИДОРСКИЕ», одобрен. Учен. Комит. Минист. Народ. Просв. и Учен. Комит. Св. Синода, полная коллекція въ двѣхъ томахъ альбомъ въ обложкѣ 50 картинъ 7 руб., въ краскахъ 13 руб., сокращен. кол. 20 карт. въ двѣхъ томахъ 2 р. 50 к., въ краскахъ 4 р. съ пересыл. ой.
Приемъ заказовъ на церковную живопись.
ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ ВЫС. БЕЗПЛАТНО
Петроградъ, Невскій пр. № 158-8. Тел. 125-05.

А. ВИНОКУРОВЪ и СИННИКОВЪ Садовая 29.
Полный дворъ (у лѣваго угла) въ восточ. фасадѣ № 15.
ТРЕБУЕТСЯ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕСЪ-КУРАНТЫ
въ количествахъ всѣхъ музыкаль. инструм. и граммофон.
ЦЕННООПТОВЫЯ ВСЕМЪ

НЕПРОМОКАЕМАЯ
изъ лучшей английской, дамск. обработ. матеріи
ПАЛЬТО, НАКИДКИ и ПЛАЩИ,
военныя и статскія, мужскія, дамскія и дѣтскія,
въ больш. выборѣ, и ашиой кройки.
Конст. Мальмъ.
Морская, 34. Тел. 13-92.

ПРЕВОСХОДНЫЙ
для цвѣта лица
освѣжающій кожу
элегантный кремъ
Дермозонъ Д-ра
Антоня Мейеръ,
имѣетъ очарователь-
ный аромат цвѣт-
ныхъ розъ. Онъ яв-
ляется гордостью
женщины, желающей сохранить свое
моложавый видъ. Дермозонъ про-
дается во всѣхъ аптекахъ, въ банкахъ
по 80 граммъ. Дермозонъ дѣйствуетъ
быстро, если предварительно обмыть
кожу нейтральнымъ мыломъ. Лучше
всего взять мыло Дермозонъ Т-на
Стольбергъ и К°. Остерегайтесь под-
дѣлки. Слѣдите, чтобы имя **Д-ра Ан-
тона Мейеръ,** Елстери, кан., на
бл. бл. напечатана полно тью

СКАНДИНАВІЯ

SALTSJÖBADEN-Stockholm

(1/2 ч. по жел. дор. отъ гор., 1 1/2 ч. на пароходѣ). На живописн. берегу Балтійскаго моря.

КУРОРТЪ предлагаетъ свои:
САНАТОРИЯ, 120 комн. со всѣми удобствами.
ГРАНДЪ ОТЕЛЬ, 100 комн.—съ полн. пансіон. отъ 10 кронъ въ сутки.
ЛѢТНЯЯ ГОСТИНИЦА, 40 комн.—съ полн. пансіон. отъ 8 кронъ въ сутки.
ГРАНДЪ РЕСТОРАНЪ.—Новѣйшіе способы лѣченія: какъ-то: Радіо,
Рентгенъ, Финсенъ, Сандерская гимнастика. Всѣ спеціальныя водолѣченія.
Климатъ роскошный. Спортъ всѣхъ видовъ. Ежедневно струнный оркестръ.
Русскій языкъ и газеты.

RÄTTVIK.
SILJANSBORGS HOTELL.

Въ роскошн. Dalarne дивн. виды
на озеро «Сильянгъ». 45 комн. съ
комфортомъ; полный пансіонъ отъ
12 руб. въ сутки.
Рекон. ресторанъ центральн. станц.
жел. дор. Стокгольмъ. Очень подходящий
туристамъ.

Въ книжныхъ магазинахъ
Т-ва А. С. Суворина «Новое Время».
ПОСТУПАЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:
КТО-ЖЕ?
ПЕРВОУТННАЯ ФЕМИНИСТИКА.
А. П. АРАПОВА.
Цѣна 2 рубля.

ВСЕМЪ ИЗВѢСТНЫМЪ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА
КАЗИМИ
ДЛЯ
СВѢЖИ
ПРЕЗНАМЕНИ
ЖЕНЩИНЫ
ВСЕГО МІРА
БЕЗПОШТО РАДІО
ВАЛЮЮ ЗАПЛАТЪ
ВЕСОМЪ 100 ГР.
ПЕЧА, ЗАКАР,
НОРВЕДІИ,
КАЗАНЬ,
ИТАЛІИ

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время»
Г. Торпъ (Gue Thorne)
Когда наступилъ мракъ...
Исторія одного великаго заговора.
Съ англійскаго.
Цѣна 1 руб.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

16

№ 14052

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 25-го АПРѢЛЯ (8-го МАЯ) 1915 ГОДА.

№ 14052

РАЗВЛЕЧЕНІЯ НАСТУПАЮЩАГО СЕЗОНА.

Поймаютъ ли?

Рис. Зин-Зин.

Письмо.

Подъ тѣнью ласковой листвы
 Въ истомъ дремлющаго клена
 Сидѣли рядомъ я и вы...
 Надъ нами куполь небосклона,
 Купаюсь въ голубыхъ лучахъ,
 Сидѣ въ блистательномъ уборѣ...
 Сверкала молодость во взорѣ,
 Звучала молодость въ рѣчахъ!
 И вотъ въ аккордѣ любви и мира,
 Въ созвучіе сердечныхъ словъ,
 Ворвался полный злости ревъ
 Войны безжалостнаго шара...
 Разстались мы... Солдатомъ я,
 Призыву совети подвластный,
 Ушелъ, въ душѣ своей храня,
 Твой образъ милый, образъ ясный.
 Въ разгарѣ битвъ, въ безумьи
 Атаки бурной въ страшный часъ—
 Твой ласкающій рѣчи
 Звучали мнѣ, какъ неба гласъ;
 Онѣ ковали крѣпость воли,
 Вдыхали радость и покой.
 И вотъ теперь... когда рукой
 Уже косящейся отъ боли,
 Кончаю я рядъ этихъ строкъ,

Какъ быть бы счастливымъ, еслибъ могъ
 Я вѣрить пламенно и свято,
 Что думой обо мнѣ объята
 И ты!—Грядущее темно намъ,
 Подвластно Божескимъ законамъ.
 Оно; не смертнымъ его знать
 И въ волю Промысла мѣшаться...
 Я буду лишь съ волненьемъ ждать
 Письма отъ васъ... Дай Богъ, его до-
 ждаться!

П. А. В.

По новой оцѣнкѣ.

I.

— Ну, скажите, кто бы могъ думать, сѣчи чтобы Теплоу оказался такимъ молодцомъ?
 — Да, да... Я бы, знаете, не повѣрилъ газетамъ, но вотъ, на дняхъ, прѣзжалъ тутъ офицеръ изъ его полка и рассказывалъ, что это какой-то вдохновенной храбрости человекъ... Прямо, вокругъ всѣхъ воодушевляеть. Раненъ былъ въ руку,—перевязалъ платкомъ и изъ строя не вышелъ.

— Вы про Теплоу?—спросилъ, входя, хозяинъ дома, бравый, осапистый старикъ, сохранившій до старости военную выправку бываго гвардейца.

— Да, про него, про него!—отвѣтилъ гость.—Я вотъ принесъ газету съ его портретомъ... Второго Георгія получилъ.

И долго разговоръ вертѣлся вокругъ удивительнаго, но несомнѣннаго факта геройской храбрости Теплоу, котораго всѣ видали ежедневно, нѣсколько лѣтъ подрядъ въ этомъ домѣ, и никто не подозрѣвалъ въ немъ возможности тѣхъ качествъ, которыя проявилъ онъ, уйдя добровольцемъ на войну.

Теплоу былъ застѣнчивъ, молчаливъ въ обществѣ мало знакомыхъ людей, какъ-то вдумчиво разсѣянъ и по-дѣтски наивно растерянъ въ гостининой. Его отвѣты невпопадъ, его угловатая манера, когда онъ старался, не отставая отъ товарищей, быть любезнымъ съ барышнями, служили всегда предметомъ добродушнаго подтруниванья надъ нимъ, въ которомъ онъ и самъ охотно присоединялся, сгибаясь надъ собой. Товарищи его любили и считали умнымъ, начитаннымъ «чудакомъ-идеалистомъ», а барышни находили, что у него

очень красивые глаза, по что трудно себѣ представить, чтобы въ него можно было влюбиться. «Онъ такой хорошій, милый... хорошій другъ!»—говорили онѣ, и въ качествѣ «друга» онъ бывалъ постояннымъ посѣтителемъ въ кружокъ молодежи, гдѣ нѣсколько барышень-подругъ съ молодыми людьми, товарищами между собою, вмѣстѣ проводили вторую зиму, и гдѣ, благодаря частымъ встрѣчамъ, прогулкамъ, танцамъ и непринужденнымъ бесѣдамъ, по мѣткому выраженію Л. Толстого въ «Войнѣ и Мирѣ»,—царила «атмосфера влюбленности». Теплоу былъ другомъ всѣхъ: съ нимъ совѣтовались, ему повѣрили свои тайны колеблющіеся, сомнѣвающіеся и ревнующіе; онъ былъ сборникомъ всѣхъ секретовъ кружка и для всѣхъ былъ «милымъ, хорошимъ Теплоувымъ».

Въ домѣ Ивковыхъ, гдѣ сейчасъ за чайнымъ столомъ шелъ разговоръ о его военныхъ подвигахъ, Теплоу былъ совѣмъ своимъ человекомъ, такъ какъ, кромѣ того, что молодежь изъ семьи Ивковыхъ была тѣсно связана съ «кружкомъ», Теплоу, будучи товарищемъ молодого Ивкова по университету, живалъ у нихъ въ деревнѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Будучи другомъ всѣхъ вообще, въ «кружокъ» онъ, однако, считался «постояннымъ адъютантомъ» и «чиновникомъ особыхъ порученій» при хорошенькой и капризной Сонѣ Ивковой, которая, напропащую кокетничая то съ однимъ, то съ другимъ изъ «кружковцевъ»—какъ себя прозвали молодые люди,—помыкала Тепловымъ, какъ хотѣла: Теплово доставалъ билеты на такіе спектакли, на которые попасть было почти невозможно; Теплово танцевалъ, по приказанію Сонѣ, съ барышнями, у которыхъ не было кавалеровъ; Теплово развозилъ билеты на какую-то лотерею, на которую Соня вышлала три подушки; Теплово, наконецъ, доставалъ для Сонѣ шенка отъ премированныхъ японскихъ москвитей. И даже, однажды, когда между Соней и усленно ухаживавшимъ за ней лиценстомъ изъ «золотого класса» произошёлъ конфликтъ, улаживать его было вызванъ все тотъ же Теплово, уполномоченный Соней вести переговоры съ ея поклонникомъ.

Передъ уходомъ на войну, немало всѣхъ удивившимъ, «другу», однако, пришла несчастная мысль высказать Сонѣ, письменно, разумеется,—чувство болѣе требовательное, чѣмъ дружеское.

Изъ этого, какъ и надо было ожидать, ничего хорошаго не вышло. Мало того, что отъѣздъ на свои чувства онъ не нашёлъ, но Соня просто обидѣлась.

Итъ, какъ онъ могъ подумать, что я могу въ него влюбиться? И какъ глупо... когда я влюблена въ барона Франка, какъ безумная. Двѣ недѣли объ этомъ твержу, а этотъ вдругъ лезетъ съ влюбленными письмами!

Нужно было бы посоветоваться съ кѣмъ-нибудь, какъ ему ответить, чтобы онъ понималъ, какъ это глупо... Но такъ какъ совѣтчикъ у Сонѣ былъ одинъ, и это былъ самъ злободушный авторъ письма, то совѣтоваться, стало быть, было не съ кѣмъ, и Соня рѣшила, что отвечать не надо вовсе, а когда придетъ, тогда ужъ она ему сумеетъ дать хорошій отвѣтъ.

Теплово не замедлил явиться вечеромъ въ тотъ же день, но онъ такъ былъ не похожъ на самого себя, что Соня сначала не узнала его, а потомъ, узнавъ и повернувшись передъ собойhalbъ кругомъ, засмѣялась и сказала:

— Тоже... воинъ! Развѣ вы умѣете стрѣлять? И потомъ—близорукій... Васъ въ плѣнъ возьмутъ.

Теплово весело улыбался и, ласково глядя на Соню своими большими, нѣсколько прищуренными глазами, молча подчиплялся ея подробному осмотру.

— Вамъ въ формѣ лучше!—сказала Соня,—и лучше, что обстрижены, и нѣтъ этого вѣчнаго вихра на головѣ.

Но вдругъ Соня вспомнила о письмѣ и сразу остановилась и пожалѣла, что сказала: еще вообразить, что онъ ей правится.

Онъ тоже вдругъ смутился,—отъ ея ли непривычной похвалы, оттого ли, что и ему въ эту минуту вспомнилось его признание; но обонимъ вдругъ стало какъ-то жутко, неловко вдвоемъ, и Соня, прерывая наступившее молчаніе, сказала, совсѣмъ не обычнымъ, властнымъ тономъ, а какъ-то смущенно и тихо:

— Сядемъ тутъ, и пока мы одни, я хотѣла сказать вамъ про ваше письмо.

Они сѣли на обычное мѣсто, въ углу на диванѣ, и къ Сонѣ, при видѣ смущенной фигуры ея поджидимаго, вернулось властное настроеніе.

— Что это вы вздумали писать такіа письма?—начала она.

Теплово молчалъ.

— Мнѣ очень непріятно!—продолжала Соня,—вы отлично знаете, что я влюблена въ другого, и пишете такіа письма. Я совсѣмъ не должна знать, что вы въ меня влюблены.

— Развѣ я писалъ, что влюбленъ?—спросилъ Теплово.

— Вотъ мило! А что же вы писали, какъ не это?

— Мнѣ казалось, что слова «влюбленъ» въ моемъ письмѣ не встрѣмалось. — Очень хорошо, нечего сказать! Знайте,—я совсѣмъ сошла съ ума? Вы писали о погодѣ, а я поняла иначе, и вообразила, что вы влюблены.

— Вотъ вы уже и разсердились!—сказалъ Теплово.—Конечно, если вы поняли, что я влюбленъ, какъ Франкъ и другіе, то это не то. Я не для того писалъ, чтобы вы такъ поняли. Влюбленность или любовь—это нѣчто совсѣмъ разное. И я не для того написалъ, чтобы вы мнѣ отбачили, а только, чтобы вы знали это, когда я буду тамъ воевать. И,—прибавилъ онъ тихо,—если я не вернусь, чтобы вы знали...

Соня была смущена, невозможно вразумивая и не зная, что сказать.

— Да вы забудьте, если вамъ непріятно,—сказалъ, помолчавъ, Теплово, и, видимо стараясь стряхнуть съ себя охватившее его настроеніе, онъ шутиливо добавилъ:

— Видѣ это письмо нисколько не мѣшаетъ вамъ продолжать быть влюбленной въ барона Франка...

II.

Теперь, сидя одна на томъ же диванѣ въ углу и прислушиваясь къ разговорамъ о Теплово, Соня думала о томъ, какъ многое пережилась за эти полгода, какъ многое ушло безповоротно изъ жизни, и такъ неожиданно, такъ быстро.

Распался ихъ «кружокъ», и изъ него теперь въ Петроградѣ остались только три подружки, да одинъ изъ товарищей брата, не принятый въ армию по слабости здоровья.

Баронъ Франкъ, имени котораго она не можетъ теперь слышать, какъ-то подозрительно исчезъ изъ столицы, и о немъ ничего не слышно. Братъ Сонѣ на войнѣ, успѣлъ уже побывать здѣсь въ излеченіи отъ легкой раны и снова уѣхалъ въ полкъ; въ домъ, въ которомъ занимаютъ квартиру Ивковы, на одной площадкѣ съ ними квартиранты дома устроили частный лазаретъ на 30 кроватей, и мать Сонѣ, принявшая на себя заботы ея хозяйственной частью, проводитъ тамъ большую часть дня, а Соня черезъ день большую часть дня, а Соня черезъ день дежуритъ.

По вечерамъ шлютъ бѣлые раненымъ, заготовляя имъ запасы передъ выпивкой изъ лазарета.

Соня совершенно забросила выпивкаіе и вылиганіе по дереву, которому отъ нечего дѣлать бѣгала учиться прошлую зиму. Какъ-то смѣшно и странно теперь даже вспомнить о томъ, что ей тогда казалось очень важнымъ успѣть къ сроку выжечь какіе-то «rappeaux» для столовой.

Точно съ войной, и съ водвореніемъ въ соседнюю квартиру этихъ тридцати человекъ изъ разныхъ концовъ Россіи,—прежняя жизнь отошла куда-то въ сторону, и дала широкое мѣсто этимъ тридцати въ сѣрыхъ халатахъ, прѣвращающимся съ измученными, исхудалыми лицами, и снова бодрымъ и сильнымъ, послѣ нѣсколькихъ недель отдыха.

Соня шлетъ толстую холщевую наволочку и, прислушиваясь къ разговору о Теплово, чувствуетъ, что это точно не тотъ Теплово, котораго она знала. Да и пріятна, вѣрно не тотъ... Тотъ писалъ письма, а этотъ—герой, съ Георгіемъ, прислалъ только разъ открытку, да и то не ей, а ея отцу.

И Соню мучаетъ одна мысль: это то, что онъ не знаетъ тамъ, въ своей Галиціи, что и Соня стала не та, что была, и что сиди у своихъ раненыхъ солдатъ и слушая ихъ рассказы о бояхъ подъ Перемышлемъ, Черновцами и Львовомъ, она думаетъ о томъ, что тамъ, быть можетъ, вмѣстѣ съ этими сѣрыми героями, былъ и онъ, застѣбанный, скромный Теплово, «общій другъ», въ котораго «нельзя» было влюбиться.

Отчего онъ не пишетъ? Или и объ сталъ тамъ другимъ?

«Но все-таки, надо же, чтобы онъ узналъ и про меня»,—думала Соня. И однажды, когда мысли какъ-то особенно настойчиво возвращались къ этому новому Теплово, котораго нѣтъ здѣсь, но кинимъ квартиранты дома устроили частный лазаретъ на 30 кроватей, и мать Сонѣ, принявшая на себя заботы ея хозяйственной частью, проводитъ тамъ большую часть дня, а Соня черезъ день большую часть дня, а Соня черезъ день дежуритъ.

не тѣ. «И я тоже... я теперь суку о людяхъ иначе и о васъ также. Напишите мнѣ о Галиціи... Я теперь люблю все, что вы любите... Я молось за васъ и за всѣхъ нашихъ героев. Я очень огорчена, что вы не пишете, и чувствую себя виноватой, что не такъ тогда отъѣтила вамъ».

Соня прислала еще что-то, но потомъ подумала, зачеркнула и замазала черной черной тушью, что разобрать было невозможно... Онъ посидѣла надъ письмомъ и прислала: «Франкъ, навѣрное, шлюсь, и я его теперь ненавижу».

И опять задумалась, стараясь представить себѣ, какъ это тамъ она сейчасъ сидитъ на холодной землѣ, спитъ, гдѣ попало, или не спитъ вовсе... А можетъ быть въ это время идетъ бой, и стоны и страданіе на протяженіи десятковъ верстъ носится надъ залитыми кровью полями. И сколько ужаса и смерти, а они не боятся! А она, которая ничего не умѣетъ и всего боится, она читала ему готации и помыкала имъ, какъ транкой, и вообразила, что это очень мило...

И, краснѣя и волнуясь, Соня снова прислала нѣсколько строкъ къ законченному письму: «Вы были добры и снисходительны ко мнѣ,—не потому, что я этого заслуживала, а потому, что вы сами гораздо лучше и выше меня. Если вы не забыли меня, среди своей боевой жизни, то напишите поскорѣе. Какъ обидно! Я видѣла вашъ портретъ съ Георгіемъ въ газетахъ, а у меня его нѣтъ».

Прошло недѣли двѣ послѣ отправки письма, но отвѣта отъ Теплово не было, да и о немъ самомъ не было ничего слышно. Братъ Сонѣ, писавшій часто, былъ на другомъ фронтѣ, а объ армию, въ которой былъ Теплово, свѣдѣнія приходили рѣдко.

Жизнь шла обычнымъ чередомъ, приуроченная къ жизни лазарета, и когда Соня, вставъ раньше, чѣмъ вставала прежде, торопливо одѣвалась, чтобы поскорѣе поспѣть туда,—ей казалось, что она ближе къ тѣмъ, отсутствующимъ, и она все больше отдавала времени новымъ заботамъ.

III.

Какъ-то утромъ, въ одинъ изъ тихихъ дней, когда въ лазаретѣ было много дѣла, потому что привозили новыхъ раненыхъ, Соня съ огромнымъ пакетомъ бѣлья и нисетовъ вышла изъ своей квартиры и черезъ площадку направилась къ лазарету.

Въ это время кто-то быстрыми шагами поднимался по лѣстницѣ и, позвонивъ шпорами, догналъ ее въ ту минуту, когда она тѣснѣю силсилась освободить руку отъ пакетовъ и позвонить. Знакомый голосъ радостно проговорилъ:

— Я какъ разъ во-время! Дайте ваши вещи.

И Теплово, веселый, смѣющийся и обивленный, не давъ опомниться измученной Сонѣ, уже бралъ изъ ея рукъ залившіеся пакеты. На груди его блестятъ военный крестикъ на скромнѣйшей полосатой ленточкѣ, а въ петлицѣ походной шинели виднѣлась такая же ленточка, украшенная бантомъ, и весь оазъ, вся его точно выросшая и возмужавшая фигура, дышала какой-то внутренней радостью, увѣренностью и силой, какой прежде въ ней не было.

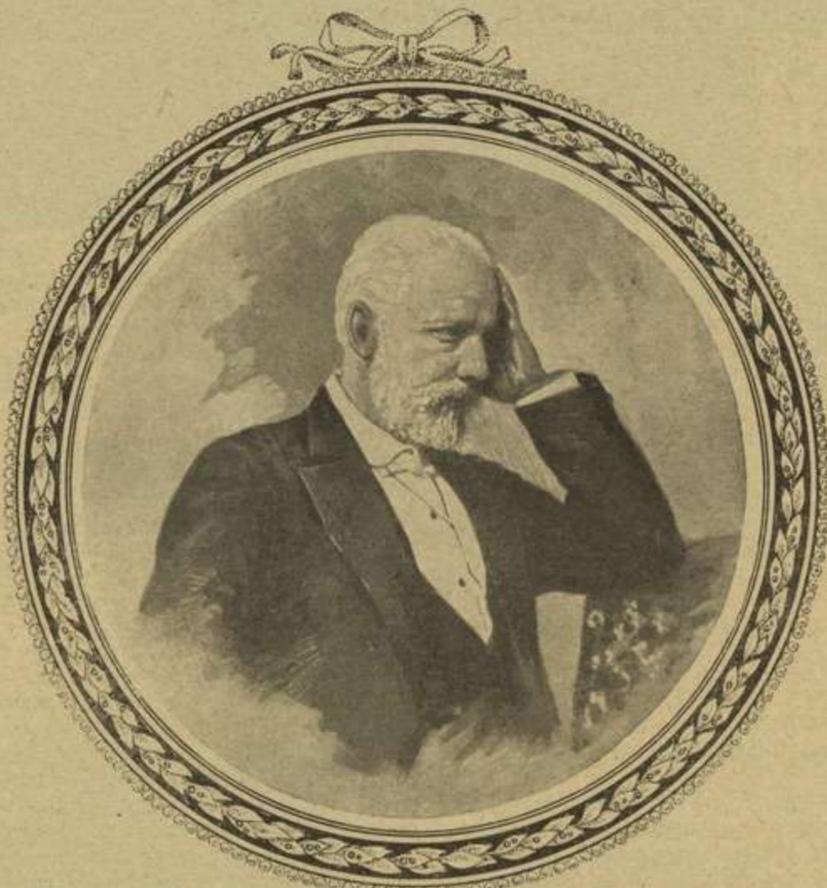
— Какъ вы сюда попали?—спросила, наконецъ, Соня, вся краснѣя отъ смущенія и радости, которую она не могла скрыть.

— На три, четыре дня, по дѣламъ полка,—отвѣтилъ Теплово.—Самое большее—на недѣлю.

— А мое письмо вы получили?—спросила Соня.—Я ждала отъ васъ портрета, и вдругъ вы сами!

Они вошли, но не въ лазаретъ, а снова домой и, точно сговорившись, подошли къ тому же дивану, на которомъ тогда, передъ отъѣздомъ, было объясненіе.

И то же смущенное настроеніе овладѣ-

Петръ Ильичъ ЧАЙКОВСКІЙ.
Сегодня, 25 апрѣля, исполнилось 75-лѣтіе со дня рождения композитора (род. въ 1840 г.).

Заслуженная артистка Московскаго Малаго театра
Марія Николаевна ЕРМОЛОВА.
Къ 45-лѣтнюю ея сценическую дѣятельности.
Съ послѣдняго портрета.

до Солей, когда она снова повторила свой вопрос:

— Мое письмо вы получили?

И вдругъ, не ожидая отвѣта, въ неудержимомъ порывѣ вѣжливости и поклоненія этому дорогому, вернушемуся «оттуда», она, крѣпко обнявъ его за шею и прижавшись къ его груди, прильнула долгимъ поцѣлуемъ къ скромному серебряному кресту.

Э. Катаев.

Къ портрету М. Н. Ермоловой.

Портретъ великой русской драматической артистки, Маріи Николаевны Ермоловой, помѣщенный на этой страницѣ,— послѣдній по времени снимокъ. Въ нынѣшнемъ году М. Н. отъ Государя Императора пожалованъ бриллиантовый шифръ на красной

Учитель Влад. Ник. ЛЕЙЦИХОВСКИЙ.
Получилъ Георгіевскій крестъ за обнаруженіе при развѣдкѣ въ лѣсу неприятельскаго станна и пулеметовъ.

Александровской лентѣ. Цифры, осыпанныя бриллиантами, изображаютъ: «XLV».

Итакъ, Ермолова на сценѣ 45 лѣтъ. За все это время она несла на своихъ плечахъ отвѣтственный репертуаръ первой драматической актрисы Малаго театра въ Москвѣ, создала рядъ блестящихъ ролей, служила и служить до сихъ поръ украшеніемъ лучшей труппы въ Россіи. Отъ публичнаго чествованія по случаю своего 45-лѣтняго юбилея М. Н. Ермолова уклонилась. Это очень жаль. Публика, состоящая изъ истинныхъ театраловъ, жаждала почтить свою любимицу.

Г-жа Ермолова въ настоящее время отказалась отъ молодыхъ ролей и переходитъ на соответствующее ея возрасту амплуа. Но артистка оставляетъ за собою такіе ужасные пробѣлы, которые въ наши дни невозможно заполнить. Кто можетъ послѣ Ермоловой сыграть «Орлеанскую Дѣву», «Безприданницу», «Звѣзду

Сотникъ Н. Г. НАЗБЕКЪ. Убитъ въ бою.

Свѣзды» и множество другихъ сильно драматическихъ героинь? Ермолова незаменима въ «Грозѣ», въ шекспировскихъ трагедіяхъ въ «Урѣаль Августѣ». Ермоловой нельзя даже копировать.—настолько она играетъ до изумленія просто. А между тѣмъ это и есть залогъ истиннаго таланта; все художественно-великое въ то же время и поразительно просто. Ермолова, отказавшись отъ цѣлаго ряда мощныхъ сценическихъ персонажей, хоронитъ ихъ надолго въ театральную могилу. И не народилась та птица-Фениксъ изъ пепла, которая бы дерзнула вальт на себя огромный по тяжести и многотрудности ермоловскій репертуаръ...

Вы видите артистку на портретѣ, одѣтую въ скромный домашній костюмъ. На ея рукахъ собачка «Дези», найденная артисткой гдѣ-то въ Крыму. Ермолова сидитъ въ своей приемной-гостиной и читаетъ книгу. Просто причесанная, тихая, скромная...

А когда эта изящно-скромная женщина на сценѣ, когда она вся горитъ вдохновеніемъ, и чудный голосъ произноситъ огненный монологъ,—о, какъ преобразается ея лицо, какъ поражаетъ весь ея героическая фигура, и какъ бьется сердце зрителя, когда говоритъ эта съ ногъ до головы королева сцены, честно и славно несущая свою «орифламу искусства» въ наши годы поддѣльныхъ искусствъ и фальсифицированныхъ театральныхъ репутацій!..

И. Ежовъ.

Ермоловой.

Сонетъ.

Открыть души своей дары,
Въ печальныхъ образахъ и строгихъ
Жить жизнью не одной, во многихъ,
Блѣднѣть, страдать въ словахъ игры,

Все покорить своимъ мечтамъ,
Прорвать въ сердцахъ потокъ созвучій,
Дать грезы юности кипучей,
Воспоминанья старикамъ,—

Какая смѣна настроеній,
Бѣгущей жизни свѣтотѣней,
Игры какое торжество!

Игры ль?.. Страдать и мыслить шире,
Рвать струны не на чуждой лирѣ,
Рвать струны сердца своего!..

Н. Владѣ.

Подполковн. Н. Н. РАДЕЦКІЙ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст., за то, что въ бою 14 августа у деревни Г. отбилъ картечнымъ огнемъ атаки превосходныхъ силъ австрійской пѣхоты и два раза заставилъ замолчать пулеметы противника, чѣмъ содѣйствовалъ успѣху боя.

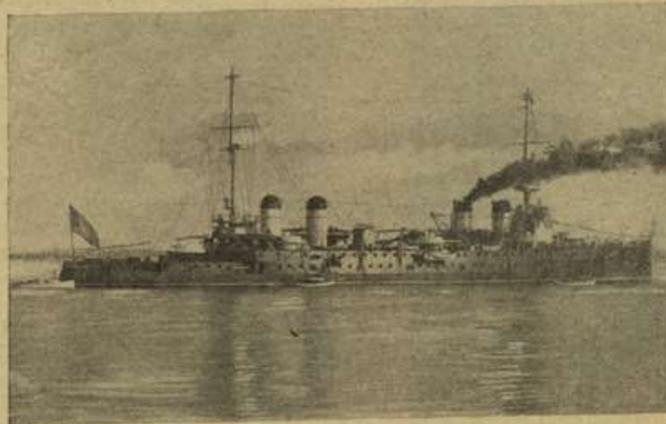
Оплоть русской культуры на Дальнемъ Востокѣ.

Шмаковскій монастырь.

На нашей далекой окраинѣ раскинулся Уссурийскій Свято-Троицкій Николаевскій мужской монастырь, носящій у мѣстнаго люда короткое названіе «Шмаковскаго монастыря», потому что обитель расположена въ 10 верстахъ отъ ст. Шмаковка, Уссурийской желѣзной дороги (и въ 300 верстахъ отъ гор. Владивостока). Подъ этимъ невѣдомымъ именемъ, скрывается колоссальное созданіе благороднаго чело-вѣческаго духа—дѣло двухъ русскихъ инокъ, воздвигшихъ среди суровой природы, въ самыхъ неблагоприятныхъ усло-

Поруч. А. Н. КАВЕЛИНЪ. Убитъ въ бою.

Французскій броненосный крейсеръ «Léon Gambetta», взорванный въ Отрантскомъ проливѣ австрійской подводной лодкой. Изъ состава экипажа спаслось 136 человекъ.

Преданный Россіи Аджарскій бекъ перевозитъ со своими сыновьями русскихъ на буйволахъ черезъ ему известный бродъ на Чорохъ во флангъ турецкой позиціи.
Рисунъ А. Пржевальскаго (участника войны).

вяхъ, твердый оплотъ вѣры, государственности и культуры среди нарождающейся Руси Далекаго Востока.

Два шюка зажгли среди волнъ азиатскаго міра яркій, далеко и сильно свѣтлѣйшій маякъ русскаго просвѣщенія и съ девизомъ «молитва и трудъ» создали не монастырь только, въ обычномъ пониманіи этого слова, а и монастырь, и широкую программную государственную школу для русскихъ и инородцевъ, и больницу, и показательныя стачкія по всѣмъ отраслямъ труда: хлѣбопашеству, садоводству, пчеловодству, обработкѣ сырья, животноводству. Рядомъ съ храмами появились: типографія, фотографія, маслобойня, лѣсопилка, паровая вальцовая мельница, всякія мастерскія, — столярная, токарная, бондарная, колесная, слесарная, портняжная, сапожная, шорная, переплетная, гончарная, позолотная и др. И все это въ какихъ-нибудь 17 лѣтъ.

Полковникъ Илюдъ Ивановичъ МЕЛЬНИКОВЪ, командиръ полка, былъ трижды контуженъ, награжденъ Георгіевскимъ ор.

Какъ просто и величественно посплываетъ все глубокое на Руси!

Въ 1897 году двумъ монахамъ Валаамскаго монастыря, о. Сергію и о. Герману (первый таверъ игуменъ, а второй — казначей Шмаковского монастыря), предложили отправиться на далекую, чуждую землю и придти на помощь первому игумену только еще намѣченной обители о. Алексію (Осколкову), представлявшему своей единственной пока особой весь нарождающийся монастырь. И вотъ три монаха, молясь и наживая мозоли на своихъ трудовыхъ рукахъ, искусанные лѣтомъ до крови мошкаркой и оводами, зимою замерзающие въ грозной обстановкѣ тайги, начали святое дѣло. Сами націе, они ухитрились еще удѣлать отъ своего скуднаго заработка нишу, сѣно, дрова, сѣмена и т. п. окружающимъ монастырь новоселамъ. О. Алексій вскорѣ ушелъ на Афонъ; остались двое, — о. Сергіій и о. Германъ, привлеченные своими трудами и обаяніемъ своихъ высокихъ духовныхъ качествъ уже до 10 человекъ братьевъ, все крестьянъ-работниковъ, знающихъ каждый тѣ или ниня ремесла и искусства.

Командиръ дѣти ич. Свѣты Е. И. В. ген.-майоръ ЗФДЕЛИ, награжденный золотыхъ орденомъ.

Взглянувъ на высокіе, негостепримыя выраженія восторга и недоумѣнія предъ тѣмъ хребты Сихотэ-Алиня, у подошвы дѣлами рукъ его и братьевъ:

— Теперь хорошо, помоги Господь, а которыхъ пригласилъ монастырь, на грозную, могучую рѣку Уссури, заливающую равнину, охваченную этими хребтами. Скучала... трудно... мошкарка некукакъ больцомъ, и буквально слизывающую своими разливами всѣ труды земледѣльца. — незольно спрашиваешь: этимъ инокомъ можетъ оцѣнить глубину какъ могли явиться эти громадные этихъ отрывочныхъ словъ, ихъ внутренне-монастырскія зданія, эти мельницы, шюю мощь и прелесть. школы, больницы, эти дивные сады. Если прежній переселенецъ изъ Россіи былъ безпомощенъ въ этомъ новомъ, съ милой стыдливостью, по-дѣтски далекомъ краѣ, если бекъ не имѣлъ куда краснѣя, старецъ о. Германъ отвѣтитъ на обратителю со своими духовными и мате-

Захватъ «языка» подъ С—ми.

Сотник М. В. КРИСОВЪ. Награжденъ орденомъ св. Георгия 4 ст. При атаке полкомъ протавника, иди со знаменнымъ взводомъ въ третью линию, онъ увидѣлъ замѣшательство впереди идущихъ линій. Когда подъ многими были убиты лошади, онъ по собственной инициативѣ вырвался со взводомъ и бросился во флангъ Нѣмцевъ и прозвонилъ въ ихъ рядыхъ паяну, что дало возможность сбившимъ и раненымъ казакамъ избѣжать плѣна, а подшедшимъ пехотнымъ цѣпью занять непріятельскіе окопы.

Камеръ-юнкеръ Двора Е. И. В. В. И. ЛОДЫНСКІЙ.

Окончилъ фельдфебелемъ 3 Московскій Надетскій корпусъ, вахмистромъ Николаевск. Навад. училище и Юрид. Академію. Въ 1906 г. избранъ узвдн. земскимъ гласнымъ, а затѣмъ Тверскимъ губернс. гласнымъ. Былъ тов. прокурора въ Варшавѣ, затѣмъ — приморскимъ вице-губернаторомъ. Переведенъ въ Елисаветполь въ августѣ 1914 г., а въ октябрь отправленъ добровольцемъ въ действующ. армию. За развѣдку и съему окоповъ въ тылу Австрійцевъ получилъ Анненскій темлякъ, за дѣло 12 января представленъ къ Георгію. Палъ геройской смертью во главѣ своего полка, защищая Нарпатскіе перевалы.

Отправка изъ Парижа рекрутовъ 1916 года, досрочно призванныхъ на службу. Рекруты передъ посадкой въ вагоны.

риальными нуждами, то теперь онъ найдетъ въ обители все, съ чѣмъ встрѣтитъ нужду.

Если онъ придетъ въ монастырь облегчить душу, его примутъ люди громадной вѣры и духовнаго опыта, трогательно-внимательные къ его духовнымъ запросамъ. О его матеріальныхъ нуждахъ тоже позаботятся: помѣстятъ его въ теплое и чистое жилище, дадутъ вкусный и сытный столъ. Ему покажутъ образцовое конское и молочное хозяйство, научатъ образцовому уходу за садомъ, за пасѣхой... Въ этомъ отношеніи роль обители неисчерпаема. Въ дачныхъ, далекихъ отъ нея селахъ, если вы встрѣтитѣ у крестьянина наряднаго конька, прекраснаго бугая, хорошую пасѣку, садъ, посуду, сѣмена растений, — то все это отсюда, изъ Шмаковки. Изъ нея типографія выходятъ прекрасныя, сердечныя обращенія къ народу въ духѣ стараго, стараго инокскаго благочестія. Обитель и теперь печатаетъ у себя и разсылаетъ бесплатно тысячами слова христіанскаго ободренія воинамъ и ихъ семьямъ.

Но важнѣ всѣхъ печатныхъ обращеній для населенія края — личный примѣръ инокъ. Въ Приморской области среди крестьянъ никогда не услышите нареканий на монастырь, на его братію, нареканий, столь обычныхъ на монастыряхъ въ наше время въ коренной Руси. Да и откуда могутъ явиться эти нареканія? Въ монастырь любовно идетъ на помощь населенію всями возможными для него средствами. Лучшему примѣру труда и экономіи монастырь учитъ собственнымъ примѣромъ.

Здѣшнее населеніе, — въ массѣ изъ южныхъ губерній, — разводитъ въ громадномъ количествѣ подсолнухъ, портящій землю и истребляемый самымъ дикимъ образомъ: просто его массами грызутъ, до выдѣлки изъ него масла не дошли. Монастырь собралъ до 10,000 рублей, вошелъ въ долгъ и поставилъ у себя машину, которая будетъ вырабатывать съ этого года въ громадномъ количествѣ подсолнечное масло, такъ какъ урожай подсолнуха въ краѣ въ этомъ году колоссальный. Громадныя груды бережно хранимаго монастыремъ строительнаго и другого мусора: кофра, опилокъ, отсѣва, — все это будетъ использовано на топливо машины. Кто знаетъ, какъ неразумно относится нашъ крестьянинъ къ пользованію этими, по его мнѣнію, ненужными предметами, тотъ пойметъ, какой громадный практическій урокъ даетъ народу монастырь.

Всѣ культурныя начинанія монастыря проникнуты духомъ любви, а не коммерческаго духомъ стяжанія. На конюшнѣ — инокъ, любящій лошадей и заботящійся о нихъ, какъ о дѣтяхъ, на пчельникѣ —

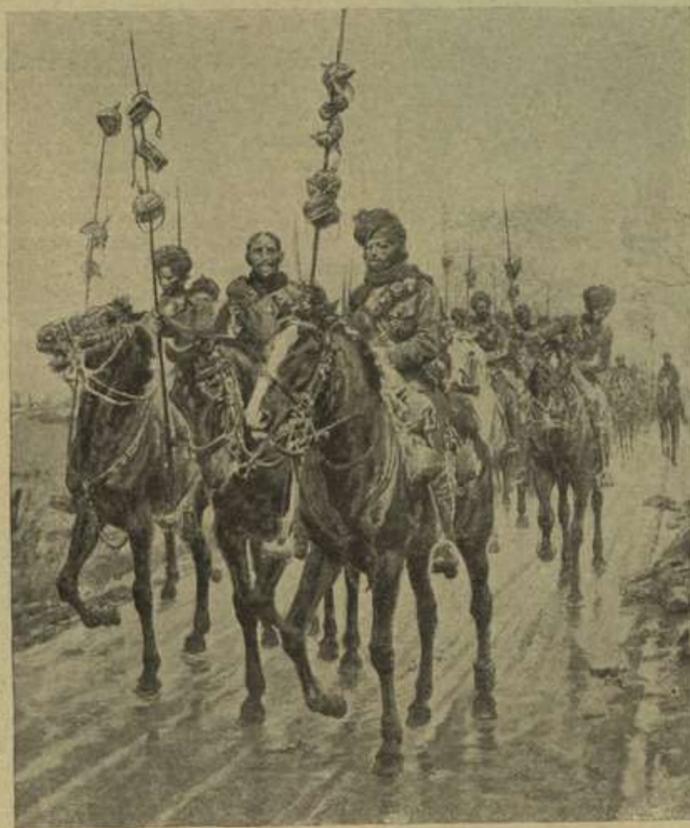
инокъ, ходящій за пчелами съ подобнымъ же чувствомъ. Есть нѣсколько изубрей, и эти дикія животныя сроднились здѣсь съ человекомъ, подходятъ свободно къ монахамъ и гостямъ и даже затѣваютъ съ ними игру: сами подставляютъ рога и начинаютъ возиться.

Это любовное отношеніе къ дѣлу, сознание монастыремъ своей служебной роли для духовнаго и матеріальнаго роста далекаго края, проникающія всѣ начинанія монастыря, вызываютъ въ каждомъ посетителѣ его восторгъ и умиленіе передъ силою воли и христіанскою любовью иноковъ къ ближнему. Въ книгѣ для посетителей монастыря есть восторженные французскіе стихи нѣкоего г. Б-на, Француза и католика. Поэтъ въ восхищеніи отъ обители, скорбитъ, что религіозные споры, — такіе, по его мнѣнію, не важныя, — разделяютъ въ общемъ мировомъ дѣлѣ, въ родѣ созданія Шмаковской обители, великихъ по духу людей.

Шмаковскій монастырь — это прочный мостъ, соединяющій коренную Россію съ ея исполненными колоніями, съ ея далекой окраиной.

Но монастырь, кромя этой миссіи, спайки окраины съ сердцемъ Руси, выполняетъ

ВОЙНА НА ЗАПАДНОМЪ ФРОНТѢ.

Бельгійская конница возвращается послѣ боя у «Neuve Chapelle». Индійскія войска, какъ извѣстно, приняли дѣятельное участіе въ этомъ бою и сильно способствовали успѣху Англичанъ. На пикахъ побѣдителей ихъ трофеи — головные уборы павшихъ въ бою Нѣмцевъ.

Рис. Ф. Мамманія («The Sphere»).

Командиръ полка, полковникъ Н. В. ШАТКОВСКІЙ. Награжденъ орденомъ св. Георгия 4 ст.

не менѣ важную государственную задачу, — онъ привлекаетъ къ Россіи инородцевъ края, особенно Корейцевъ.

Остальнымъ дѣтелямъ края, — педагогамъ, чиновникамъ, блѣдному духовенству, — удается мало сдѣлать для обращенія Корейцевъ къ православію и русской государственности, но Шмаковскій монастырь выполняетъ эту задачу блестяще. Мы видѣли получившихъ въ монастырь крещеніе и образованіе Корейцевъ. Это вполнѣ русскіе люди. Такъ крѣпко спаялъ ихъ монастырь съ нами. А между тѣмъ, верстахъ въ 50—100 живутъ тѣ же Корейцы, живутъ дѣтъ по 5—10 среди русскаго насе-

Недавно скончавшійся старшій солдатъ французской действующей арміи, г. Владимиръ де Пельпоръ. Его дѣдъ, офицеръ «Великой арміи» вѣтны нашими войсками въ плѣнъ въ 1812 г., не пожелалъ возвратиться во Францію и воспиталъ двухъ своихъ сыновей въ духѣ православія. Старшій изъ нихъ служилъ преподавателемъ въ Орловск. кадетскомъ курсѣ, младшій, поселившійся въ Парижѣ, былъ нѣмѣтенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ работъ, направленныхъ въ защиту правъ святой церкви противъ католичества.

Литературныя замѣтки.

О Нѣмцах*.

Цѣль изданія—дать «проснувшемуся» народному самосознанію материалъ для внутренней борьбы съ Германией, помочь «обосновать» національный инстинктъ, угадывающій ненормальность созданныхъ еще задолго до войны славяно-германскихъ отношеній. Составитель сборника выражаетъ надежду, что однимъ изъ великихъ послѣдствій войны «будетъ конецъ того русскаго несчастія», на которое жаловался еще 250 лѣтъ назадъ Юрій Крижаничъ, говоря о томъ, какъ Славяне «изобидѣли и осрамили» Нѣмцевъ.

Надежду эту нельзя не раздѣлять и цѣль сборника прекрасная. Но все-таки нувано это дѣло дѣлать какъ-то иначе... Въ книгѣ два главныхъ недостатка: 1) отсутствіе того качества, которымъ какъ разъ особенно отличаются наши теперешніе враги,—систематичности и 2) сравнительная слабость собраннаго въ первомъ выпускѣ материала. Въ первомъ отношеніи книга выглядит какимъ-то случайно составившимся сборникомъ. Тутъ есть немного исторіи (взгляды Крижанича), немного литературы (взгляды русскихъ писателей, и особенно Гоголя, на Нѣмцевъ). Но больше всего—простой газетной публицистикой, которую мы ежедневно читаемъ въ ежедневныхъ листахъ. Написанное все болѣе или менѣе вѣрно, но едва ли заслуживаетъ быть повтореннымъ еще одинъ разъ. Проф. Шляпкинъ, напр., повидимому, не замѣчаетъ, что его «литературныя наброски» («Нѣмецкое зло»—первая статья сборника) есть собственно безсознательныя рецензии прочитаннаго въ свое время

* «Нѣмецкое зло». Сборникъ статей, посвященныхъ вопросу о борьбѣ съ нашей внутренней Германией. Выпускъ I. М. 1915. Стр. 107. Ц. 70 коп.

въ «текущей» журналистикѣ. Оригинально въ этой статьѣ только, что цитата изъ Тютчева (стих. «Тегеризее») приписана Хомякову (стр. 14), что для специалиста по русской словесности не очень похвально...

Всего интереснѣе въ сборникѣ именно историко-литературный материалъ. Г. Громовъ подобралъ выдержки и указанія на тему «Нѣмецъ въ изображеніи русскихъ писателей». Этотъ букетъ пахнетъ довольно остро. Конечно, и предварительно можно было думать, что такая анкета выйдетъ неблагоприятной для Михеля. Но, собранная вмѣстѣ, эта куча шелчковъ очень выразительна: отъ Ломоносова до Льва Толстого не нашлось, кажется, ни одного

крупнаго русскаго писателя, который въ той или другой формѣ не выругался бы «Нѣмцемъ»—хотя бы въ художественной или другой формѣ. Правда, въ обзорѣ пропущены нѣкоторыя смѣлѣющія ноты (Тургеневскій Лемма, Толстовскій Карлъ Ивановичъ). Но можно бы ихъ и пропустить, мало изменивъ тѣмъ итоги. Эти сантиментальные образы все же чудакосты, а главное принадлежатъ,—увы!—безвозвратному прошлому. Съ этой точки зрѣнія и кое-что изъ приведеннаго материала (отзывы Гоголя и Герцена) тоже требуютъ «поправки на время», и это сдѣлало бы сдѣлать въ такомъ обзорѣ. Вообще сборникъ выигралъ бы, разработавъ подробнѣе эту тему—Нѣмецъ прежній и теперешній, въ его пониманіи русскаго человѣкомъ.

И упомянулъ объ отсутствіи систематичности. Серия сборниковъ подобнаго рода ближе достигла бы предполагаемой цѣли, если бы разбилась на естественныя дѣленія выпусковъ по темамъ: историко-литературнымъ, чисто историческимъ, экономическимъ и т. п. Причемъ тѣмъ фактичнѣе былъ бы подобранный материалъ, тѣмъ онъ, надо думать, дѣйствительно убѣдительнѣе. «Общая точка зрѣнія» на взаимоотношенія Россіи и Германіи теперь уже достаточно утверждена въ общемъ сознаніи, даже самою войной. Но намъ нужно дѣйствительно «разобраться» въ подробностяхъ и конкретностяхъ, которыя всегда «реальны».

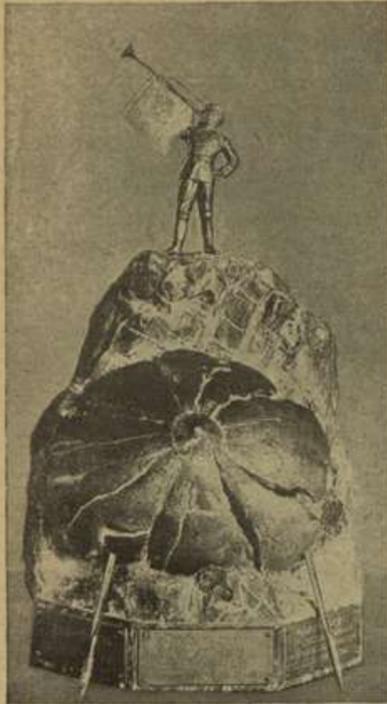
Въ этомъ смыслѣ полезенъ, помѣщенный также въ книжкѣ, этюдъ о русскихъ курортахъ проф. Шербачева (съ прекрасными циннографіями). Но и онъ мало вяжется съ остальнымъ содержаніемъ, являясь какъ бы эмбриономъ одного изъ возможныхъ систематизированныхъ выпусковъ.

И. Перловъ.

Женская осень.

Въ своей повѣсти «Ступени», Вѣра Рудичъ, доведя героиню до рокового сорокалѣтняго возраста, заставляетъ ее радоваться, что «вѣчно-мужское» перестало быть для нея такимъ бременемъ,—библейскимъ проклятіемъ,—а «стало на свое мѣсто, на которомъ оно должно стоять у одинокихъ трудящихся женщинъ—на мѣсто праздничнаго украшенія жизни». Въ новомъ сборникѣ рассказовъ г-жи Рудичъ мы встречаемся съ дальнѣйшей эволюціей чувствъ и настроеній сорокалѣтней женщины. Первый изъ рассказовъ, «Въ зеленомъ царствѣ», представляетъ какъ будто утвержденіе той же мысли,

* Вѣра Рудичъ. I. Осень золотая. II. Въ дни войны. Петрогр. 1915 г. Стр. 88. Ц. 75 к.

Подарокъ г. Петрограду л.-гв. Петроградскаго полка.

Головная часть разорвавшагося въ окопахъ у Р. «нѣмецкаго чемодана», ударишаго въ кварцевую скалу, въ которую онъ и вѣдалъ по желанію полка, подарившаго этотъ «сюрпризъ Нѣмцевъ на 1915 годъ» (какъ значится на бронзовой боковой досочкѣ) городу Петрограду. Внизу, справа и слева—двѣ стрѣлы изъ числа сброшенныхъ Нѣмцами съ аэроплана. Они длиною 12 сант., съ сильно заточеннымъ концомъ. На бокахъ четыре глубокихъ желобка, заставляющихъ стрѣлы падать остриемъ внизъ и пробивать лошадей или человѣка насквозь.

лепія и не научились даже говорить по-русски. Мѣстные чиновники лишь машутъ безнадежно рукой.

— Ужасно тупой народъ! Ничего не понимаешь!

Надо беречь и поддержать этотъ исключительной по своей роли монастырь,—особенно послѣ тѣхъ испытаний, что выпали на его долю.

А. Лифантьевъ.

Апрѣль.

Всегда больной, тоскующей столицѣ
Объ эту пору снится чудный сонъ:
Исчезли оводы въ сумрачной темницѣ;
Надъ ней безбрежный, синий небосклонъ.

Пронизанъ счастьемъ, яркимъ и единымъ,
Струится солнца золотистый хмѣль,—
И таетъ скорбь, вослѣдъ шумливымъ
льдицамъ,
И о любви намъ ворожить Апрельъ.

Весенній блескъ! Какими чудесами
Все, все кругомъ—несбыточнѣй, вольнѣй,
И, кажется на мигъ, не ты мы сами,
Мы—призраки своихъ же весеннихъ дней

Забята боль обмановъ и паденья...
А вечеръ тихъ—въ немъ музыка безъ
словъ!

И вереницей тнются видѣнья
Въ сквозную зелень нѣжныхъ остро-
вовъ.

Ив. Тхоржевскій.

Композиторъ Александръ Николаевичъ СКРЯБИНЪ.
† 14 апрѣля, въ Москвѣ.

продолжение того же настроения радости эта,—также впрочем, как и его краткую не забывает народное сердце,—как освобождения от ига, но все это находить биографию, и даже переводы многих его Россия, по слову Тютчева, не может за себя здесь еще более энергичное выражение стихотворений. Вникая эти голоса быть Пушкина. Но маленькая Грузия была не менее энергична, чем большая Россия: она сумела во-время сознать, какой момент она переживает, и утратить поэта еще при жизни, а не после его смерти. Это действительно «первая любовь», которую после навстречу никогда мы не забывали, столетия назад и в два

Кроме романа сорокалетней женщины, в сборнике г-жи Рудичь есть несколько очерков, относящихся к войне. Просто и искренне переданы впечатления, которые переживали обитатели маленькой старой усадьбы в польской глуши в первые дни после того, как внезапно разразилась война (рассказ «Дорога»). Интересны наблюдения автора над лазаретной жизнью в рассказах «Ткачуки» и «В палатах раненых».

н. в.

«Солнце Грузии» *

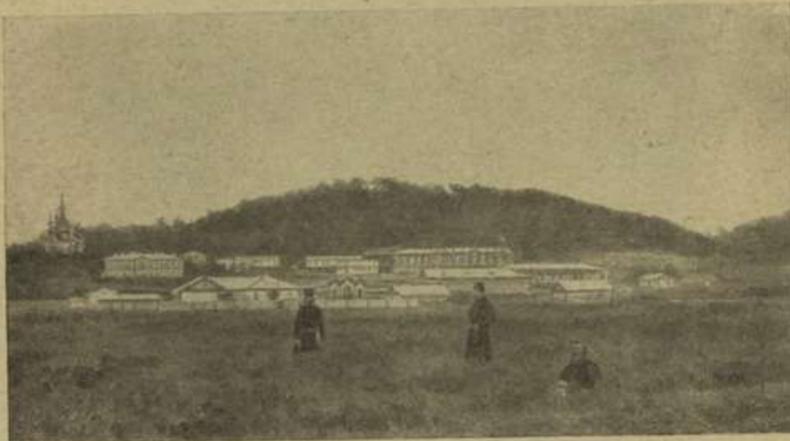
Хорошо быть великим поэтом маленького народа! Такой поэт обычно один как бы заключает в себя собирательную душу своего народа и на малом небосклоне блистает, как единственное светило—действительно, как «солнце», тгнущее к себе все взоры и сердца. Такою Шевченко для нашей малой Руси; таков Рунеберг для Финляндии, видимо, таков и скончавшийся в январь этого года кн. Акакий Церетели для народа «пламенной Колхиды», уже вошедшего, в противоположность обитателям «финских хладных скалъ», в наш русский культурный круг, хотя нам еще так мало известно.

Сборник, изданный г. Чабровым, и имеет целью познакомить «братский русский народ» если не с самим поэтом (для чего предполагается особое большое издание), то с значением его для своего народа. Сборник заключает целый ряд статей, отрывков, речей и стихотворений, вызванных конечно по-

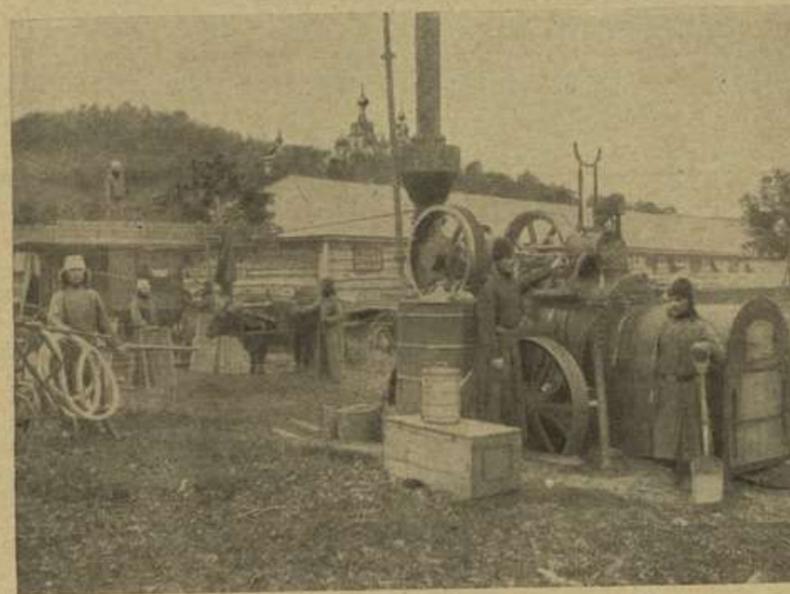
* «Памяти великого грузинского поэта князя Акакия Ростомовича Церетели». Петроград, 1915. Стр. 96. Ц. 60 к.

дальнейших десятилетий, кто тогда «между нами жил» и дарил нам бессмертные, неповторимые песни, которые большинству (почти всем) казались только милами, хорошо сохранившимися стихами, если не «стишками»...

ШМАКОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ. (См. статью на 131 стр.).

Раскинувшийся у подножья Сихотэ-Алины, в 300 верстах от Владивостока, Уссурийский Свято-Троицкий Николаевский монастырь,—оплотъ русской культуры и государственности на Дальнем Востоке.

Монастырский локомотив и мастерская в Шмаковской обители.

Шмаковские иноки за работой на пасеке.

Напротив, для грузинского народа и грузинской интеллигенции в равной, по-видимому, степени было важно, кого теперь они теряют и кому устроили истинно-национальные похороны. Все статьи и речи собственно только варьируют надпись на одном из траурных флагов, вешенных за гробом: «Твоя могилка—наше сердце». Для степени популярности поэта и для его известности очень характерно, что почти все авторы, как сговорившись, зовут поэта не по фамилии, а просто по имени, которое для нашего уха звучит неестественно. Для них он слишком «свой», и все в нем мило, вплоть до его улыбки—«улыбки Акакия».

Для русского читателя особенно приятно прочесть отрывок из детских воспоминаний поэта, где он говорит о впечатлении, которое произвел на него и его школьных товарищей рассказ учителя о Мамаевом побоище. «Эта история так подвигнула на нас, что мы, забыв, где находимся, неудержимо стали кричать: ура! Перепуганный учитель встал и быстро выбежал из класса... Захотелось и нам устроить Мамаево побоище, но никто не хотел быть Монголами, так как каждый из нас чувствовал себя Русским». И дальше поэт вспоминает родную историю, сплетая ее события и героев с летописью новой, большой родины. «И там, в России, и у нас, в Грузии,—одно и то же». Так в этом духовном объединении и цельности сложился и вырос величайший представитель грузинского народа... Явление, о котором стоит подумать. Впрочем, я самые стихи поэта, хоть бы «Гребешок», в которых так красиво вылетает отрывок из Полонского, который так напоминает этого поэта, говорить о том же «сродотвѣ душ».

И. Перцов.

Американские нравы.

Уpton Синклер в романах которого американская жизнь рисуется такою, какова она есть в действительности, без ложной ее идеализации, способен заставить читателя отбросить от многих общепринятых представлений о бытѣ и нравах обитателей Нового Свѣта. Тяга «в Америку», заставляющая стремиться туда всех, неудовлетворенных порядками старой, застывшей в вековых предрассудках Европы, основана главным образом на предположении, что за океаном царство свободы и равенства, что там нашли чистое выражение демократическія начала. В романах «Дебри» и «Деньги» Синклер во многом пошатнул эти воззрения. В романе «Сильвия» * все заключения героини обусловлены опять-таки такими особенностями быта Северо-Американской республики, которые для многих покажутся совершенно географическими. Если в нашем полушарии преградой между двумя любящими сердцами являются сословные или иного рода предрассудки, то это никого особенно не поражает. Но оказывается, что Америка в этом отношении нас даже переполюет. Сильвия полюбила молодого человека, о котором никто из ее родных не может сказать решительно ничего дурного,—напротив того, все они отлично знают, что в нравственном отношении он является безупречным. Но на перспективу ее брака с

* Уpton Синклер. Собрание сочинений. Том V. Сильвия. Романъ. Книгоиздательство «Прометей» Н. Н. Михайлова. Петроградъ, 1915 г. Стр. 273. Ц. 1 руб. 25 коп.

нимъ всё они смотрятъ, какъ на страшное, свалившееся на ихъ голову, несчастье, какъ на катастрофу, разрушающую все благополучіе семьи, и все это потому, что его отецъ былъ подъ судомъ за растрату, причѣмъ всѣмъ было очень хорошо извѣстно, что онъ былъ невиновенъ и что растрату эту совершилъ не онъ, а другой. Трудно представить себѣ даже, чтобы, напр., въ Россіи, проитанной, согласно представлению многихъ, всякаго рода предрасудкамъ, при подобной же комбинаціи событий, все родня невесты могла считать себя не на шутку скомпрометированной, между тѣмъ въ свободной Америкѣ не только сама дѣвушка, рѣшившаяся на такой «необдуманный шагъ», но и всѣ связанные съ нею узаны родства переходятъ въ разрядъ «парій». Изъ романа Синклера мы видимъ затѣмъ наглядно, въ рядѣ яркихъ картинъ, что не только всемогущія деньги играютъ огромную роль въ опредѣленіи «удѣльного дѣла» того или другого члена общества (это, болѣе или менѣе, извѣстно всѣмъ), но что и знатность происхожденія учитывается отноше- не менѣе, если не болѣе, чѣмъ въ Европѣ, такъ что представители старинныхъ американскихъ родовъ хотя и пасуютъ передъ золотыми мѣшками, но въ глазахъ обыкновенныхъ обывателей являются существами особенными, и таковыми же сами себя считаютъ. Поучительны и тѣ страницы романа, въ которыхъ изображается бытъ американскаго студенчества. Ничего подобнаго тѣмъ перегородамъ, которыя отдѣляютъ въ демократической странѣ богатую и

Вѣрный защитникъ

Послѣ занятія маленькаго городка Vailly на Энѣ Германцами, въ полуразрушенныхъ домахъ не осталось ни одного жителя: всѣ искали въ бѣгствѣ спасенія отъ жестокости пришельцевъ. Единственное существо, оставшееся среди развалинъ, была собака, покинутая хозяевами. Она храбро защищала уцѣлѣвшее имущество ушедшихъ, — нѣсколько стульевъ и столъ, не подпуская къ нимъ враговъ.

знатную молодежь отъ остальной массы товарищей, нельзя себѣ и представить въ условіяхъ нашего быта. Въ романѣ Синклера, помимо того, что онъ даетъ представление о социальной структурѣ американскаго общества, интересно очерчена и фигура самой героини, хотя относительно избытка алчности, которую надбавлялъ ее авторъ, у читателей могутъ возникнуть подчасъ сомнѣнія. Для покоренія даже какого-нибудь архимиллиардера, припрыгнувъ, чтобы женщины заискивали въ немъ, и относящагося къ нимъ свысока, ей довольно срока не болѣе получаса. Переводъ читается въ общемъ довольно легко, хотя и попадаются подчасъ курьезы, безъ которыхъ, повидимому, не могутъ обойтись наши издательства. Напр., оказывается, что усадьба жениха Сильвіи, приславившаго ей отсюда съ Негромъ чуть не ежедневно то букеты, то еластрированную имъ дичь, отстояла отъ усадьбы ея родителей «миляхъ въ двадцати тысячъ». Какую колоссальную скорость долженъ былъ развивать мулъ этого Негра, чтобы въ теченіе сутокъ успѣть сдѣлать въ оба конца около сорока тысячъ миль!

В. Ю. Б.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время».

НЕПРОМОКАЕМАЯ
изъ лучшей англійской ткани обработ. матерія
ПАЛЬТО, НАКИДКИ и ПЛАЩИ,
военная и статскія, мужскія, дамскія и дѣтскія,
въ большой выборѣ, и ланной кройкой.

Конст. Мальмъ.
Морская, 34. Тел. 13-92.

СКАНДИНАВИЯ

HÔTEL de SUÈDE
Stockholm. Drottninggatan, 43.
Лифтъ, центр, отопл., телеф. въ кажд. номерѣ. Вольно роскоши, комфорта. Дешев. и т. д. 8 мин. ходьбы отъ гл. ж.-д. станціи.
Съ почтеніемъ Ida Wide.

БИБЛІЯ
Полная на рус. яз. съ параллель. мѣт. и указател., печатъ Синодальной типографіи иллюстрирована **208** худо-
КАРИНАМИ, въ текстѣ
размѣр. кв. 6×4 верст., 2 томи. вѣс. 9 ф. 1550 стр., въ проч. краш. тѣн. золотомъ подукосан. переп. съ кол. футл. и 5 р. съ переп. Евр. Рос. 6 р. 85 к., уклад. 20 к. Первая и единствен. въ Россіи иллюстр. Библия. Эту великую книгу книгъ долженъ имѣть каждый.
Адр: Петроградъ, Невскій, 153/1.
Е. П. Масленникову. Тел. 00-88.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ, НЕВРАЛГИИ, ИШИАСА,
простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалдоль Д-ра Сторъ.
Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдоль абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ

РУМЯНЕЦЪ,
который никто не отличить отъ натурального, придаетъ „Вода здоровья“
„Eau de Santé“ соверш. безвредн.
ВО ИЗБѢЖ. ПОДДѢЛКИ прод. ТОЛЬКО Пугр., Коломенская, 27, особ. домъ, Salon de Beauté съ 1-7 ч. Высыл. наложен. платеж. флак. 8 р., достаточ. на 8 мѣс. **ПРОБА ВЪ САЛОНѢ БЕЗПЛАТНО,** но не высыл. Деньги впередъ не высылать. Первая посылка отправл. только черезъ 4-5 дней по случ. многочисл. заказовъ. Магазинамъ на продажу не даю. Отдѣленій не имѣю. До востребованія не высылать. **НИГДѢ НѢТЬ ПОКА НИЧЕГО ЛУЧШАГО.**

ГОТОВО-ФАБРИЧ. И. ВИНЮКОВЪ и Н. СИННИКОВЪ Садовая 29.
Годинный Дворъ (у Лавки) Невскій проспектъ №157
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕСЪ-КУРАНТЫ съ иллюстраціями всѣхъ музыкал. инструм. и граммофон. **ЦЕНООПТОВЫЯ ВЪСЕМЪ**

ВСЕМИРНОИЗВѢСТНЫЙ КРЕМЪ КАЗИМИ МЕТАМОРФОЗА
ЕДИНСТВЕННО ПРИЗНАННАЯ ЖЕНЩИНАМИ ВСЕГО МИРА
БЕЗПОРНО РАДИКАЛЬНО ДѢЛАЕТЪ ВЕСУШКА УГРЯ ПЯТНА, ЗАГАРЫ, МОРЩИНЫ, ПАРДЫШКИ, ПИЛЫ

Новая книга:
ГЕНРИЕТТА КАРГРЭМЪ.
КОКТАШДЖУЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА.
Повѣсть. — Цѣна 1 руб.
Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и въ кіоскахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.

Поступило въ книжн. магазинъ „Новаго Времени“ (Петроградъ, Невскій, 40)
5-е издание **„ГИГИЕНА БРАКА“**
Женщ. врача Волковой. Ц. 50 к.
Содержаніе: Нуженъ ли бракъ. Воспитаніе дѣтей. Воспитаніе дѣвушекъ. Выборъ мужа. Воспитаніе юношей. Проституція. Выборъ жены. Женхество. Вступленіе въ бракъ. Гигіена брачной жизни. Искусственное безплодіе. Разводъ. Переходный возрастъ. Бездѣтные браки и т. д.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина «Новое Время»
ПРОДАЕТСЯ РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ
ШЕКСПИРЪ
ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ
СЪ РИСУНКАМИ
ДЖЕМСА Д. ЛИНТОНА
Цѣна 10 руб.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ВА А. С. СУВОРИНА—„НОВОЕ ВРЕМЯ“
И ВЪ ЖЕЛ.-ДОР. КЮСКАХЪ, ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

М. Д. ОРДЫНЦЕВЪ-КОСТРИЦКІЙ

ВОЛШЕБНЫЯ СКАЗКИ НАШИХЪ ДНЕЙ

Повѣсти и рассказы изъ жизни Южно-Американскаго материка.

Обложка и рисунки худож. С. Ф. Плосинскаго.

Цѣна 2 рубля.

ОБРАЗЫ ПРОШЛАГО

Очерки и рассказы о великихъ людяхъ прошлыхъ вѣковъ Н. Марьяцева. Съ иллюстраціями. (Св. Женьяна, Кедмонъ и Вада, епископъ Амвросій, Томасъ Моръ, ересь Палестин. Даміанъ де-Вестеръ, Дж. Гонаръ, Дж. Чосеръ, Робертъ Ворисъ, Чарльзъ Диккенсъ, Пьеръ де-Шанпанъ и др.) Петрогр. 1915 г. Цѣна 2 р. 25 к., въ папѣ 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ

ШВЕДСКАГО НАРОДА
въ обработкѣ для дѣтей Н. Марьяцева. Съ 78 рисунками шведскихъ художниковъ. Петрогр. 1915 г. Ц. 1 р. 75 к., въ папѣ 2 р., въ колѣнк. перепл. 2 р. 50 к.

ДВА ДРУГА

Изъ жизни въ дѣсахъ Африки. Повѣсть для дѣтей и юношества Н. Марьяцева. Съ рисунками худож. С. Плосинскаго. Петрогр. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папѣ 1 р. 75 к., въ колѣнк. перепл. 2 р. 25 к.

ВЪ ЛѢСНЫХЪ

ДЕБРЯХЪ

Рассказы Ч. Робертса. Переводъ съ англійскаго Волошинова, съ рисунками С. Плосинскаго. Петрогр. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к., въ папѣ 1 р. 50 к., въ колѣнк. перепл. 2 р.

ЧУДЕСА

Подводнаго Царства

Популярныя очерки изъ жизни обитателей водъ П. Е. Васильковскаго. Съ раскрыт. таблицей и 106 рисунками. Петрогр. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папѣ 1 р. 75 к., въ колѣнк. перепл. 2 р. 25 к.

„Разсвѣтъ незримо близится... Последний мой разсвѣтъ“...

Рис. изъ книги „Волшебныя сказки нашихъ дней“.

ВЪ ЦАРСТВѢ СМЕЯЛКИ ИЛИ АРИМЕТИКА ДЛЯ ВСѢХЪ.

Книга для семьи и школы. Е. И. Игнатьева. Опытъ математической хрестоматіи. Въ трехъ книгахъ съ рис. и чертежами. Задачи съ рѣшеніями. Кн. I ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 25 к., кн. II ц. 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 50 к., кн. III ц. 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 50 к.

ДИКОВИНКИ ЗЕМЛИ

Популярныя очерки изъ жизни нашей планеты. П. Е. Васильковскаго. Съ 88 рисунками. Петр. 1913 г. Цѣна 1 р. 75 к., въ папѣ 2 р., въ колѣнк. перепл. 2 р. 50 к.

ЧУДЕСА

ЖИВОТНАГО МІРА

(Зоологія для всѣхъ). Хрестоматія для чтенія въ семьѣ и школѣ. П. Е. Васильковскаго. Съ 189 рисунками. Петр. 1913 г. Ц. 3 р. 25 к., въ перепл. 4 р.

КОРОЛЕВА

ЗЕМЛИ ФРАНКСКОЙ

Историческій романъ М. Д. Ордынцева-Кострицкаго. Обложка художника С. Плосинскаго. Рисунки худож. К. Ридберга. Петр. 1914. Цѣна 2 руб.

НАУКА О НЕБѢ И ЗЕМЛѢ,

общедоступно изложенная. Очерки по астрономіи, физической географіи и геологіи. Е. И. Игнатьева. Съ 832 рисунками и шестью красочными картинками. XVI+582 стр. Петр. 1912 г. Ц. 5 р., въ перепл. 6 р. 75 к.

Е. И. БЛАВАТСКАЯ.

ИЗЪ ПЕЩЕРЪ И ДѢВРЕЙ ИНДОСТАНА

Съ рисунками въ текстѣ. Цѣна 1 р. 50 к.

Г. Т. СЪВЕРЦЕВЪ-ПОЛИЛОВЪ.

БРАТЬ НА БРАТА

Историческая повѣсть для юношества. Цѣна 1 руб. 75 коп.

В. П. АНДРЕЕВСКАЯ.

ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ

Историческій разсказъ съ рисунками. Цѣна 1 р., въ папѣ 1 р. 50 к.

Г. Т. СЪВЕРЦЕВЪ-ПОЛИЛОВЪ.

ПОДЪ УДѢЛЬНОЮ ВЛАСТЬЮ

Историческая повѣсть для юношества. Цѣна 1 руб. 75 коп.